

ISSN (Print) 2409-3416
ISSN (Online) 2658-5219
DOI: 10.46272/2409-3416-2022-10-1

В научном журнале рассматриваются тенденции
и перспективы политического и экономического развития
Иberoамериканского региона.

Издается с 2013 г.

Выходит 4 раза в год.

→ Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Московский
государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации»

→ Издатель

Институт международных исследований, МГИМО МИД России

→ Главный редактор

Габарта Анджей Артурович, МГИМО МИД России (Москва)

→ Заместитель главного редактора

Попов Иван Владимирович, МГИМО МИД России (Москва)

→ Редакторы выпуска

Неклюдов Никита Яковлевич
Павлов Владимир Владимирович
Самойловская Наталия Александровна
Ткач Дмитрий Николаевич
Якутова Ульяна Вячеславовна

Компьютерная верстка: Талалаевский Алексей Владимирович

Дизайн: Левицкая Вероника Евгеньевна

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ISSN (Versión papel) 2409-3416
ISSN (Electrónico) 2658-5219
DOI: 10.46272/2409-3416-2021-10-1

La revista se dedica al estudio de las tendencias
y perspectivas del desarrollo político y económico
de la región iberoamericana.

Año de creación: 2013.

Periodicidad: 4 números al año (trimestral).

→ Fundador

Instituto Estatal de Relaciones Internacionales de Moscú
adjunto al Ministerio de Asuntos Exteriores de la Federación
de Rusia (Universidad MGIMO)

→ Publicador

Instituto de Estudios Internacionales, Universidad MGIMO

→ Presidente del Consejo Editorial

Andrzej A. Habarta, Universidad MGIMO (Moscú)

→ Vicepresidente del Consejo Editorial

Ivan V. Popov, Universidad MGIMO (Moscú)

→ Redacción

Nikita Y. Neklyudov
Vladimir V. Pavlov
Natalia A. Samoylovskaya
Dmitry N. Tkach
Uliana V. Yakutova

Diseño editorial: Alexey V. Talalayevskiy

Diseño: Veronica E. Levitskaya

Esta revista es indizada por el Índice de Citación Científica de Rusia

ISSN (Print) 2409-3416
ISSN (Online) 2658-5219
DOI: 10.46272/2409-3416-2022-10-1

The academic journal focuses on important trends and scenarios of political and economic development of the Iberoamerican region.
Established in 2013.
Published on a quarterly basis.

→ Founder

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

→ Publisher

Institute for International Studies, MGIMO University

→ Editor-in-Chief

Andrzej A. Habarta, MGIMO University (Moscow)

→ Deputy Editor-in-Chief

Ivan V. Popov, MGIMO University (Moscow)

→ Associate Editors

Nikita Y. Neklyudov
Vladimir V. Pavlov
Natalia A. Samoylovskaya
Dmitry N. Tkach
Uliana V. Yakutova

Desktop Publishing: Alexey V. Talalayevskiy
Design: Veronica E. Levitskaya

The journal is indexed in the Russian Science Citation Index

© IIS, MGIMO University, 2022

www.iberpapers.org
submissions@iberpapers.org

Mass Media Registration Certificate
ПИ No. FS77-78906 of August 7, 2020

Международный редакционный и научно-экспертный совет

Л.С. Окунева, доктор исторических наук, МГИМО МИД России, председатель Совета

А.А. Габарта, кандидат экономических наук, МГИМО МИД России, главный редактор

И.В. Попов, кандидат исторических наук, МГИМО МИД России, заместитель главного редактора

У. Алехандро Санчес, Американский университет, США

Н.Е. Анিকেева, доктор исторических наук, МГИМО МИД России

П. Ботта, доктор международных отношений, Католический университет Аргентины

А.Х. Верду-Ховер, доктор экономических наук, Университет Мигеля Эрнандеса, Испания

О.В. Волосюк, доктор исторических наук, НИУ ВШЭ

Р. Гусман Тирадо, доктор филологии, Университет Гранады, Испания

В.М. Давыдов, член-корреспондент РАН, ИЛА РАН

Д.А. Дегтерев, доктор политических наук, кандидат экономических наук, РУДН

А.Л. Дюффе Монтальбан, доктор филологии, Университет Ренн 2, Франция

Х. Касальс Льяно, доктор экономики, Высший институт международных отношений им. Рауля Роа Гарсиа МИД Кубы

М.В. Ларионова, кандидат филологических наук, МГИМО МИД России

Я. Луст, доктор в области изучения проблем развития, Университет Рикардо Пальма, Перу

Б.Ф. Мартынов, доктор политических наук, МГИМО МИД России

О.А. Масалова, кандидат исторических наук, Казанский (Приволжский) федеральный университет

М.П. Молоезник, доктор юридических наук, Университет Гвадалахары, Мексика

Р. дель Мораль, доктор филологии, Президент Европейской ассоциации преподавателей испанского языка, Испания

Х. де Ойос Пуэнте, доктор географии и истории, Национальный университет заочного обучения, Испания

К. дель Прадо Игера, доктор истории, Университет Короля Хуана Карлоса, Испания

И.Л. Прохоренко, доктор политических наук, ИМЭМО РАН

В.У. Рамирес Лавалье, Атлантический международный университет, США

Э. Сан Мигель Перес, Университет Короля Хуана Карлоса, Испания

А. Санчес-Андрес, доктор экономики, Университет Валенсии, Испания

К. Уриарте Санчес, доктор юридических наук, Университет Короля Хуана Карлоса, Испания

П.А. Фернандес Санчес, доктор юридических наук, Университет Севильи, Испания

В.Л. Хейфец, доктор исторических наук, СПбГУ

Л.С. Хейфец, доктор исторических наук, СПбГУ

С.М. Хенкин, доктор исторических наук, МГИМО МИД России

А.В. Шестопал, доктор философских наук, МГИМО МИД России

Consejo Internacional de Expertos Científicos

Presidenta del Consejo Académico Internacional **Dra. L. Okuneva** (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Presidente del Consejo Editorial **Dr. A. Habarta** (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Vicepresidente del Consejo Editorial **Dr. I. Popov** (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

W. Alejandro Sanchez (Universidad Americana, Estados Unidos)

Dra. N. Anikeeva (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dr. P. Botta (Universidad Católica Argentina)

Dr. J. Casals Llano (Instituto Superior de Relaciones Internacionales "Raúl Roa García", Cuba)

Miembro-Correspondiente de la Academia de ciencias de Rusia **V. Davydov** (Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia)

Dr. D. Degterev (Universidad RUDN, Federación de Rusia)

Dra. A.L. Duffé Montalván (Universidad Rennes 2, Francia)

Dr. P.A. Fernández Sánchez (Universidad de Sevilla, España)

Dr. R. Guzmán Tirado (Universidad de Granada, España)

Dr. J. de Hoyos Puente (Universidad Nacional de Educación a Distancia, España)

Dr. L. Jéifets (Universidad Estatal de San Petersburgo, Federación de Rusia)

Dr. V. Jéifets (Universidad Estatal de San Petersburgo, Federación de Rusia)

Dr. S. Khenkin (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dra. M. Larionova (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dr. J. Lust (University Ricardo Palma, Peru)

Dr. B. Martynov (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dra. O. Masalova (Universidad Federal de Kazán, Federación de Rusia)

Dr. M.P. Moloeznik (Universidad de Guadalajara, México)

Dr. R. del Moral (Presidente, Asociación Europea de Profesores de Español, España)

Dra. C. del Prado Higuera (Universidad Rey Juan Carlos de Madrid, España)

Dra. I. Prokhorenko (Instituto de Economía Mundial y Relaciones Internacionales de la Academia de Ciencias de Rusia)

V.H. Ramirez Lavalle (Universidad Internacional Atlántica, Estados Unidos)

Dr. E. San Miguel Pérez (Universidad Rey Juan Carlos de Madrid, España)

Dr. A. Sánchez-Andrés (Universitat de València, España)

Dr. A. Shestopal (Universidad MGIMO, Federación de Rusia)

Dr. C. Uriarte Sánchez (Universidad Rey Juan Carlos de Madrid, España)

Dr. A.J. Verdú-Jover (Universitat Miguel Hernández, España)

Dra. O. Volosyuk (Universidad ESE, Federación de Rusia)

International Editorial and Expert Advisory Board

President of the Board **Dr. L. Okuneva** (MGIMO University, Russian Federation)

Editor-in-Chief **Dr. A. Habarta** (MGIMO University, Russian Federation)

Deputy Editor-in-Chief **Dr. I. Popov** (MGIMO University, Russian Federation)

W. Alejandro Sanchez (American University, USA)

Dr. N. Anikeeva (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. P. Botta (Catholic University of Argentina)

Dr. J. Casals Llano (Higher Institute of International Relations "Raúl Roa García", Cuba)

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences **V. Davydov** (Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences)

Dr. D. Degterev (RUDN University, Russian Federation)

Dr. A.L. Duffé Montalván (University Rennes 2, France)

Dr. P.A. Fernández Sánchez (University of Sevilla, Spain)

Dr. R. Guzmán Tirado (University of Granada, Spain)

Dr. J. de Hoyos Puente (National University of Distant Education, Spain)

Dr. L. Jéifets (Saint-Petersburg State University, Russian Federation)

Dr. V. Jéifets (Saint-Petersburg State University, Russian Federation)

Dr. S. Khenkin (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. M. Larionova (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. J. Lust (Universidad Ricardo Palma, Peru)

Dr. B. Martynov (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. O. Masalova (Kazan Federal University, Russian Federation)

Dr. M.P. Moloeznik (University of Guadalajara, Mexico)

Dr. R. del Moral (President, European Association of Professors of Spanish, Spain)

Dr. C. del Prado Higuera (King Juan Carlos University, Spain)

Dr. I. Prokhorenko (Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences)

V.H. Ramirez Lavalle (Atlantic International University, USA)

Dr. E. San Miguel Pérez (King Juan Carlos University, Spain)

Dr. A. Sánchez-Andrés (University of Valencia, Spain)

Dr. A. Shestopal (MGIMO University, Russian Federation)

Dr. C. Uriarte Sánchez (King Juan Carlos University, Spain)

Dr. A.J. Verdú-Jover (Miguel Hernández University, Spain)

Dr. O. Volosyuk (HSE University, Russian Federation)

Содержание

→ **8** От главного редактора

Политика

→ **10** П.П. Яковлев, Н.М. Яковлева
Латиноамериканский популизм: исторический контекст и современные тренды

→ **27** Л.С. Окунева
Современный облик правого популизма в Бразилии

→ **38** Б.Ф. Мартынов
Советско-кубинские отношения после Карибского кризиса, крах разрядки и уроки на будущее

→ **53** М.И. Сигачев, Ю.А. Тимофеева
Лузофонный мир Ибероамерики: между «левой волной» и «правым поворотом» (на примере Португалии и Бразилии)

→ **69** И.В. Кривушин
Баскские националисты в Наварре: долгий путь к успеху

Международные отношения

→ **84** А.Д. Щербакова
Аргентино-бразильские противоречия как фактор дезинтеграции в Южной Америке

→ **99** В.К. Медина Гонсалес, Э. Орельяна Солано
Тенденции и перспективы развития эквадорско-перуанских отношений

→ **113** С.М. Ребрей
Гендерное неравенство в Латинской Америке

→ **129** Для авторов

Índice

→ 8 **Presentación**

Política

→ 10 **Petr Yakovlev, Nailya Yakovleva** Populismo latinoamericano: contexto histórico y tendencias actuales

→ 27 **Liudmila Okuneva** La imagen moderna del populismo de derecha en Brasil

→ 38 **Boris Martynov** Relaciones soviético-cubanas después de la Crisis de octubre, el colapso de la distensión y sus aprendizajes para el futuro

→ 53 **Maksim Sigachev, Yulia Timofeeva** El mundo lusófono de Iberoamérica: entre la "ola izquierdista" y el "giro a la derecha", casos de Portugal y Brasil

→ 69 **Ivan Krivushin** Nacionalistas vascos en Navarra: un largo camino hacia el éxito

Relaciones Internacionales

→ 84 **Anna Shcherbakova** Controversias argentino-brasileñas como factor de desintegración en América del Sur

→ 99 **Vinicio Xavier Medina González, Edison Orellana Solano** Tendencias y perspectivas de las relaciones entre Ecuador y Perú

→ 113 **Sofía Rebrey** Desigualdad de género en América Latina

→ 129 **Para los autores**

Content

→ **8** Editorial

Politics

→ **10** **Petr Yakovlev, Nailya Yakovleva**
Latin American Populism: historical context and modern trends

→ **27** **Liudmila Okuneva**
The modern face of right-wing populism in Brazil

→ **38** **Boris Martynov**
Soviet-Cuban relations after the Caribbean crisis, the collapse of détente and lessons for the future

→ **53** **Maksim Sigachev, Yulia Timofeeva**
The lusophone world of Iberoamerica: between the "left wave" and the "right turn" (the example of Portugal and Brazil)

→ **69** **Ivan Krivushin**
Basque nationalists in Navarre: a long road to success

International Relations

→ **84** **Anna Shcherbakova**
Argentine-Brazilian contradictions as a factor of disintegration in South America

→ **99** **Vinicio Xavier Medina González, Edison Orellana Solano**
Trends and prospects for the development of Ecuadorian-Peruvian relations

→ **113** **Sofia Rebrey**
Gender equality in Latin America

→ **129** For authors

Уважаемые читатели,

Представляем Вашему вниманию первый номер журнала «Иberoамериканские тетради» за 2022 год. В этом номере мы решили несколько нарушить сложившуюся уже традицию – публиковать тематические номера, посвященные ведущим странам Иberoамериканского мира, – и подготовили для Вас статьи, посвященные актуальным проблемам стран Латинской Америки и Иберийского полуострова и не только.

Одной из характерных черт политического развития стран Латинской Америки как в прошлом, так и в настоящее время является популизм. П.П. Яковлев и Н.М. Яковлева в своей статье «Латиноамериканский популизм: исторический контекст и современные тренды» анализируют природу этого явления. Латиноамериканский популизм пустил глубокие корни в регионе, стал неотъемлемой частью общественного ландшафта, специфической чертой политических процессов. Десятки видных деятелей популистского толка возглавляли правительства во многих государствах региона, явились создателями ведущих политических партий и движений, оставили неизгладимый след в латиноамериканской истории. Настоящий момент не является исключением, во многих государствах-лидерах Латинской Америки у власти стоят популисты разных, порой противоположных, убеждений или вовсе без оных, формируя вектор социально-экономического развития всего региона.

Тему «правого» популизма продолжает исследовать в своей статье «Современный облик правого популизма в Бразилии» Л.С. Окунева. Если всплеск правого популизма в странах Европы был спровоцирован преимущественно внешними факторами, такими как миграционный кризис, то в Бразилии имелись чисто внутренние причины и мотивы, создавшие благоприятную почву для прихода к власти правопопулистского лидера. Автор в своей работе анализирует бразильский вариант современной правопопулистской идеологии и политической практики, воплощенный в «феномене Болсонару» – президента страны. Рассматриваются причины и обстоятельства, сделавшие возможным приход и укоренение правого популизма на бразильской политической почве.

Б.Ф. Мартынов выбрал в качестве предмета исследования советско-кубинские отношения после Карибского кризиса и проанализировал степень самостоятельности внешней политики Кубы по отношению к Африке, участие в этом процессе СССР и позицию США. В рамках своего анализа автор приходит к выводу, что отправка Кубой своих «добровольцев» сначала в Анголу, а затем и в Эфиопию осуществлялась не по инициативе СССР, который стремился сохранить разрядку в отношениях с Западом. Однако обвинения в адрес СССР относительно вмешательства в Африке были использованы администрацией Дж. Картера для одностороннего отказа от политики разрядки, которая в глазах США себя изжила. Точку в окончании политики разрядки поставил ввод советских войск в Афганистан. Анализ интернационалистской активности Кубы в Африке позволил автору сделать ряд выводов относительно ее последствий для международного коммунистического движения и влияния на расстановку сил в мире накануне начала политики перестройки в Советском Союзе.

М.И. Сигачев и Ю.А. Тимофеева в своей статье «Лузофонный мир Иberoамерики: между «левой волной» и «правым поворотом» (на примере Португалии и Бразилии)» анализируют политические циклы португалоязычного (лузофонного) мира, основу которого составляет цивилизационная ось Португалия – Бразилия. Авторы стремятся до-

казать существование синхронии и параллелизма в контексте движения политического маятника справа налево и обратно в рамках лузофонного мира Ибероамерики. Авторы утверждают, что ибероамериканский трансконтинентальный макрорегион зажат между «левой волной» и «правым поворотом», причем в современных условиях делается вывод о дальнейшем продолжении «левой волны» с правыми флуктуациями. В статье дается прогноз о дальнейшем «полевении» лузофонного мира Ибероамерики, если вслед за уверенной победой португальских социалистов под руководством А. Кошты к власти в Бразилии также придет левоцентристский президент Лула да Силва, и, как следствие, о формировании левого полюса силы в рамках ибероамериканской Лузофонии.

И.В. Кривушин в статье «Баскские националисты в Наварре: долгий путь к успеху» исследует причины резкого усиления политических позиций баскских националистических сил в Наварре в конце 2000–2010-х гг. Автор выявляет основные этапы исторического развития баскского национализма в Наварре и его противостояния с различными формами местного регионализма с начала XX в. вплоть до настоящего времени. Автор также выделяет особенности эволюции баскского национализма в Наварре по сравнению с его развитием на других баскских территориях. Усиление сепаратистов в Наварре вместе с ростом их популярности в Галисии грозит увеличением числа сепаратистски настроенных регионов Испании и бросает серьезный вызов всему Испанскому «государству автономий».

В журнале уделено большое внимание анализу двусторонних отношений между странами Латинской Америки на современном этапе. А.Д. Щербакова в своей статье описывает особенности аргентино-бразильских отношений, отдельно концентрируясь на существующих противоречиях, которые, по мнению автора, являются дезинтегрирующим фактором в Южной Америке. В.К. Медина Гонсалес и Э. Орельяна Солано в своей работе рассматривают ключевые тенденции и перспективы развития эквадорско-перуанских отношений.

С.М. Ребрей в статье «Гендерное неравенство в Латинской Америке» анализирует измерение уровня гендерного равенства в странах Латинской Америки. Автор утверждает, что среди развивающихся экономик Латинская Америка демонстрирует весьма высокие показатели гендерного равенства в результате высокой степени феминизации рынков труда. Однако преобладание традиционного разделения труда в институте семьи нивелирует бонусы от участия женщин в оплачиваемом труде и усугубляет проблему двойного бремени: женщины оказываются зажаты в тисках, где с одной стороны – оплачиваемый труд, а с другой – неоплачиваемый домашний труд, в котором участвуют преимущественно женщины. Наиболее значимым фактором, позитивно влияющим на укрепление гендерного равенства, автору видится доля женщин в управлении, тогда как уровень социально-экономического развития страны без специализированной политики, направленной на стимулирование гендерного равенства, не приводит к росту последнего.

В 2022 году мы продолжим обсуждение актуальных региональных тем. Желаем Вам полезного знакомства с журналом!

А.А. Габарта, главный редактор

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-10-26>

Латиноамериканский популизм: исторический контекст и современные тренды

© П.П. Яковлев, Н.М. Яковлева, 2022

Яковлев Петр Павлович, д.э.н., главный научный сотрудник Центра иберийских исследований ИЛА РАН, Москва (Россия)

Для корреспонденции: 115035, Россия, Москва, ул. Б. Ордынка, 21/16

Яковлева Наиля Магитовна, к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра политических исследований ИЛА РАН, Москва (Россия)

Для корреспонденции: 115035, Россия, Москва, ул. Б. Ордынка, 21/16

E-mail: petrp.yakovlev@yandex.ru
(корреспондирующий автор)

E-mail: nel-yakovleva@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 23.01.2022

Доработана после рецензирования: 19.02.2022

Принята к публикации: 01.03.2022

Для цитирования: Яковлев П.П., Яковлева Н.М. Латиноамериканский популизм: исторический контекст и современные тренды. *Ибероамериканские тетради*. 2022, 10(1): 10–26. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-10-26>.

→ Аннотация

В статье показано, что роль популизма в истории и политической современности латиноамериканских стран – чрезвычайно значимая, актуальная, но одновременно сложная научно-практическая тема, уже не одно десятилетие вызывающая острые дискуссии в экспертном сообществе. Это объясняется рядом причин. Не в последнюю очередь – противоречивостью и неоднозначностью популизма как общественного феномена, его динамичным и вариативным характером, что постоянно выдвигает перед учеными новые исследовательские задачи, заставляет включать в сферу анализа широкий пласт дополнительного эмпирического материала. Но главное в другом. Латинская Америка – родина современного популизма. Здесь, как ни в каком другом районе мира, популизм пустил глубокие корни, стал неотъемлемой частью общественного ландшафта, специфической чертой политических процессов. Десятки видных деятелей популистского толка возглавляли правительства в большинстве государств региона, явились создателями ведущих политических партий и движений, оставили неизгладимый след в латиноамериканской истории. И по сей день популисты разных, порой противоположных, убеждений или вовсе без оных стоят во главе ведущих стран Латинской Америки, во многом формируют вектор социально-экономического развития всего региона. Все это определяет актуальность статьи и ее главную

цель – исследовать тему латиноамериканского популизма на базе новых знаний и явлений, попытаться выполнить непростую задачу осмысления политико-идеологической родословной данного явления, дать объективную оценку факторам, определяющим устойчивость популистской традиции в регионе, рассмотреть перспективы развития популистских режимов. Научная новизна работы состоит в авторской интерпретации идеологии и практики популизма, основанной на методах исторического исследования и сравнительного анализа, которая позволяет выделить черты, в той или иной мере присущие всем разновидностям популистских режимов Латинской Америки. Главный вывод, сделанный авторами, заключается в утверждении, что старыми методами, извлеченными из прошлого современными популистскими лидерами, невозможно ответить на новые вызовы, возникающие сегодня и ожидающие народы Латинской Америки в будущем.

→ Ключевые слова

Популизм, Латинская Америка, политическая борьба, популистские режимы, конкурентный авторитаризм, «ковидный популизм»

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Research article

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-10-26>

Latin American Populism: historical context and modern trends

© P.P. Yakovlev, N.M. Yakovleva, 2022

Petr P. Yakovlev, Dr. habil. (Economics), Chief Research Fellow, Center of Iberian Studies, ILA RAS, Moscow (Russia)
For correspondence: 115035, Russia, Moscow, Bolshaya Ordynka St., 21/16

Nailya M. Yakovleva, PhD (History), Leading Research Fellow, Center for Political Studies, ILA RAS, Moscow (Russia)
For correspondence: 115035, Russia, Moscow, Bolshaya Ordynka St., 21/16

E-mail: petrp.yakovlev@yandex.ru
(corresponding author)

E-mail: nel-yakovleva@yandex.ru

Received: 23.01.2022

Revised: 19.02.2022

Accepted: 01.03.2022

For citation: Yakovlev P.P., Yakovleva N.M. Latin American Populism: historical context and modern trends. *Cuadernos Iberoamericanos* 10, no. 1 (2022): 10–26. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-10-26>.

→ Abstract

The authors show that the historical and political role of populism in Latin American countries is an extremely relevant, but at the same

time complex research and practical topic, which has been causing sharp discussions in the expert community for more than a decade. This is due to the inconsistency and ambiguity of populism as a social phenomenon, its dynamic and variable nature, which constantly puts forward new research tasks to scientists. Latin America is the birthplace of modern populism. Here, as in no other region of the world, populism has long become an integral part of social landscape and a specific feature of political processes. Dozens of prominent populist figures headed governments in most states of the region, were the creators of leading political parties and movements, left an indelible mark on Latin American history. Up to this day, populists of different beliefs largely form a vector of socio-economic development of an entire region. All this determines relevance of the article, and its main goal is to explore the topic of Latin American populism, its ideological pedigree and perspectives on the basis of new knowledge and phenomena. The novelty of the work is the interpretation of ideology and practice of populism, based on the methods of historical research and comparative analysis, which makes it possible to identify features of populist regimes in Latin America. The main conclusion made by the authors is the assertion that it is impossible to use old populist methods to respond to new challenges that await the peoples of Latin America in the future.

→ Keywords

Populism, Latin America, political struggle, populist regimes, competitive authoritarianism, "covid populism"

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the authors.

В Латинской Америке популизм был и остается важным фактором исторического процесса, примером мультиклассовой националистической политики с упором на построение нации под авторитарным руководством единого харизматического вождя (каудильо). На протяжении многих десятилетий латиноамериканский популизм демонстрировал уникальную способность улавливать насущные интересы и общественно-политические запросы значительных масс населения и в концентрированном виде направлять их устремления в нужном популистским лидерам направлении. По мнению классика современной политологии аргентинца Эрнесто Лакло, которого нередко называют «философом популизма», секрет такой «живучести» в том, что латиноамериканский популизм «глубоко демократичен», поскольку в своей идеологии активно использует дихотомию «народ – элиты» и способен включать многочисленные маргинальные сегменты населения в сферу национальной политики¹. Действительно, пусть частично, нередко в искаженной форме, но популизм реализует надежды и чаяния масс, и это позволяет ему удерживать широкие социальные слои под своим идейно-политическим влиянием. При этом главной целью популистских лидеров, принимающих отдельные решения в интересах большинства, является сохранение (или обретение) власти путем победы на выборах, которую избиратели (массы) обеспечивают вождю «в обмен на перераспределение в их пользу государственной ренты»².

Как показывает исторический опыт стран Латинской Америки, популизм – удобный инструмент социально-политической манипуляции. Его концептуальный алгоритм включает в себя превращение демагогии в «оружие массового поражения»¹, разделение латиноамериканских обществ на «своих» и врагов, педалирование националистической темы, отрицание (де-юре или де-факто) фундаментальных принципов представительной демократии, дисфункциональное подчинение экономики текущим партийно-политическим задачам. Нередко в сложных и неоднозначных ситуациях политики популистского толка стремятся приспособиться к волатильным настроениям широких масс, двигаясь в пределах существующего идеологического спектра справа налево и слева направо в зависимости от конъюнктуры.

Идеология и практика латиноамериканского популизма

За многие десятилетия своей бурной и неоднозначной истории латиноамериканский популизм не только выдвинул из своих рядов целую когорту масштабных государственных деятелей (бразильца Жетулиу Варгаса, аргентинца Хуана Доминго Перона, мексиканца Ласаро Карденаса, венесуэльца Уго Чавеса, боливийца Эво Моралеса и др.), радикально изменивших траекторию развития своих стран, но и пополнил мировой идейно-концептуальный арсенал своеобразной системой взглядов, на которой зиждилось его политическое существование и беспрецедентная живучесть.

Авторская интерпретация идеологии и практики популизма, основанная на методах исторического исследования и сравнительного анализа, позволяет выделить десять базовых принципов, в той или иной мере используемых всеми разновидностями популистских режимов региона:

1. Сильный, ярко выраженный националистический уклон, на политико-пропагандистском уровне зачастую принимающий антиимпериалистический и антиамериканский характер. Парадигмальный исторический пример: когда Хуан Доминго Перон² впервые избирался президентом Аргентины в 1946 г., сторонники всерьез считали его оппонентом посла США Спрюилла Брейдена (лозунг «Брейден или Перон»), а не кандидата коалиции Демократический союз Хосе Тамборини.

2. Ставка на государственное вмешательство в экономику, приверженность модели индустриализации на базе импортозамещения, использование методов «ручного управления» хозяйственными процессами, противодействие росту влияния иностранного капитала и открытию местных рынков международной конкуренции. «Потребительское» отношение к экономике предельно откровенно сформулировал Х.Д. Перон в письме президенту Чили Карлосу Ибаньесу дель Кампо. Аргентинский лидер рекомендовал чилийскому коллеге: «Давайте народу, особенно трудящимся, все, что можете. Когда Вам покажется, что уже дали много, дайте еще. Увидите результат. Все будут запугивать Вас химерами экономических последствий. Это неправда. Нет ничего более эластичного, чем экономика, которую все боятся, потому что не понимают»³.

3. Наличие сильного харизматического вождя с характерными чертами традиционного латиноамериканского каудильо середины XIX – начала XX вв. Популистский

1 Álvarez 2017, 83.

2 Хуан Доминго Перон трижды избирался президентом Аргентины – в 1946, 1952 и 1973 гг. Умер на посту в июле 1974 г. Его имя неофициально сохраняется в названии созданной им Хустисиалистской (перонистской) партии (ХП). Политическое движение, а также идеология и мировоззрение, унаследованные от Х.Д. Перона, называются перонизмом или, значительно реже, хустисиализмом (от исп. слова justicia – справедливость).

3 "16.03.1953. Carta de Perón al presidente de Chile, Gral Ibáñez del Campo," Archivoperonista.com, accessed January 15, 2022, <http://archivoperonista.com/documentos/correspondencia/1953/carta-peron-al-presidente-chile-gral-ibanez-campo/>.

лидер, как правило, политически позиционируется в качестве «незаменимого», а потому остается (или стремится остаться) во власти максимально долго, даже если для этого необходимо внести соответствующие изменения в конституцию или вовсе отменить ее действие. Надо признать, что современные латиноамериканские популисты действовали более разнообразно и проявили изрядную смекалку в этом деликатном вопросе, прибегая к матримониальной альтернативе, народным референдумам, решениям подконтрольных ветвей власти – законодательной или судебной.

4. Установление прямой вертикальной коммуникации между вождем и массами, что лишает посреднических функций существующие политические партии и де-факто отодвигает их на задний план. Что касается оппозиционных партий, то отношение к ним со стороны власти варьируется от разного рода административно-правовых ограничений до полного запрета и репрессий.

5. Глубокий и устойчивый антилиберализм, отрицание базовых институтов буржуазной представительной демократии и выдвижение на их место механизмов «прямой демократии» – создание контролируемых властью каналов общественной мобилизации. Эти мировоззренческие подходы, впервые с особым успехом примененные перонистами, впоследствии получили региональное распространение.

6. Стигматизация социальных групп, навешивание ярлыков, постоянное стремление политически расколоть страну на «родину» и «неродину», поляризовать общество, разделить его на «своих» и «чужих», представить любых противников режима (а нередко и вполне нейтральных, пассивных граждан) в качестве «врагов нации». При этом, разумеется, сторонники «родины» щедро наделяются всеми мыслимыми и немыслимыми положительными качествами, а «адепты неродины» – исключительно отрицательными характеристиками.

7. Доминирование феномена клиентелизма – специфической общественной системы иерархических взаимоотношений между патроном (популистским лидером) и клиентами (народными массами). Эта система предоставляет доступ к экономическим и социальным благам, а также назначение на престижные посты в обмен на безусловную лояльность и поддержку на выборах (если они проводятся). Причем исследователи подметили парадоксальное явление, характеризующееся как «одно из главных противоречий популизма»¹. А именно: несмотря на многочисленные заявления и обещания, популистская власть на деле не заинтересована в ликвидации социального неравенства и искоренении бедности, поскольку сохранение ареалов малоимущих граждан, материально зависящих от государства, закрепляет отношения патрон – клиент.

8. Вольное обращение с законом и нормами законности. Существующие правовые институты рассматриваются в виде препятствия на пути проведения правительственного курса и установления «подлинно демократического порядка», а потому могут быть с легкостью изменены или дезавуированы. В качестве объяснения таких действий, как правило, делаются ссылки на «интересы нации» или «большинства народа». В доктринальных документах перонизма прямо указано: «при подлинной демократии правительство делает то, чего хочет народ, и защищает только интересы народа»².

9. Взгляд на верховную власть как на нечто, полученное раз и навсегда и ни при каких обстоятельствах не подлежащее передаче в «чужие руки». Отсюда – три фундаментальных вывода: а) оппозиционные партии и организации не следует допускать к реальному участию в управлении (особенно на уровне исполнительной власти); б) необходимо исключить возможность ротации политических сил во власти; в) государ-

1 Malamud 2010, 48.

2 "Las 20 verdades peronistas," Proyecto Peron Perón, accessed January 16, 2022, http://www.peronperon.com.ar/img/20_verdades.pdf.

ственные ресурсы, включая финансовые, должны быть поставлены на службу интересов правящего режима.

10. Опорой популистской власти и носителем революционных идей в определенные исторические моменты могут стать вооруженные силы, что случалось, в частности, в Перу и Панаме. Для этого следует «пропитать» армию и другие силовые структуры идеологией национализма, поставить во главу угла концепцию национальной безопасности, трактуемую как политический заслон от нежелательного «инострannого влияния» и проникновения «враждебных идеологий»¹.

Исследуя «анатомию популистской ментальности», латиноамериканские авторы Аксель Кайсер и Глория Альварес отметили и такие ее черты, как пренебрежение к личной свободе человека и преклонение перед государством; склонность к виктимности (подверженности комплексу жертвы), при которой ответственность за собственные просчеты всегда перекладывается на других; «антилиберальная паранойя» – убежденность в том, что неолиберализм и рыночная экономика являются причиной бедности; активно проводимая в массы идея равенства, используемая как предлог для повышения роли государственных органов, но на деле прикрывающая бесконтрольное обогащение властной верхушки².

Таким образом, арсенал популистских идей и концептуальных подходов предстает весьма обширным, а сами эти теоретические конструкты (изложенные в доходчивой форме) вполне могут привлечь симпатии электората, что неоднократно демонстрировали избирательные кампании в латиноамериканских странах в XX и XXI вв.

Волны популизма: XX век

В зарубежной и отечественной научно-политической литературе, как правило, выделяли три этапа (три волны) развития латиноамериканского популизма: «классический популизм» периода 1930–1970-х гг.; «неолиберальный популизм» (или «неопопулизм») 1990-х гг.; «боливарианский популизм» 1999–2013 гг.³ События, вызванные социально-экономическим и политическим воздействием пандемии коронавируса COVID-19 на латиноамериканские страны, позволяют говорить о новой, четвертой волне популизма в регионе («ковидном популизме»).

Первая и самая длительная волна становления и максимальной активности латиноамериканского популизма явилась следствием кризиса, охватившего Латинскую Америку на рубеже 1920–1930-х гг. К этому моменту морально и материально исчерпала себя ориентированная на зарубежные рынки модель постколониального экономического роста, основными выгодоприобретателями которой были крупные латифундисты – аграрная олигархия. В странах региона развернулась борьба за выбор пути дальнейшего развития, предоставившая сторонникам популизма возможность заявить о себе и в целом ряде случаев добиться весомых результатов. Причиной успехов стало то, что популистское видение перспектив национального развития в большей мере, нежели существовавшие альтернативные общественные проекты (консервативно-олигархический, прокоммунистический и профашистский), отвечало запросам основных масс населения⁴.

Политическое рождение и пик влияния популизма неразрывно связаны с именами таких исторических фигур Латинской Америки, как Жетулиу Варгас, президент

1 Guerrero 1996.

2 Kaiser and Álvarez 2016.

3 Варенцова 2014.

4 Halperin 2013.

Бразилии в 1930–1945 и 1950–1954 гг. и основатель так называемого «Нового государства», Ласаро Карденас, президент Мексики в 1934–1940 гг., а также упомянутый выше Хуан Доминго Перон. Дважды становился главой Венесуэлы Ромуло Бетанкур (в 1945–1948 и в 1959–1964 гг.). Они заложили идейно-политические основы популизма и явились главными проводниками в жизнь популистских воззрений на государственное и общественное устройство, но похожие политические тенденции дали о себе знать и в некоторых других странах региона, где деятели популистского толка становились главами государства. В частности, звание «самого упорного популиста» вполне заслуживает эквадорец Хосе Мария Веласко Ибарра, который пять (!) раз становился президентом своей страны, четырежды был свергнут военными и только один раз «досидел» до конца президентского срока.

Эпоху популизма в Латинской Америке открыл выдающийся бразильский государственный деятель Ж. Варгас. Придя к власти в 1930 г., он, выражаясь современным языком, выступил носителем идеи модернизации Бразилии, которая долгие годы оставалась вотчиной аграрной олигархии, разбогатевшей на экспорте кофе и некоторых других сельскохозяйственных товаров и тормозившей промышленное развитие страны.

Великая депрессия 1929–1933 гг. резко ухудшила и без того не блестящее экономическое положение Бразилии, а пример «Нового курса» Франклина Рузвельта подсказал Ж. Варгасу направление выхода из кризиса: стимулирование хозяйственного роста через усиление роли государства в экономике, индустриализацию, крупные инфраструктурные проекты и повышение жизненного уровня промышленного пролетариата. При этом бразильский президент, как бы прокладывая путь будущим латиноамериканским популистским лидерам, «попытался встать над классами, представить себя в качестве национального вождя и даже “националистического пророка” всей Латинской Америки», – отмечалось в коллективной монографии советских латиноамериканистов¹.

«Выражением истинно мексиканской версии латиноамериканского популизма» назвал аргентинский исследователь Флавио Колина политику Л. Карденаса – героя революции 1910–1917 гг. и одного из немногих популистских лидеров, который, «отработав» положенный ему президентский срок, не переписывал под себя основной закон страны, чтобы продлить собственное пребывание во власти².

Вместе с тем Л. Карденас правил твердой рукой, поставив под свой контроль армию, законодательную власть, губернаторов штатов, аппарат правящей партии, ключевые профсоюзы, без колебаний расставался с прежними политическими союзниками, если это позволяло продвигаться к главной намеченной цели – укреплению национального суверенитета и экономической самостоятельности Мексики, созданию бесклассового общества. Этой цели служили и реформы, частично проведенные на базе национализации собственности иностранных нефтяных и инфраструктурных компаний. В числе главных преобразований: формирование государственного сектора в экономике, аграрная реформа и поощрение общинного земледелия, ликвидация массовой неграмотности, стимулирование объединения рабочих в профсоюзы, общее улучшение условий труда. В сфере внешней политики Мехико стремилось к укреплению национального суверенитета. Все это должно было подготовить переход к социализму, но объективно расчищало завалы на пути капиталистического развития.

После истечения (1 декабря 1940 г.) срока президентских полномочий Л. Карденаса к власти пришли умеренные политические круги, представлявшие интересы

1 Шульговский 1976, 86.

2 Flavio Colina, “El Populismo como expresión política latinoamericana,” La Facultad de Derecho de la Universidad Nacional de Lomas de Zamora, accessed January 19, 2022, <http://www.derecho.unlz.edu.ar/alumnos/PLANNUEVO/05%20galderisi/archivos/El%20Populismo%20latinoamericano%20y%20Cardenas%20-%2016%20B.pdf>.

заметно окрепшей национальной буржуазии и спустившие на тормозах процесс радикальных преобразований. Правда, многое из того, что успел сделать Л. Карденас (сильный госсектор, влиятельные профсоюзы, социальные гарантии трудящимся, самостоятельный внешнеполитический курс и др.), осталось в активе мексиканского общества.

Во второй половине 1940-х гг. знамя популизма в Латинской Америке подхватил Х.Д. Перон. В публичном выступлении 17 октября 1950 г. он сформулировал доктрину перонизма – Двадцать истин перонистского хустисиализма (от испанского слова «Justicia» – справедливость), положенных в основу идеологии этого социально-политического движения и оказавших мощное концептуальное воздействие на национально ориентированные общественные силы государств латиноамериканского региона¹. В те же годы определился и основной политический оппонент популистских режимов первой волны – реакционно настроенные военные, зачастую выражавшие интересы земельной олигархии и пропитанные неприятием коммунистических взглядов, сторонниками которых военный истеблишмент далеко не всегда обоснованно считал популистов. В 1930-е гг. популисты и военные практически одновременно вышли на политическую сцену, и в последующие десятилетия между ними велась борьба, завершившаяся победой реакционных военных кругов в 1950–1960-х гг. В сентябре 1955 г. армейская верхушка свергла Х.Д. Перона и запретила деятельность ХП, а 1 апреля 1964 г. более чем на два десятилетия (до 15 марта 1985 г.) был установлен военно-технократический режим в Бразилии. Но вот что важно отметить: на всех последующих витках латиноамериканской истории то, что провозгласили и (частично) сделали «классические популисты», осталось в региональном политическом обороте. Другими словами, даже самые непримиримые противники популизма, угрожавшие «стереть его в порошок», придя к власти, в своей деятельности парадоксальным образом сочетали отрицание «проклятого популистского прошлого» с продолжением многих направлений социально-экономической политики популистских режимов. Таким образом, сам факт политического поражения «классических популистов» не означал ухода в историю популизма как общественного явления.

Вторая волна латиноамериканского популизма, характеризующаяся в научной литературе как «неолиберальная» или «неопопулистская», пришлось на последнее десятилетие XX в. К началу этого периода гражданским властям удалось заглушить «сабельный звон» в политике и «отправить военных в казармы», радикально ослабив их влияние. По сути, ушла в историю эпоха военных переворотов и правительственных кабинетов, возглавлявшихся высшими чинами армии и флота. Это было важнейшим изменением во внутриполитической обстановке региона, одной из несущих опор процесса политической демократизации и экономической модернизации, старт которому был дан в первой половине 1980-х гг. с приходом к власти гражданских правительств в Аргентине и Бразилии². Сказанное отнюдь не означает, что в 1990-е гг. и в последующие десятилетия не было фактов вмешательства латиноамериканских военных в политические события. Но, как правило, представители вооруженных сил и других силовых структур действовали под контролем и в интересах отдельных ветвей гражданской власти.

В последнее десятилетие XX в. стал очевидным рост влияния неолиберальной (рыночной) идеологии в мире в целом и в Латинской Америке в частности. В представлении сторонников рыночной экономики латиноамериканское общество выступает как некая «недоразвитая» разновидность западного социума, которую можно и нужно «исправлять» и тем самым «подтянуть» до уровня развитых стран Запада. Конечно, это явное упрощение, но под влиянием такого рода идей и под впечатлением бурного развития глобализации часть латиноамериканских приверженцев популизма пережила опре-

1 «Las 20 verdades peronistas.»

2 Чумакова 2009.

деленную мутацию сознания и восприняла изначально чуждые им рыночные, неолиберальные концепты¹.

Одним из таких «популистов-мутантов» был видный перонист, ученик и сподвижник Х.Д. Перона Карлос Сауль Менем, занявший в 1989 г. пост президента Аргентины. К.С. Менем шел на выборы под традиционными перонистскими лозунгами, хотя его экономическая «команда» уже готовила программу достаточно радикальных рыночных реформ. Как признавался затем сам К.С. Менем, он не мог открыто объявить о своих политических намерениях, поскольку «тогда за него ни за что бы не проголосовали перонистские массы». По существу, это известная циничная формула «замани и измени политику» (bait-and-switch). Перонисты проголосовали за К.С. Менема, но не стали главными бенефициарами проводившейся (строго в соответствии с положениями Вашингтонского консенсуса) неолиберальной экономической политики. Единственным принципиальным нарушением достаточно жестких требований этого декалога неолиберализма в аргентинских условиях явился растущий бюджетный дефицит и беспрецедентный рост суверенной задолженности, что в конечном итоге привело к самому крупному в мировой истории дефолту (2001 г.) и обрушило экономику и социальную сферу. Таков был печальный финал правления «неолиберальных популистов» в Аргентине.

На исходе XX в. смена политических вех произошла и в другой крупной южноамериканской стране – Перу, где 28 июля 1990 г. президентом стал перуанец японского происхождения Альберто Фухимори, сменивший на этом посту деятеля левого толка Алана Гарсию Переса². Подобно К.С. Менему, А. Фухимори пришел к власти под популистскими знаменами и с щедрыми обещаниями, адресованными широким слоям перуанского населения, смертельно уставшего от финансово-экономических неурядиц и последствий длительной вооруженной борьбы правительственных войск с партизанскими группами маоистского толка. Однако, как отметила чилийский политолог Лесли Венер, став президентом, А. Фухимори сохранил только риторику «классического популизма» и маску харизматического народного лидера, но в области социально-экономической политики далеко отошел от постулатов популизма. В итоге родилась идейно-политическая смесь неолиберализма с «неопопулизмом», ставшая своеобразной приметой времени³. Известный американский политолог Стивен Левицкий и его австралийский коллега Джеймс Локстон назвали это гибридное явление, получившее распространение и в Европе, «конкурентным авторитаризмом» (competitive authoritarianism)⁴.

А. Фухимори вошел в историю как уникальный политический деятель, поскольку ему атрибутируют почти все черты, присущие популизму в разных его вариациях. Такая политическая «всеядность» дала повод ввести в оборот термин «фухиморизм» (fujimorismo), чтобы подчеркнуть специфический характер и самого политика, и созданного им режима, просуществовавшего одно десятилетие (до 22 ноября 2000 г.), но оставившего глубокий след в политической истории Перу. Более того, дочь А. Фухимори, Кейко Фухимори, продолжая дело отца, активно включилась в политику и трижды (в 2011, 2016 и 2021 гг.) выставяла свою кандидатуру на президентских выборах. Неудачи с проведением рыночных реформ в «хрупких демократиях» Латинской Америки (выражение американского политолога Курта Вейланда) изменили политический климат в регионе, дав шанс прийти к власти популистам иной формации⁵.

1 Guadagni 2004.

2 Ткаченко 2002.

3 Wehner 2004.

4 Mudde and Kaltwasser 2012, 160.

5 Weyland 2002.

Популизм нового столетия

Третья, самая мощная волна популизма в Латинской Америке стала частью, по сути, общемирового роста влияния популистских движений¹. В регионе она получила наименование «боливарианской», поскольку с максимальной силой дала о себе знать в Венесуэле, охватила 1999–2013 гг. и вошла в историю во многом благодаря суперактивной политической деятельности плеяды ярких, внутренне противоречивых и очень разных популистских лидеров.

Феномен «нового лидерства» был связан с именами венесуэльцев Уго Чавеса и Николаса Мадуро, бразильцев Луиса Инасиу Лулы да Силвы и Дилмы Руссефф, аргентинцев Нестора Киршнера и Кристины Фернандес де Киршнер, боливийца Эво Моралеса, никарагуанца Даниэля Ортеги, чилийки Мишель Бачелет, эквадорца Рафаэля Корреа и некоторых других. В подавляющем большинстве случаев речь идет о политиках левой или левоцентристской ориентации, включая сторонников «социализма XXI века»². При всех различиях (мировоззренческих, политических, социокультурных) их объединяли базовые черты, своего рода популистский архетип, что и позволяет говорить о новом этапе популизма в латиноамериканском регионе. Именно в эти годы популизм стал реальной политической альтернативой буржуазным режимам представительной демократии в Латинской Америке, которые отвоевывали «место под солнцем» после десятилетий доминирования военных режимов.

Всплеск популизма в этот период, особенно в так называемое «золотое десятилетие» (2003–2012 гг.), имел под собой серьезный экономический фундамент. Тенденция к росту цен на природные ресурсы и продовольствие, наблюдавшаяся (хотя и с периодическими контртенденциями) в первые десятилетия XXI в., в целом улучшила макроэкономическую ситуацию в Латинской Америке, укрепила позиции латиноамериканских государств на международной арене³. В финансовом отношении благоприятная мировая конъюнктура позволила странам региона заметно нарастить бюджетные расходы. По идее, это давало в руки правивших популистских режимов значительные дополнительные средства для ощутимого улучшения социального положения в своих странах. Однако власти в большинстве случаев нерационально расточали государственные ресурсы, обрекая национальную экономику на «финансовое малокровие» и стагнацию. В результате рост расходов не обеспечил решения насущных социальных проблем, и в конечном итоге политика властей вызвала широкое недовольство.

Ярким выражением общественного брожения стали массовые протестные выступления, прокатившиеся по странам Латинской Америки в 2019 г. Почему так произошло? Триггерами протестов в различных государствах региона были самые разные причины, но все их объединяла одна общая черта – накопившееся несогласие населения с наступлением (зачастую вынужденным и экономически неизбежным) властей на его материальные интересы. В данном случае популистские режимы Латинской Америки попали в политическую ловушку, которую они сами соорудили в так называемые годы «тучных коров» – высоких экспортных доходов, – приучив миллионы граждан к жизни на субсидии и государственные подачки⁴. Когда разразился кризис, и ситуация повернулась в худшую сторону, субсидии и подачки сократились. Как отмечал российский эксперт З.В. Ивановский, «леворадикальные и левоцентристские правительства не смогли выполнять декларируемые социальные программы...»⁵. Согласно данным Всемирно-

1 Паин, Федюнин 2019.

2 Яковлева 2018.

3 Яковлев 2015.

4 Яковлев, Яковлева 2020.

5 Ивановский 2019, 17.

го банка, в период мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. в 131 стране провели 287 структурных реформ, нацеленных на развитие рыночных начал в экономике, правовую и административную защиту частной собственности, более активное участие развивающихся государств в международной торговле. Таким был ответ большей части международного сообщества на первый глобальный кризис XXI в.¹

Особой была реакция Латинской Америки, где в тот момент политические позиции популизма были сильнее, чем в других районах мира. В частности, одной из стран, избравших совершенно иной макроэкономический сценарий – «плыть против течения», была Боливарианская Республика Венесуэла. Поставив целью строительство «социализма XXI в.», У. Чавес неоднократно заявлял, что «будущее капитализма в Венесуэле – это кладбище», и предпринял радикальный эксперимент, закончившийся тяжелейшими последствиями для национальной экономики и социальной сферы: обрушением добычи и экспорта нефти (главного экспортного продукта), сокращением промышленного и аграрного производства, разгулом коррупции, регулярными перебоями со снабжением продовольствием, медикаментами и поставками электроэнергии, острой нехваткой многих потребительских товаров, гиперинфляцией (в 2020 г. – 2 959,8%), массовым обнищанием населения, которому был обещан «социалистический рай», и бегством из страны миллионов венесуэльцев².

«Реформистский паралич» середины и второй половины 2010-х гг., когда необходимые институциональные и структурные преобразования откладывались в долгий ящик, в сочетании с революционными экономическими экспериментами неизбежно привели к ухудшению социально-экономического положения в целом ряде латиноамериканских стран, включая крупнейшие (Аргентину, Бразилию, Венесуэлу). Это выбило финансовую опору из-под ног популистских режимов, чья хозяйственная стратегия становилась все менее эффективной, а патерналистский курс в социальной сфере – откровенно несостоятельным, не выдержавшим испытания временем. Был еще один весомый кризисный фактор, «подливший масла в огонь» массовых протестных выступлений 2019 г. А именно: чрезмерное усиление роли государства (а на практике – конкретных ведомств и учреждений) в экономике нередко оборачивалось всевластием чиновничества, действовавшего в личных корыстных интересах, что не могло не вызвать негативной реакции как деловых кругов, так и широких слоев населения. «Массовые злоупотребления полномочиями и коррупция, – пишет российский латиноамериканист Д.В. Разумовский, – стали мощнейшим общественным раздражителем»³. С таким незавидным политическим багажом страны Латинской Америки встретили вызов, брошенный пандемией коронавируса.

Популистские режимы перед вызовами COVID-19

Латинская Америка стала районом мира, в максимальной степени охваченным коронавирусной инфекцией. Пандемия COVID-19 не только высветила неблагополучное эпидемиологическое положение региона, обнажила проблемы систем здравоохранения, но также обострила уже существовавшие экономические и социально-политические противоречия Латинской Америки, усугубила кризис в общественных отношениях стран региона⁴. Именно пандемия придала «второе дыхание» отдельным региональным

1 Manrique 2013, 85.

2 Amelia Cheatham, and Diana Roy, "Venezuela: The rise and fall of a petrostate," Council of Foreign Relations, accessed January 12, 2022, <https://www.cfr.org/backgrounders/venezuela-crisis>.

3 Разумовский, Д.В. Латинская Америка. Запрос на новый общественный договор [Электронный ресурс] // Свободная Мысль. URL: <http://www.svom.info/entry/1099-latinskaya-amerika-zapros-na-novyy-obshestvennyj-d/> (дата обращения: 16.01.2022).

4 Яковлева, Яковлев 2020, 83–85.

политическим феноменам и движениям, которые накануне коронакризиса в значительной мере утратили исторический драйв. В первую очередь это коснулось представителей латиноамериканского популизма, потерпевших в середине и второй половине 2010-х гг. ряд тяжелых неудач или вынужденных уйти в отставку в связи с истечением их президентских полномочий. Напомним канву основных событий:

- 2015 г. – поражение перонистов на всеобщих выборах в Аргентине и приход к власти оппозиционной коалиции во главе с Маурисио Макри.
- 2016 г. – импичмент президенту Бразилии Дилме Руссефф и назначение на пост главы государства вице-президента Мишела Темера, политика умеренных взглядов.
- 2017 г. – отбывший из страны после ухода в отставку с поста президента эквадорский популист Рафаэль Корреа был обвинен судом в совершении уголовного преступления и объявлен в международный розыск.
- 2018 г. – завершение президентских полномочий Мишель Бачелет, приход к власти в Чили бизнесмена консервативных взглядов Себастьяна Пиньеры.
- 2019 г. – уход в отставку в результате массовых протестов и давления со стороны оппозиции и армии многолетнего лидера Боливии Эво Моралеса, обвиненного в фальсификации результатов президентских выборов.
- 2020 г. – окончание срока президентских полномочий популиста Джимми Эрнесто Моралеса Кабреры в Гватемале и избрание правоцентриста Алехандро Джамматтеи.

Разумеется, политическое отступление популизма во второй половине 2010-х гг. не было ни тотальным, ни (как выяснилось) окончательным. Если в одних случаях популистские режимы были отодвинуты от власти, то в других – представители латиноамериканского популизма в скором времени либо вернулись к рычагам государственного управления, либо впервые заняли командные политические высоты в своих странах. Имели место и неудачные попытки популистов победить на выборах, но даже само их участие в избирательных кампаниях явилось новым свидетельством удивительной живучести популизма как общественного феномена. Все это, по определению американского либерального политолога Тома Палмера, подготовило «вселяющий ужас подъем авторитарного популизма»¹.

Международное значение приобрел тот факт, что лидеры популистского толка практически одновременно пришли к власти в трех крупнейших и наиболее экономически развитых странах Латинской Америки: Аргентине, Бразилии и Мексике.

Умело использовав объективные трудности и тактические просчеты правительства М. Макри, а также широкое недовольство населения сложным экономическим положением, к власти в Аргентине под традиционными лозунгами и с обычными популистскими обещаниями в очередной раз вернулись перонисты. Пикантность ситуации состояла в том, что пост президента занял хотя и известный в стране деятель, но отнюдь не политический тяжеловес, а политик скорее второго ряда Альберто Фернандес. Зато вице-президентом стала К. Фернандес де Киршнер, играющая, по мнению многих исследователей, роль «серого кардинала»².

Событием регионального масштаба явилась победа на президентских выборах в Бразилии бывшего военного Жаира Болсонару, сумевшего во втором туре разгромить

1 Tom G. Palmer, "The terrifying rise of authoritarian populism," Cato Institute, accessed January 14, 2022, <https://www.cato.org/commentary/terrifying-rise-authoritarian-populism>.

2 Federico Sturzenegger, "Kirchnerism's Paradoxical Staying Power," *Americas Quarterly*, June 9, 2021, <https://www.americasquarterly.org/article/kirchnerisms-paradoxical-staying-power/>.

кандидата левой Партии трудящихся Фернанду Аддада. Являясь поклонником политики времен военной диктатуры 1964–1985 гг., Ж. Болсонару заявил о себе как о стороннике правопопулистских, националистических и консервативных взглядов, непримиримом критике институтов представительной демократии и левых сил¹. В начальный период пандемии эпатажный бразильский лидер («Тропический Трамп») получил неоднозначную мировую известность, назвав коронавирус «легким гриппом» и отказавшись вводить карантинные ограничения на федеральном уровне (они вводились местными властями на свой страх и риск), что привело к резкому росту числа инфицированных, а Бразилия долгое время занимала второе место в мире (после США) по количеству заболевших и умерших от COVID-19. Эту драматическую ситуацию российский ученый Л.С. Окунева метко определила как «пандемия и политика», показав их неразрывную связь².

Завидную настойчивость в достижении поставленной цели продемонстрировал Андрес Мануэль Лопес Обрадор, ставший в 2018 г. президентом Мексики. Это была его третья президентская кампания, в ходе двух предыдущих (2006 и 2012 гг.) он «приходил к финишу вторым». С точки зрения понимания стратегии и тактики латиноамериканского «ковидного популизма» идеология и политический курс А.М. Лопеса Обрадора, позиционирующегося как социалист, дают богатый материал для анализа и размышлений. Остановимся на ключевых моментах, во многом объясняющих (на примере этого мексиканского лидера) причины успехов популистских режимов в Латинской Америке.

Во-первых, в ходе борьбы за президентский пост А.М. Лопес Обрадор сменил несколько политических партий, включая много лет доминировавшую в Мексике Институционально-революционную (ИРП), и создал собственную организацию социалистической ориентации – Движение национального возрождения (МОРЕНА), – ставшую основой победившей в 2018 г. коалиции «Вместе мы сделаем историю». По мнению отечественных исследователей, убедительная победа кандидата МОРЕНА (он получил более 53% голосов) «означала коренной перелом в расстановке политических сил Мексики», поскольку отодвинула от власти дискредитировавших себя представителей традиционных партий, в первую очередь ИРП³.

Во-вторых, А.М. Лопес Обрадор продемонстрировал свойственное популистам точное понимание культурного архетипа простого мексиканца. Отсюда – практически постоянная апелляция к «славному прошлому» и его главным носителям – все еще многочисленному мексиканскому крестьянству, опора на так называемых «забытых людей» (индейцев, работников неформального сектора), жесткая критика в адрес феминисток, меры по экономии расходов на бюрократический аппарат с одновременным повышением минимальной заработной платы и т.д. В том же ряду – непримиримость к идеологическим противникам, «разносчикам либерального вируса», стойкая аллергия на критику.

В-третьих, нынешнего мексиканского президента вполне можно считать не только практиком, но и теоретиком латиноамериканского популизма. Он – автор около двух десятков книг, в которых на материале мексиканской истории и современного положения страны рисует достаточно полную картину своих политических взглядов. Например, в книге «Выход 2018: упадок и возрождение Мексики» автор называет главной проблемой мексиканского государства коррупцию и призывает всех мексиканцев объединиться в борьбе с этим общественным злом. Победа над коррупцией, считает А.М. Лопес Обрадор, поможет разрешить и другие узкие места мексиканской жизни⁴.

1 Окунева 2020(b), 337–382.

2 Окунева 2020(a), 21.

3 Боровков 2019, 62.

4 López Obrador 2017.

Помимо Аргентины, Бразилии и Мексики, популистские режимы сохранились или утвердились в Боливии, Венесуэле, Никарагуа, Перу, Сальвадоре. В разгар распространения эпидемии коронавируса в Латинской Америке лидеры популистского толка стояли во главе восьми стран региона.

Во многом уникальная ситуация сложилась в ходе президентских выборов 2021 г. в Перу, где во втором туре лоб в лоб столкнулись носитель левопопулистских взглядов, бывший школьный учитель и профсоюзный деятель Педро Кастильо и верная продолжательница дела своего отца Кейко Фухимори, представлявшая правопопулистский фланг политического спектра. «Кастильо и Фухимори соревнуются в степени собственного популизма», – комментировали ход избирательной кампании международные информационные агентства и подчеркивали, что оба кандидата давали заведомо невыполнимые в условиях Перу обещания¹.

Накопленный в регионе политический опыт говорит о том, что периоды кризисов – благодатное время для роста влияния левого и правого популизма. Коронакризис не стал исключением из этого правила. «Ковидные популисты» явно оживились и, организационно не сговариваясь, но выступая синхронно, предприняли попытку выдвижения программы, альтернативной либерально-демократическому проекту, в большинстве случаев не имевшему однозначного и долговременного успеха в латиноамериканских странах, не в последнюю очередь из-за яростного сопротивления тех же популистов.

В условиях пандемии в ряде стран ощутимо повысилась социальная значимость служащих вооруженных сил, что в решающей степени было связано с их активным участием в борьбе с негативными эффектами и последствиями COVID-19. Это дало повод утверждать, что латиноамериканские военные после сравнительно долгого периода нахождения в «политической тени» вернулись на авансцену национальной политики в драматический момент истории стран региона.

Конечно, изменение роли вооруженных сил – не единственная общественно-политическая трансформация, назревавшая в недрах латиноамериканского социума и ускоренная в условиях пандемии. Кризисные потрясения последних лет обусловили тот факт, что в Латинской Америке формируется новая реальность, которая характеризуется появлением принципиально иных (по сравнению с предыдущими историческими периодами) вызовов. Ответ на них, видимо, предстоит дать уже новым элитам, а не традиционным режимам, включая популистские, уходящим ментальными корнями в прошлый век.

→ Список литературы / References

Боровков, А.Н. Мексика на новом историческом повороте // *Латинская Америка*. – 2019. – №7. – С. 61–75. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0005398-6>.

Borovkov, A.N. "A new historical turnaround in Mexico." *Latinskaya Amerika* 7 (2019): 61–75. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0005398-6>. [In Russian]

Варенцова, О.Б. Три волны популизма в Латинской Америке // *Вестник МГИМО–Университета*. – 2014. – №6(39). – С. 153–160. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-6-39-153-160>.

Varentsova, O.B. "Three waves of populism in Latin America." *MGIMO Review of International Relations* 39, no. 6 (2014): 153–160. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2014-6-39-153-160>. [In Russian]

1 "Castillo y Fujimori compiten en populismo en su primer cara a cara en Perú," Agencia EFE, May 1, 2021, <https://www.efe.com/efe/america/politica/castillo-y-fujimori-compiten-en-populismo-su-primer-cara-a-peru/20000035-4526222>.

- Ивановский, З.В. Латинская Америка в новом тысячелетии: социальная панорама и динамика политических процессов // *Латинская Америка*. – 2019. – №8. – С. 6–22. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0005576-2>.
- Iwanowski, Z.V. "Latin America in the new millennium: social panorama and dynamics of political processes." *Latinskaya Amerika* 8 (2019): 6–22. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0005576-2>. [In Russian]
- Латинская Америка: испытания демократии. Векторы политической модернизации* / Отв. ред. М.Л. Чумакова. – М.: ИЛА РАН, 2009. – 264 с.
- Chumakova, M.L., ed. *Latin America: tests for democracy. Political modernization's trends*. Moscow: ILA RAS, 2009. [In Russian]
- Национализм в Латинской Америке: политические и идеологические течения* / Отв. ред. А.Ф. Шульговский. – М.: Наука, 1976. – 368 с.
- Shulgovsky, A.F., ed. *Nationalism in Latin America: Political and ideological trends*. Moscow: Nauka, 1976. [In Russian]
- Окунева, Л.С. Бразилия: политический сезон «осень/зима 2020». К «500 дням» правления президента Жаира Болсонару // *Латинская Америка*. – 2020(a). – №10. – С. 21–38. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0011329-0>.
- Okuneva, L.S. "Brazil: political season "fall/ winter 2020." To the "500 days" of the reign of President Jair Bolsonaro." *Latinskaya Amerika* 10 (2020(a)): 21–38. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0011329-0>. [In Russian]
- Окунева, Л.С. Правый популизм в Бразилии и его отголоски в других латиноамериканских странах // *Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности* // Под ред. Л.С. Окуневой, А.И. Тевдой-Бурмули. – Москва: МГИМО-Университет, 2020(b). – С. 337–382.
- Okuneva, L.S. "Right-wing populism in Brazil and its echoes in other Latin American countries." In *Right-wing populism: Global trend and regional features*, edited by L.S. Okuneva, and A.I. Tevdoi-Burmuli, 337–382. Moscow: MGIMO University, 2020(b). [In Russian]
- Паин, Э.А., Федюнин, С.Ю. Популизм и элитизм в современной России: анализ взаимосвязи // *Политические исследования*. – 2019. – №1. – С. 33–48. <https://doi.org/10.17976/jpps/201901.04>.
- Pain, E.A., Fediunin, S.Yu. "Populism and elitism in contemporary Russia." *Polis. Political Studies* 1 (2019): 33–48. <https://doi.org/10.17976/jpps/201901.04>. [In Russian]
- Ткаченко, В.А. Феномен Фухимори. Авторитаризм versus демократия. – М.: ИЛА РАН, 2002. – 232 с.
- Tkachenko, V.A. *The Fujimori phenomenon. Authoritarianism versus democracy*. Moscow: ILA RAS, 2002. [In Russian]
- Яковлев, П.П. Латинская Америка на мировой геополитической карте // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. – 2015. – №4(15). – С. 20–28.
- Yakovlev, P.P. "Latin America role in international politics." *Vestnik RUDN. International Relations* 15, no. 4 (2015): 20–28. [In Russian]
- Яковлев, П.П., Яковлева, Н.М. Протестный потенциал Латинской Америки: региональный срез глобального феномена // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2020. – №7(64). – С. 89–99. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-7-89-99>.
- Yakovlev, P.P., Yakovleva, N.M. "Protest potential of the Latin America: regional aspect of global phenomenon." *World Economy and International Relations* 64, no. 7 (2020): 89–99. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-7-89-99>. [In Russian]
- Яковлева, Н.М. Время и бремя популизма // *Латинская Америка*. – 2016. – №12. – С. 90–97.
- Yakovleva, N.M. "The time and burden of populism." *Latinskaya Amerika* 12 (2016): 90–97. [In Russian]
- Яковлева, Н.М. Латинская Америка: президентская власть и оппозиция в XXI веке // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2018. – №3(11). – С. 166–184. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-3-166-184>.
- Yakovleva, N.M. "Latin America: presidential power and the opposition in the 21st century." *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law* 11, no. 3 (2018): 170–171. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-3-166-184>. [In Russian]
- Яковлева, Н.М., Яковлев, П.П. Латинская Америка: дорога к коронакризису // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. – 2020. – №5(13). – С. 73–93. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-5>.
- Yakovleva, N.M., Yakovlev, P.P. "Latin America: the road to the coronacrisis." *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law* 13, no. 5 (2020): 73–93. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-5>. [In Russian]

Álvarez, Gloria. *Como hablar con un progre*. Barcelona: Deusto, 2017.

Guerrero, Juan Carlos. "Militarismo, nacionalismo y populismo. El caso de Argentina y Brasil." *Historia Crítica* 13 (1996): 60-67. <https://doi.org/10.7440/HISTCRIT13.1996.07>.

Guadagni, Alieto Aldo. *Contradicciones de la globalización. Oportunidades, desafíos y amenazas que enfrenta la Argentina en el siglo XXI*. Buenos Aires: Siglo XXI, 2004.

Halperín, Donghi Tulio. *Historia contemporánea de América Latina* [Contemporary history of Latin America]. Buenos Aires: Alianza, 2013. [In Portuguese]

Kaiser, Axel, and Gloria Álvarez. *El engaño populista. Por qué se arruinan nuestros países y como rescatarlos*. Barcelona: Deusto, 2016.

Laclau, Ernesto. *Razón populista*. Madrid: Fondo de Cultura Económica de España, 2005.

López Obrador, Andrés Manuel. 2018. *La salida: decadencia y renacimiento de México*. España: Diana, 2017.

Malamud, Carlos. *Populismos latinoamericanos. Los tópicos de ayer, de hoy y de siempre*. Oviedo: Ediciones Nobel, 2010.

Manrique, Luis "El populismo del siglo XXI." *Política Exterior* 27, no. 153 (2013): 84-94.

Mudde, Cas, and Kaltwasser Cristóbal. *Populism in Europe and the Americas: threat or corrective for democracy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Wehner, Leslie. "El neo-populismo de Menem y Fujimori: desde la primera campaña electoral hasta la reelección en 1995." *Revista ENFOQUES* 2 (2004): 25-56.

Weyland, Kurt. *The politics of market reform in fragile democracies. Argentina, Brazil, Peru, and Venezuela*. Princeton: Princeton University Press, 2002.

Artículo de investigación

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-10-26>

Populismo latinoamericano: contexto histórico y tendencias actuales

© P.P. Yakovlev, N.M. Yakovleva, 2022

Petr P. Yakovlev, Dr. habil. (Economía), Investigador Principal del Centro de Estudios Ibéricos, Instituto de Latinoamérica afiliado a la Academia de Ciencias de Rusia, Moscú (Rusia)

Para la correspondencia: 115035, Rusia, Moscú, calle Bolshaya Ordynka, 21/16

Nailya M. Yakovleva, PhD (Historia), Investigador Principal del Centro de Estudios Políticos, Instituto de Latinoamérica afiliado a la Academia de Ciencias de Rusia, Moscú (Rusia)

Para la correspondencia: 115035, Rusia, Moscú, calle Bolshaya Ordynka, 21/16

E-mail: petrp.yakovlev@yandex.ru
(para la correspondencia del autor)

E-mail: nel-yakovleva@yandex.ru

Recibido: 23.01.2022

Revisado: 19.02.2022

Aceptado: 01.03.2022

Para citar: Yakovlev P.P., Yakovleva N.M. Populismo latinoamericano: contexto histórico y tendencias actuales. *Cuadernos Iberoamericanos* 10, no. 1 (2022): 10-26. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-10-26>.

→ Resumen

El artículo muestra el papel del populismo en la historia y la modernidad política de los países latinoamericanos como un tema científico, práctico, importante y relevante, pero a la vez complejo, que ha estado causando discusiones agudas en la comunidad de expertos durante más de una década. Esto se debe a una serie de razones. También cabe recalcar la inconsistencia y ambigüedad del populismo como fenómeno social, su naturaleza dinámica y variable, que plantea constantemente nuevas tareas de investigación para los científicos, hace que una gran cantidad de material empírico adicional se incluya en el campo del análisis. Pero lo más relevante es diferente. América Latina es la cuna del populismo moderno. Aquí, como en ninguna otra región del mundo, el populismo ha echado raíces profundas y firmes, se ha convertido en parte integral del paisaje social, en una característica específica de los procesos políticos. Decenas de destacadas figuras populistas encabezaron gobiernos en la mayoría de los estados de la región, fueron fundadores de importantes partidos y movimientos políticos y dejaron una huella imborrable en la historia latinoamericana. En la actualidad, los populistas de diferentes, a veces de creencias opuestas o sin ninguna, están a la cabeza de los principales países de América Latina, en muchos aspectos forman el vector del desarrollo socioeconómico de toda la región. Todo esto determina la relevancia del artículo y su objetivo principal es explorar el tema del populismo latinoamericano sobre la base de nuevos conocimientos y fenómenos, tratando de cumplir la difícil tarea de comprender el linaje político – ideológico de este fenómeno, proporcionar una evaluación objetiva de los factores que determinan la sostenibilidad de la tradición populista en la región, considerar las perspectivas para el desarrollo de regímenes populistas. El carácter científico del trabajo es la interpretación del autor de la ideología y la práctica del populismo, basada en métodos de investigación histórica y análisis comparativo, que permite resaltar las características inherentes en una u otra medida a todas las variedades de regímenes populistas de América Latina. La principal conclusión de los autores es la afirmación de los viejos métodos extraídos por los líderes populistas modernos que no podrán responder a los nuevos desafíos que surgen en la actualidad y que le aguardan a los países de América Latina en el futuro.

→ Palabras clave

Populismo, América Latina, lucha política, regímenes populistas, autoritarismo competitivo, “Populismo Pandémico”

Declaración de divulgación: Los autores declaran que no existe ningún potencial conflicto de interés.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-27-37>

La imagen moderna del populismo de derecha en Brasil

© L.S. Okuneva, 2022

Liudmila S. Okuneva, Dr. habil. (Historia), Profesora titular, Directora del Departamento de Historia y Política de los Países de Europa y de las Américas, Universidad MGIMO; Investigadora principal del Instituto de Latinoamérica de la Academia de Ciencias de Rusia, Moscú (Rusia)
Para la correspondencia: 119454, Rusia, Moscú, Vernadskogo Ave., 76.

E-mail: liudmila31@yandex.ru

Recibido: 24.01.2022

Revisado: 21.02.2022

Aceptado: 09.03.2022

Para citar: Okuneva L.S. "La imagen moderna del populismo de derecha en Brasil" [The modern face of right-wing populism in Brazil]. *Cuadernos Iberoamericanos* 10, no. 1 (2022): 27-37. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-27-37>. [In Spanish]

→ Resumen

El fenómeno populista de derecha se ha convertido en una de las principales tendencias de la política mundial. Su difusión en las "viejas" y "nuevas democracias" obliga a los investigadores a reconsiderar el aparato categórico para analizar los procesos mundiales en un pasado muy reciente. Los rasgos característicos del populismo, que se manifiestan en diferentes países, inevitablemente adquieren una connotación local. Si el surgimiento del populismo de derecha en Europa fue provocado por un factor externo de los flujos migratorios, en Brasil, al contrario, hubo razones y motivos puramente internos que crearon un terreno fértil para que el líder populista de derecha llegase al poder; por otro lado, para EE.UU, fue característico mezclar y entrelazar dichos factores internos y externos. La autora analiza la versión brasileña de la ideología populista de derecha moderna y de su recorrido político como el acento del "fenómeno Bolsonaro". Se consideran los motivos y circunstancias que posibilitaron el surgimiento y arraigo del populismo de derecha en el terreno político brasileño. Se estudian los principales rasgos del populismo de derecha en su versión "bolsonarista". Se destaca que a principios del siglo XXI el populismo de derecha brasileño reflejó tanto la tendencia mundial actual como todos los signos clásicos del populismo, y al mismo tiempo este fenómeno tiene sus características nacionales únicas. El "fenómeno Bolsonaro" da lugar a muchos problemas en debate.

→ Palabras clave

Brasil, Bolsonaro, populismo de derecha, líder carismático, democracia

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Research article

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-27-37>

The modern face of right-wing populism in Brazil

© L.S. Okuneva, 2022

Liudmila S. Okuneva, Dr. habil. (History), Professor, Head of the Department of European and American Studies, MGIMO University; Chief Research Fellow, Institute for Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

E-mail: liudmila31@yandex.ru

For correspondence: 119454, Russia, Moscow, Vernadskogo Ave., 76

Received: 24.01.2022

Revised: 21.02.2022

Accepted: 09.03.2022

For citation: Okuneva L.S. "La imagen moderna del populismo de derecha en Brasil" [The modern face of right-wing populism in Brazil]. *Cuadernos Iberoamericanos* 10, no. 1 (2022): 27–37. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-27-37>. [In Spanish]

→ Abstract

The right-wing populist phenomenon has become one of the main trends in world politics. Its spread in the "old" and "new democracies" forces researchers to reconsider the categorical apparatus by means of which they analyzed world processes in the very recent past. Characteristic features, manifesting themselves in different countries, inevitably acquire a local flavor. The surge of right-wing populism in Europe was provoked by an external factor – migration flows, but in Brazil there were purely internal reasons and motives that created fertile ground for the right-wing populist leader to come to power, while in the USA it was a mixture and interweaving of both internal and external factors. The author analyzes the Brazilian version of modern right-wing populist ideology and political practice, embodied in the "Bolsonaro phenomenon". The author examines reasons and circumstances that made possible the emergence and implanting of right-wing populism on Brazilian political terrain. The paper indicates main features of right-wing populism in its "Bolsonarist" version. It is shown that the Brazilian right-wing populism of the beginning of the 21st century reflects both the modern world trend and all the classic signs of populism, and at

the same time has its own unique national characteristics. The "Bolsonaro phenomenon" brings forward many debatable problems.

→ Keywords

Brazil, Bolsonaro, right-wing populism, charismatic leader, democracy

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

El fenómeno populista de derecha se originó y extendió en Estados Unidos y Europa; hoy en día se ha convertido en una de las principales tendencias de la política mundial. El populismo está presente en las "viejas" y "nuevas democracias", penetrando de Norte a Sur con igual fuerza y obligando a los investigadores a reconsiderar el aparato categórico para analizar los procesos mundiales en un pasado muy reciente. Las características más importantes del populismo son: la antítesis "pueblo – élites", construida sobre la crítica de las "élites corruptas hostiles a la masa popular impecable", la apelación del líder carismático directamente a la sociedad, pasando por alto las instituciones de la democracia representativa y demostrando así el triunfo de la "democracia directa", la argumentación del "fenómeno del Otro" (es decir, poner a la sociedad en contra de "extraños" y "enemigos": inmigrantes, representantes de minorías étnicas, religiosas y sexuales), la aspiración de un líder populista resolver rápida y simplemente (a menudo de manera simplificada) problemas complejos que no han sido resueltos durante años e incluso décadas. Sin embargo, estos rasgos característicos, que se manifiestan en diferentes países, adquieren inevitablemente un matiz local.

Por ejemplo, si el surgimiento del populismo de derecha en Europa fue provocado por un factor externo (los flujos de inmigrantes que inundaron los prósperos "Estados de bienestar" y violaron el modo de vida habitual de los europeos), en Brasil, al contrario, hubo razones y motivos puramente internos que crearon un terreno fértil para que el líder populista de derecha llegase al poder, mientras que Estados Unidos se caracterizó por mezclar y entrecruzar los factores tanto internos como externos. Sin embargo, no importa cuán diversas sean las versiones multifacéticas del populismo de derecha (desde las peculiaridades de su existencia personificadas en un político de oposición con su propio programa de reforma de la sociedad y del Estado, hasta las circunstancias de la llegada al poder del líder populista de derecha e incluso la política que está promoviendo), ellas sólo confirman los patrones generales de este fenómeno.

La llegada del populismo de derecha y su trayectoria de interacción con la sociedad, revelan nuevas tendencias en el desarrollo político interno de muchos Estados. El populismo de derecha ha dado testimonio de nuevas preferencias políticas y de estados de ánimo público, así como de las nuevas tendencias en la conciencia de masas. Percibiendo los nuevos comportamientos públicos y respondiendo con sensibilidad a ellos, el populismo de derecha que está en poder (los casos de Gran Bretaña, Brasil, Hungría así como de los Estados Unidos durante la administración de Donald Trump, o como del período de Matteo Salvini en su calidad de viceprimer ministro del gobierno italiano, o de Austria de Sebastián Kurz en su período como canciller) dispone de todas las premisas para continuar sosteniendo las palancas del poder mientras que las fuerzas populistas de derecha

opositoras pueden acercarse al pináculo de la administración estatal bajo la condición de la combinación favorable de circunstancias sociopolíticas.

Al mismo tiempo, el populismo de derecha demuestra la complejidad y diversidad del panorama del mundo actual, donde los países con los líderes que rechazan la globalización y los valores liberales, coexisten con los Estados adictos a esos valores colocándolos como una prioridad de su política.

En ciencia política rusa de los últimos tiempos hay trabajos que abordan de manera integral los problemas del populismo de derecha como fenómeno global,¹ y su proyección concreta en Europa y Estados Unidos.²

Mucho menos se sabe hasta qué punto la tendencia populista de derecha se ha arraigado en América Latina. Fue Olga Varentsova que reflexionó alrededor de tres olas del populismo latinoamericano (la primera ola – transición en las décadas 1930–1950 del gobierno oligárquico a la política de masas, exigencias de expansión de los derechos políticos, económicos y sociales, la segunda ola – el populismo neoliberal de las décadas de 1980 y 1990, la tercera ola – los regímenes populistas de izquierda de Venezuela y Bolivia como reacción al neoliberalismo).³ Los problemas generales del populismo latinoamericano son profundamente investigados en las obras de Piotr Yakovlev y Nailiá Yakovleva,⁴ de Boris Martynov.⁵ Los rasgos comunes y peculiaridades del populismo latinoamericano como fenómeno, así como el populismo brasileño de la segunda ola se analizan en detalle en los trabajos de Liudmila Okuneva.⁶

Un ejemplo muy revelador de la ideología y práctica política populista de derecha actual es Brasil, cuyo caso, debido a la similitud de condiciones y circunstancias históricas específicas, resultó ser tan fuerte que involucró en su órbita a varios países latinoamericanos.

El populismo no es un fenómeno nuevo en Brasil. En las décadas de 1930–1950 el presidente Getúlio Vargas, posicionándose a la vez como “el padre de los ricos y el padre de los pobres”, presentó (junto con el presidente de Argentina Juan Domingo Perón) un ejemplo “clásico” latinoamericano del populismo del siglo XX. Este último combinaba características de los discursos de derecha e izquierda, que a veces eran difíciles de demarcar. A principios de la década de 1990 se impuso el fenómeno del populismo de derecha en su forma más pura personificado por el presidente Fernando Collor de Mello, quien intentó llevar a cabo una “modernización conservadora basada en el populismo de derecha”, por el medio de una estrategia neoliberal llamada “terapia de choque”; este tipo de populismo fue denominado de “populismo neoliberal”.⁷ Y finalmente, en nuestro tiempo, en los años 2016–2022, la versión brasileña del populismo de derecha primero ganando fuerza gradualmente, y luego apoderándose de las herramientas del poder estatal llegó a su formato “más radical”⁸ con el presidente Jair Bolsonaro, como si cerrara el eje “Vargas–Collor–Bolsonaro”.

El político radical de derecha con una orientación marcada populista, Jair Bolsonaro, quien ganó las elecciones en octubre de 2018,⁹ ingresó al más alto cargo estatal

1 Tevdoy-Burmuli 2020; Oskolkov 2020; Gluhova 2021.

2 “Right-wing populism: Global trend and regional features,” 2020.

3 Varentsova 2014.

4 Yakovleva 2016; Yakovlev and Yakovleva 2022.

5 Martynov 2020.

6 Okuneva 2008, 173–201, 296–343, 360–368; Okuneva 2009.

7 Sobre el “fenómeno Collor” y la primera experiencia del populismo de derecha en Brasil vinculada con su nombre véase con más detalle en: Okuneva 2008, 173–201, 296–343.

8 “Latin American Populism in the Twenty-first Century”, Wilson Center, accessed December 15, 2019, <https://www.wilsoncenter.org/book/latin-american-populism-the-twenty-first-century#sthash.PuRZOJlr.dpuf>.

9 Okuneva 2018.

de Brasil el 1 de enero de 2019. Las circunstancias de su subida al poder fueron el resultado de la mayor crisis económica, política y social multifactorial, que sacudió los cimientos del sistema político del país y provocó un dramático cambio de humor en el electorado, cuya mayoría se apresuró a apoyar masivamente al candidato de extrema derecha.

El conservadurismo de derecha en Brasil ha crecido desde la crisis del proyecto de centroizquierda, que se había desarrollado en el gobierno de los presidentes Luiz Inácio Lula da Silva y su sucesora Dilma Rousseff. Después de la destitución de Rousseff en 2016, un político conservador de derecha, el vicepresidente Michel Temer, se convirtió en líder del país, y esto marcó el final del ciclo de más de trece años de gobierno de centroizquierda (2003-2016) que efectuó un modelo socialmente orientado y con el papel significativo del sector estatal. Con el gobierno de Temer se inició el “giro a la derecha”.

El *impeachment* de Rousseff no puso fin a la crisis política más aguda, sino que abrió una nueva fase de la misma. La sociedad se vio invadida por estados de ánimo de incertidumbre y la más profunda decepción en los políticos y en la política. La incapacidad de las nuevas autoridades – conservadoras de derecha – para sacar al país de una profunda crisis económica, la implicación en la corrupción de casi toda la clase política (tanto de derecha como de izquierda), la detención de Lula – “el presidente más popular de la historia de Brasil” a los ojos de izquierda, la ausencia de una figura política significativa a escala nacional capaz de unir a la nación en torno a un gran proyecto socioeconómico – todo eso provocó una apatía social sin precedentes en Brasil. En el año 2017-principios del 2018 la sociedad civil rechazó prácticamente a todos los posibles candidatos presidenciales.

En el ambiente de la decepción general en las élites del poder, los escándalos de corrupción en curso y el crimen desenfrenado sin precedentes, era inevitable el surgimiento de un político populista (en este caso, populista de derecha), que prometiera cambiar drásticamente el rumbo, resolver rápidamente los problemas que preocupan a la sociedad. El radical derechista Bolsonaro, un ex militar, diputado de la Cámara Baja del parlamento desde 1990, se convirtió en tal político y por las mismas características de su personalidad, reflejó cambios en los estados de ánimo del electorado brasileño. Su surgimiento en la vida política se convirtió en un síntoma de un cambio completo no solo sociopolítico, sino también socio psicológico, y señaló las demandas por el desmantelamiento del orden liberal de izquierda plasmado en los gobiernos de centroizquierda (precisamente aquel orden liberal de izquierda que la propia sociedad había saludado en el periodo anterior).

Bolsonaro combinó, al parecer, aspectos difíciles de combinar del programa político: un ultraconservador en asuntos de política, vida pública, valores familiares, un partidario de la prioridad de la moral tradicional y de la actitud conservadora en el terreno moral y de comportamiento, adoptó al mismo tiempo un programa económico ultraliberal (amplia privatización de la gran mayoría de las empresas estatales, apertura máxima de los mercados, libertad de actividad económica exterior – y todo eso basado en el recorte de las partidas presupuestarias sociales). Al captar los principales y apremiantes problemas que enfrentaba el país, Bolsonaro colocó la lucha contra el crimen y la corrupción como prioridad dentro de su campaña electoral. Esto unió a su alrededor no solo a los partidarios, sino también al electorado de masas. Bolsonaro dirigió el patetismo de su campaña contra la izquierda, trayendo todo tipo de acusaciones en su contra y posicionándola como su principal enemigo responsable de una crisis de gran envergadura.

Representantes de la sociedad civil brasileña y destacados políticos del campo democrático condenaron a Bolsonaro por sus opiniones y advirtieron al electorado contra

su elección. Además, Bolsonaro fue comparado con su ídolo Trump, que para la fecha había ganado las elecciones estadounidenses, y comenzó a ser llamado el “Trump brasileño, o tropical”. Sin embargo, todas estas advertencias fallaron. Bolsonaro ganó las elecciones con un convincente “puntaje” del 55%.

La razón no solo de la victoria electoral de Bolsonaro, sino también del apoyo acérrimo de su “electorado nuclear” ya durante su mandato presidencial fue el triunfo de ese populismo de extrema derecha que se ha convertido en una tendencia global indudable del mundo actual.

Los populistas de derecha de Europa han seguido de cerca las elecciones brasileñas y el gran ascenso de Bolsonaro.¹ Su interés de ellos por su “colega” brasileño no fue casual. El modo de Bolsonaro de imitar a Trump, el eslogan “Hagamos que Brasil vuelva a ser grande” siguiendo el estilo político y el modo de conducta de Trump, todo esto no fue una repetición puramente mecánica de las preferencias políticas de Trump y su eslogan «Hacer grande a Estados Unidos de nuevo», sino que fue causado por el deseo de los radicales de derecha brasileños para guiar a Brasil en una dirección opuesta a aquella en la que se desarrolló durante la época de los gobiernos liberales de izquierda.

Brasil se ha convertido en un receptor del fenómeno global de las reacciones del populismo de derecha a las manifestaciones políticas internas de la globalización. Aquí, la tendencia europea y norteamericana del populismo de derecha se reveló plenamente. Entre las causas de dicha erradicación – la profunda crisis de la sociedad brasileña, los errores y la miopía política de los antiguos gobernantes – las élites liberales de izquierda, el “saltar por delante” de la globalización y del proyecto social liberal, la crisis del sistema de valores basada en la oposición “paradigma de valores tradicionales vs nuevo enfoque de género *à la* LGBT”.

Al mismo tiempo, reflejando la tendencia global del populismo de derecha, su “versión brasileña” – el bolsonarismo – también repercutió todos los signos clásicos del populismo.

Estos signos – una situación de crisis, el entretrejo de muchas crisis en una bola enredada, el colapso no solo del curso de los acontecimientos, sino del propio modelo de desarrollo, la incapacidad tanto del *establishment* como de los partidos tradicionales para ofrecer no solo una salida de dicha crisis multifactorial, sino también una nueva agenda positiva, el declive de los partidos tradicionales de derecha e izquierda (a veces conjugado con el surgimiento de los nuevos partidos para llenar el vacío político e ideológico), la decadencia de los partidos de centro y el fracaso de su agenda socioeconómica y política.

Surgiendo de una ola de desconfianza en las instituciones estatales representativas, criticando la burocracia, la corrupción, inculcando en la sociedad la creencia de una mágica solución de problemas sociales complejos, el populismo genera una conexión directa con el pueblo, se pronuncia contra los partidos y cualquier institución política precedente, contra la democracia representativa y las instituciones de poder; de esta manera, el populismo (especialmente el de derecha) se basa en los viejos prejuicios paternalistas, en gran medida autoritarios, que existen en grandes sectores del electorado.²

En este contexto, se manifiesta quizás la característica más importante del populismo: un nuevo liderazgo personificado en el político carismático, que ha crecido sobre la base del fracaso de las viejas ideas y de un sistema político inestable y que ofrece una solución rápida y fácil para problemas complejos (cortar de un solo golpe el cúmulo más complejo de problemas que no han encontrado sus propias soluciones durante décadas). Este

1 Sobre el deseo de crear la alianza internacional del populismo de derecha véase con más detalle en: Okuneva 2020, 345–348.

2 Okuneva 2008, 366.

tipo de líder, en gran medida “imprevisible”, actúa, inicialmente, como un “outsider político”, es decir, un político antisistémico. El líder-*outsider* opera independientemente de los grandes partidos políticos y, por otro lado, es una “sorpresa” tanto en términos de su propia apariencia política como desde la óptica de su inesperada victoria en las elecciones (y en este sentido, él mismo puede convertirse en un “favorito”). El “outsider” expone a las autoridades locales y con esto altera el equilibrio político existente, introduce una ruptura en la vida política, sin siquiera tratar de obtener el apoyo de las instituciones políticas y estatales tradicionales, o los partidos. Contrastando a sí mismo con los “insiders” – personajes políticos bien conocidos y arraigados – juega su propio juego, eligiendo espacios económicos, mediáticos, sindicalistas o religiosos, convirtiéndolos en terrenos políticos y electorales. La subida de un “outsider” al poder se basa en “expectativas dobles”: tanto en esperanzas de renovación e incluso de cambio completo de liderazgo político (después de todo, un “outsider” es un “nuevo político”), como en un deseo por cambios claros en el rumbo político (después de todo, el programa electoral del “outsider” está lleno de promesas de cambio).¹ Pelear contra todos es un comportamiento típico de un *outsider* populista. La lucha contra los enemigos acérrimos – la izquierda, la derecha tradicional inepta, los centristas “buenos para nada,” la batalla “contra las reglas del juego y las interpretaciones de los acontecimientos políticos y sociales generalmente aceptadas” – todo eso quedó plenamente confirmado en el terreno político brasileño como parte de la imagen de Bolsonaro la cual podemos denominar como “movilización-populista”.²

Los deseos y expectativas insatisfechas del pueblo, ignoradas durante mucho tiempo por las autoridades oficiales, son las que se reflejan principalmente en los programas de los nuevos líderes que luchan por una reformación radical del poder. El populismo, generado por el “estado psicológico similar” de varios estratos sociales, se caracteriza por la unificación “de todos los que se oponen al viejo gobierno, a la antigua vida”.³

Todo lo expuesto más arriba tiene una referencia directa a Bolsonaro y bolsonarismo, así como a las nuevas orientaciones de la sociedad brasileña que hicieron posible el surgimiento de tal personalidad política.

Asimismo, Bolsonaro se identifica como el tipo de populista-moralista (también una característica inalienable del populismo). Se encargó de “educar a la sociedad”, inculcarle principios morales⁴ a las que, a su juicio, trataron de renunciar las élites liberales de izquierda, y consideró dicha moraleja como su “misión”.

La plataforma electoral más importante, que ha pasado al primer plano en la propaganda política de los populistas modernos de derecha e izquierda y en la que Bolsonaro participa activamente son las redes sociales. La comunicación directa de Bolsonaro con la gente durante la campaña electoral estuvo totalmente involucrada, y las redes sociales permitieron “empujar” a la audiencia a millones. La presencia de Bolsonaro en las redes sociales se debe en gran parte a su actitud hostil hacia los medios de comunicación tradicionales que lo critican y a quienes consideraba sus enemigos.

Los factores sociales y psicológicos también desempeñaron un papel importante y posiblemente decisivo.⁵ El nuevo líder adivinó con precisión las demandas y exigencias de la población. El estado desastroso de la economía, que dicho líder heredó, el crimen desenfrenado, la corrupción ilimitada, el ataque a los valores tradicionales por parte

1 Goirand 2005–2006, 11–13, 19–21; Okuneva 2008, 362–363.

2 Jelifets and Konovalova 2019, 14.

3 Koval 1975, 86–87.

4 León Osvaldo, “El montaje del “mito” Bolsonaro,” ALAI, accessed December 23, 2018, <https://www.alainet.org/es/articulo/197288>.

5 Sobre los factores socio psicológicos del bolsonarismo, el estilo político de Bolsonaro y el contenido conflictivo de su política véase con más detalle en: Okuneva 2020, 355–361.

de la comunidad LGBT – esto fue lo que preocupaba a la sociedad, y fueron precisamente estas preguntas a las que Bolsonaro dio respuestas; al llegar al poder revistió estas respuestas en forma de decretos presidenciales y leyes. La imagen de un populista–luchador contra los enemigos, un populista–“salvador”, un populista–“mesías”, un populista–“mártir” “que “sufre por todos”, un “solitario heroico” que se opone a un “entorno desfavorable”, que apela directamente al “pueblo” pidiendo ayuda (la imagen clásica de un populista, como un “esculpido” especial para un manual de ciencia política) – dicha imagen cayó en suelo social preparado.

En cuanto a las características específicas del populismo de derecha brasileño, podemos notar las particularidades, en comparación con la tendencia estadounidense-europea, de su base social. Durante su campaña electoral Bolsonaro fue apoyado por los círculos financieros, las bolsas de valores, las élites económicas, fue seguido por los evangelistas – una fuerza poderosa con considerables recursos financieros. El “electorado nuclear” de Bolsonaro fue y sigue siendo hombres blancos, representantes de los estratos más prósperos, la clase media con un alto nivel de ingresos, residentes de grandes ciudades en las regiones más desarrolladas del país: el Sureste y el Sur. Una parte significativa de su apoyo electoral está compuesta por militares y la parte conservadora de la sociedad.

El “fenómeno Bolsonaro” como versión brasileña del populismo de derecha genera muchos problemas discutibles. Uno de ellos es la cuestión de la combinación de populismo de derecha y de democracia. Un político populista, ya sea en el curso de una campaña electoral o ya en el poder, aunque no busca destruir el régimen democrático, se encamina hacia la confrontación y la polarización política de la sociedad (el ejemplo de Bolsonaro y de Trump), mientras que un político demócrata busca el consenso y compromiso incluso con la oposición. Sin embargo, queda abierta la cuestión de la posible conexión de estas dos tendencias políticas: hasta qué punto un sistema político democrático es capaz de resistir la “toma del poder” populista, qué tan fuerte es la carga antiautoritaria en él;¹ paralelamente surge la pregunta – no será el populismo una amenaza para la democracia, ya que los presidentes recién aparecidos, atraídos por el “espíritu autoritario” inherente al populismo, buscan gobernar sin apoyarse en instituciones sistémicas, sino a través de redes sociales que les brindan a ellos una “conexión directa” con el pueblo.² Pero precisamente en este punto la comunidad de expertos brasileños llegó a la conclusión de que en Brasil, a pesar de los temores existentes, es imposible un “retroceso antidemocrático”. La garantía de esto es tanto la posición del ejército como el funcionamiento del sistema de pesos y contrapesos y de las instituciones políticas (poder legislativo y poder judicial independiente, partidos y asociaciones de la sociedad civil) que se unen en su fuerte rechazo a la retórica antidemocrática e ideologizada de Bolsonaro, y que son capaces de bloquear violaciones anticonstitucionales.³

1 Pechatnov 2017, 31.

2 Fonseca Diego, “Señor presidente: cálese,” The New York Times, accessed December 27, 2019, <https://www.nytimes.com/es/2019/12/26/espanol/opinion/presidentes-twitter.html>.

3 Pereira Carlos, “Ih... a democracia brasileira não ruíu...,” Estadão, accessed January 15, 2020, <https://politica.estadao.com.br/noticias/geral,a-democracia-nao-ruiu,70003155445>; Безерра Марсели, “Возможна ли диктатура в Бразилии?,” ИА Реалист, accessed January 5, 2020, <http://realtribune.ru/news/world/3382>; “Висенте Ферару: Следующие годы станут важной проверкой на прочность политической системы Бразилии,” Brasil.ru, accessed November 15, 2018, <https://brasil.ru/opinions/interview/visente-feraru-sleduyushhie-gody-stanut-vazhnoj-proverkoj-na-prochnost-politicheskoy-sistemy-brazilii>.

→ Referencias / References

- Варенцова, О.Б. Три волны популизма в Латинской Америке // *Вестник МГИМО Университета. Политологические науки*. – 2014. – 6(39). – С. 153–160.
- Varentsova, O.B. "Three waves of populism in Latin America." *MGIMO Review of International Relations* 39, no. 6 (2014): 153–160. [In Russian]
- Глухова, А.В. Популизм в XXI веке: временно, надолго, навсегда? // *Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика*. – 2021. – 2(13). – С. 33–61.
- Gluhova, A.V. "Populism in the 21st century: Today, tomorrow, always?" *Moscow University Bulletin of World Politics* 13, no. 2 (2021): 33–61. [In Russian]
- Коваль, Б.И. *Бразилия вчера и сегодня*. – М.: Наука, 1975. – 173 с.
- Koval, B.I. *Brazil yesterday and today*. Moscow: Editorial Nauka, 1975. [In Russian]
- Мартынов, Б.Ф. Латинамериканский популизм: некоторые размышления по поводу // *Латинская Америка*. – 2020. – №2 – С. 19–29.
- Martynov B.F. "Latin American populism: some relevant thoughts". *Latinskaya Amerika* 2 (2020): 19–29. [In Russian]
- Окунева, Л.С. *Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг.–2006 г.)*. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 824 с.
- Okuneva, L.S. *Brazil: peculiarities of the democratic project. Pages of the recent political history of the Latin American giant (1960s – 2006)*. Moscow: MGIMO-University, 2008. – 824 p. [In Russian]
- Окунева, Л.С. Президентские выборы 2018 г. в Бразилии: буря и натиск // *Латинская Америка*. – 2018. – №12. – С. 22–36.
- Okuneva, L.S. "Brazilian Presidential Election 2018: Storm and Onset". *Latinskaya Amerika* 12 (2018): 22–36. [In Russian]
- Окунева, Л.С. Правый популизм в Бразилии и его отголоски в других латиноамериканских странах // *Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности* // Под ред. Л.С. Окуневой, А.И. Тэвдой-Бурмули. – Москва: МГИМО-Университет, 2020. – С. 337–382.
- Okuneva, L.S. "Right-wing populism in Brazil and its echoes in other Latin American countries." In *Right-wing populism: Global trend and regional features*, edited by L.S. Okuneva, A.I. Tevdoj-Burmuli, 337–382. Moscow: MGIMO-Universitet, 2020. [In Russian]
- Осколков, П.В. Популизм как объект сравнительного анализа: проблемы методологии // *Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности* // Под ред. Л.С. Окуневой, А.И. Тэвдой-Бурмули. – М.: МГИМО-Университет, 2020. – С. 12–23.
- Oskolkov, P.V. "Populism as an Object of Comparative Analysis: Problems of Methodology." In *Right-wing populism: Global trend and regional features*, edited by L.S. Okuneva, A.I. Tevdoj-Burmuli, 12–23. Moscow: MGIMO-Universitet, 2020. [In Russian]
- Печатнов, В.О. Феномен Трампа и американская демократия // *Международные процессы*. – 2017. – 1(15). – С. 13–31.
- Pechatnov, V.O. "The Trump Phenomenon and American Democracy". *Mezhdunarodnye processy* 15, no. 1 (2017): 13–31. [In Russian]
- Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности* // Под ред. Л.С. Окуневой, А.И. Тэвдой-Бурмули. – Москва: МГИМО-Университет, 2020. – 404 с.
- Okuneva, L.S., Tevdoj-Burmuli, A.I., eds. *Right-wing populism: Global trend and regional features*. Moscow: MGIMO-Universitet, 2020. – 404 p. [In Russian]
- Тэвдой-Бурмули, А.И. Предисловие // *Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности* // Под ред. Л.С. Окуневой, А.И. Тэвдой-Бурмули. Москва: МГИМО-Университет, 2020. – С. 5–11.
- Tevdoj-Burmuli, A.I. "Introduction". In *Right-wing populism: Global trend and regional features*, edited by L.S. Okuneva, A.I. Tevdoj-Burmuli, 5–11. Moscow: MGIMO-Universitet, 2020. [In Russian]
- Хейфец, Л.С., Коновалова, К.А. Национализм в Латинской Америке XXI века: идеи, метаморфозы, примеры // *Латинская Америка*. – 2019. – №10. – С. 7–21.
- Jeifets, L.S., Konovalova, K.A. "Nationalism in Latin America of the 21st century: ideas, metamorphoses, examples." *Latinskaya Amerika* 10 (2019): 7–21. [In Russian]
- Яковлева, Н.М. Время и бремя популизма // *Латинская Америка*. – 2016. – №12. – С. 90–97.
- Yakovleva, N.M. "The time and burden of populism". *Latinskaya Amerika*, no. 12 (2016): 90–97. [In Russian]

Яковлев, П.П., Яковлева Н.М. Латиноамериканский популизм: исторический контекст и современные тренды // *Ибероамериканские тетради*. – 2022. – 1(10). – С. 10–26.

Yakovlev, P.P., Yakovleva, N.M. "Latin American Populism: Historical context and modern trends". *Cuadernos Iberoamericanos* 10, no. 1 (2022): 10–26. [In Russian]

Goirand, C. "L'outsider, figure introuvable? Partis et individualisation de la politique au Brésil." *Problèmes d'Amérique latine*, Paris, hiver 2005–2006, no. 59: 11–21.

Okuneva, L. "Desafíos y peculiaridades del populismo. Variante brasileña." *Iberoamérica*. Moscú, no. 4 (2009).

Исследовательская статья

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-27-37>

Современный облик правого популизма в Бразилии

© Л.С. Окунева, 2022

Окунева Людмила Семеновна, д.ист.н., профессор, заведующая кафедрой истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России; главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, Москва (Россия)
Для корреспонденции: 119454, Москва, просп. Вернадского, 76

E-mail: liudmila31@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 24.01.2022

Доработана после рецензирования: 21.02.2022

Принята к публикации: 09.03.2022

Для цитирования: Okuneva L.S. "La imagen moderna del populismo de derecha en Brasil" [The modern face of right-wing populism in Brazil]. *Cuadernos Iberoamericanos* 10, no. 1 (2022): 27–37. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-27-37>. [In Spanish]

→ Аннотация

Правопопулистский феномен стал одним из главных трендов мировой политики. Его распространение в «старых» и «новых демократиях» заставляет исследователей пересмотреть тот категориальный аппарат, с помощью которого они анализировали мировые процессы в совсем еще недавнем прошлом. Совокупные характерные черты, проявляясь в различных странах, неизбежно приобретают местный колорит. Если всплеск правого популизма в Европе был спровоцирован внешним фактором – миграционными потоками, то в Бразилии имелись чисто внутренние причины и мотивы, создавшие благоприятную почву для прихода к власти правопопулистского лидера, а для США было характерно смешение и переплетение как внутренних, так и внешних факторов. Автор анализирует бразильский вариант современной правопопулистской идеологии и политической практики, воплощенный в «феномене Болсонару» – президента страны. Рассматриваются причины и обстоятельства, сделавшие возможным приход и укоренение правого популизма на бразильской политической почве.

Исследованы основные черты правого популизма в его «болсонаристском» варианте. Показано, что бразильский правый популизм начала XXI века отразил как современный мировой тренд, так и все классические признаки популизма, и одновременно обладает собственными уникальными национальными особенностями. «Феномен Болсонару» порождает многие дискуссионные проблемы.

→ Ключевые слова

Бразилия, Болсонару, правый популизм, харизматический лидер, демократия

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-38-52>

Советско-кубинские отношения после Карибского кризиса, крах разрядки и уроки на будущее

© Б.Ф. Мартынов, 2022

Мартынов Борис Федорович, д.полит.н., профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России, Москва (Россия)
Для корреспонденции: 119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

E-mail: bfmartynoff@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 25.01.2022

Доработана после рецензирования: 26.02.2022

Принята к публикации: 05.03.2022

Для цитирования: Мартынов Б.Ф. Советско-кубинские отношения после Карибского кризиса, крах разрядки и уроки на будущее. *Иberoамериканские тетради*. 2022, 10(1): 38–52. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-38-52>.

→ Аннотация

Итоги Карибского кризиса в отечественной и зарубежной литературе редко освещались с точки зрения советско-кубинских отношений, которые повлияли на интернационалистскую политику Кубы в Африке в 1970–х гг. XX в. В статье анализируются степень самостоятельности политики Кубы в Африке, участие в этой политике СССР и справедливость обвинений, выдвинутых Вашингтоном. Результаты проведенного анализа показали, что отправка Кубой своих «добровольцев» сначала в Анголу, а затем и в Эфиопию осуществлялась не по инициативе СССР, который стремился сохранить разрядку в отношениях с Западом. Притом новое ухудшение отношений с Кубой в условиях обострения советско-китайских противоречий, усиление центробежных тенденций в «социалистическом содружестве» и появление «еврокоммунизма» угрожали дальнейшим ослаблением мировой системы социализма и размытием идеологических основ марксизма-ленинизма. Однако обвинения в адрес СССР относительно вмешательства в Африку были использованы администрацией Дж. Картера для одностороннего отказа от политики разрядки, которая в глазах США себя изжила. Точку в окончании политики разрядки поставил Афганистан. Анализ интернационалистской активности Кубы в Африке позволил автору сделать ряд выводов касательно ее последствий для международного коммунистического движения

и влияния на расстановку сил в мире накануне начала политики перестройки в Советском Союзе. Окончание политики разрядки не позволило СССР перенаправить средства, высвобождаемые от гонки вооружений, на улучшение условий жизни советского народа. Революционная активность Кубы способствовала расслоению ранее единого «фронта антиимпериалистических сил». Ослабление идеологических устоев «реального социализма» стало дополнительным фактором, который подвигнул советское руководство в лице М.С. Горбачева к началу политики «перестройки». «Успехи» Кубы в Африке способствовали консолидации кубинского общества вокруг политики кубинской компартии, что, в свою очередь, помогло ей пережить трудности «особого периода в мирное время» начала 1990-х гг.

→ Ключевые слова

Холодная война, Карибский кризис, политика разрядки, Ангола, Сомалийско-Эфиопский конфликт, внешняя политика Кубы, политика «перестройки»

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Research article

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-38-52>

Soviet-Cuban relations after the Caribbean crisis, the collapse of détente and lessons for the future

© B.F. Martynov, 2022

Boris F. Martynov, Dr. habil. (Politics), Professor, Head of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO University, Moscow (Russia)

For correspondence: 119454, Russia, Moscow, Vernadskogo Ave., 76

E-mail: bfmartynoff@gmail.com

Received: 25.01.2021

Revised: 26.02.2021

Accepted: 05.03.2021

For citation: Martynov B.F. Soviet-Cuban relations after the Caribbean crisis, the collapse of détente and lessons for the future. *Cuadernos Iberoamericanos* 10, no. 1 (2022): 38-52. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-38-52>.

→ Abstract

The results of the Caribbean crisis in the domestic and foreign literature have rarely been covered from the point of view of the Soviet–Cuban relations that influenced the internationalist policy of Cuba in Africa in the 1970s. The author analyzes: the degree of independence of Cuba's policy in Africa, the participation of the USSR in it and the fairness of accusations brought by Washington. The results of the analysis show that deploying of Cuban "volunteers" in Angola and then in Ethiopia was not initiated by the USSR, which aimed at maintaining détente in relations with the West. Moreover, new deterioration of relations with Cuba amid escalating Chinese–Soviet tensions, increasing centrifugal tendencies in the "socialist commonwealth" and emergence of "Eurocommunism" threatened to further weaken the "world system of socialism" and erode the ideological foundations of Marxism–Leninism. By analyzing Cuba's internationalist activity in Africa, the author has been able to draw some conclusions about its implications for the international communist movement and its influence on the balance of power in the world before perestroika policy began in the Soviet Union. The end of détente policy did not allow the USSR to redirect the resources released from the arms race to improving the living conditions of the Soviet people. Cuban revolutionary activity contributed to fragmentation of the formerly united "upfront anti-imperialist forces." The weakening of the ideological foundations of "real socialism" was an additional factor that prompted the Soviet leadership, represented by Mikhail Gorbachev, to begin a policy of perestroika. Cuba's 'progress' in Africa contributed to consolidation of Cuban society around the policy of the Cuban Communist Party, which, in turn, helped it to withstand the difficulties of the "peculiar period of peace" in the early 1990s.

→ Keywords

Cold War, Caribbean crisis, détente, Angola, the Somalia – Ethiopian conflict, foreign policy of Cuba, perestroika, USSR

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Чем дальше в глубины истории уходит Карибский кризис, тем более рельефными предстают сегодня перед нами его наиболее характерные черты. После событий октября 1962 г. мир стал иным. Заглянув за край термоядерной пропасти, лидеры СССР и США поняли, что альтернативой всеобщему уничтожению может быть только разрядка напряженности, и предприняли первые шаги в этом направлении¹. Отнюдь не случайно, что итоги Карибского кризиса в отечественной и зарубежной литературе рассматривались и, в основном, продолжают рассматриваться в контексте развития советско–американских отношений. Между тем советско–кубинские отношения, которые после этого эпохального события приобрели свою собственную специфику, имели не менее долгосрочные политические последствия и также в скором времени приобрели глобальное измерение.

Как известно, советско–американские переговоры об урегулировании Карибского кризиса, проходившие в условиях цейтнота и порой на грани фиаско, завер-

шились выводом с Кубы советских ракет средней и малой дальности и всего оружия, которое Соединенные Штаты сочли «наступательным». В обмен на это Вашингтон дал обещание (нигде не зафиксированное, впрочем, документально) не нападать на Кубу и вывести из Турции ракеты средней дальности, которые непосредственно угрожали территории СССР. По просьбе американской стороны вывод ракет из Турции не связывался непосредственно с итогами урегулирования кризиса и позднее был подан в качестве жеста «доброй воли» США.

Карибский кризис, последствия которого были объективно оценены обеими сторонами, заложил основы разрядки в советско-американских отношениях. Советско-кубинские же отношения после Карибского кризиса вступили в полосу серьезного кризиса. Переговоры Кеннеди и Хрущева велись за спиной Ф. Кастро. Односторонний, без консультации с Кубой, вывоз с острова советских ракет, более того – оскорбительное для Кубы предложение Хрущева о контроле со стороны США за погрузкой ракет на советские суда в кубинских портах и далее – об их сопровождении американскими самолетами в кубинских же территориальных водах – вызвали возмущение кубинского руководства. В своем выступлении по итогам Карибского кризиса, которое состоялось в Гаване, Ф. Кастро перед многотысячной аудиторией обвинил советское руководство в «неуважении» к кубинскому народу и подверг острой критике лично Н.С. Хрущева. «На Кубе воцарилось разочарование», – писал британский ученый Р. Готт. «Ракетный кризис стал одним из тех очень немногих событий в ходе Кубинской революции, которые Ф. Кастро не смог обратить себе на пользу. Он не привык терпеть поражения и не хотел испытывать унижение, тем более со стороны союзника, с которым еще совсем недавно так тесно себя связал»¹.

Разрыв с Кубой, которая ранее рассматривалась в Советском Союзе как первая страна Западного полушария, выбравшая социализм в качестве нового общественного строя, а марксизм-ленинизм в качестве новой идеологии, не устраивал советское руководство. Помимо серьезного идеологического и политического ущерба, такой разрыв сыграл бы на руку Китаю, отношения с которым у Советского Союза после Карибского кризиса испортились, казалось, уже окончательно и бесповоротно. К тому же он нанес бы серьезный удар по престижу СССР и марксистско-ленинской идеологии в странах так называемого «третьего мира», которые встали на путь «некапиталистического развития». Для срочного исправления ситуации на переговоры с руководством Кубы на остров в ноябре 1962 г. отбыл член Политбюро ЦК КПСС А.И. Микоян. Показательны слова Фиделя Кастро, сказанные им в интервью одной французской журналистке в 1963 г.: «Если бы Хрущев приехал сам, я бы его ударил»².

Все детали этих непростых переговоров, проходивших порой на грани нервного срыва, хорошо изложены в монографии присутствовавшего на них сына А.И. Микояна, С.А. Микояна, «Анатомия Карибского кризиса», которая вышла в России в 2006 г. О напряженности ситуации свидетельствовал, например, тот факт, что Анастас Иванович не смог прервать переговоры даже для того чтобы на время вернуться в Москву на похороны своей жены.

Протоколы советско-кубинских переговоров говорили о готовности Москвы пойти на серьезные уступки Гаване в целях урегулирования возникшего конфликта. «Мы считаем победу Кубинской революции огромным вкладом в дело марксизма-ленинизма, – заверял А.И. Микоян Фиделя Кастро. – Ее поражение нанесло бы непоправимый удар по марксизму и революционному движению в других странах... Наш долг – сделать все, чтобы защитить Кубу»³.

1 Gott 2007, 318.

2 Микоян 2006, 302.

3 Gleijesis 1997, 339.

Временами слова Микояна звучали как попытка оправдаться: «Мы думали проконсультироваться с вами...», «Мы считали, что ракеты на Кубе выполнили свое предназначение, поставив остров в центр дипломатического внимания...», «В нормальных условиях мы представили бы вам детальный план урегулирования...» и т.д.¹

Те же документы свидетельствуют, что Ф. Кастро не старался щадить чувства своего vis-à-vis: «Оценивая то, что произошло, мы считаем, что все должно было быть сделано по-другому...». Предложенные советской стороной инспекции, равно в портах или в территориальных водах, «унизительные», по его словам, для кубинцев, «произвели гнетущее впечатление на наш народ»².

Главные же слова, имевшие серьезные политические последствия, были сказаны Фиделем Кастро А.И. Микояну 5 ноября: «В текущих обстоятельствах мы могли бы освободить Советский Союз от взятых им на себя обязательств и сами позаботиться об обеспечении собственной безопасности (Курсив мой – Авт.) в условиях сложившейся непредсказуемости. Мы не имеем права подвергать опасности мир во всем мире, но у нас есть полное право самим защищаться от агрессии». Итог переговоров подвел тогдашний Президент Кубы О. Дортикос: «То, о чем сказал товарищ Фидель, не подлежит обсуждению, поскольку все мы согласны с его словами»³.

В Советском Союзе, по-видимому, не придали большого значения этой фразе кубинского лидера. Казалось, что окончательную черту под советско-кубинским «непониманием», случившимся в дни Карибского кризиса, подвели слова, сказанные постоянным представителем Кубы в ООН К. Лечугой советскому постпреду при этой организации В.В. Кузнецову 7 ноября 1962 г.: «Куба поддерживает миролюбивую политику Советского Союза и считает, что непонимание, которое возникло на Кубе в связи с шагами по его преодолению, теперь полностью устранено»⁴.

Однако уже в следующем году Куба начинает устанавливать активные контакты с представителями леворадикальных движений Боливии, Перу и Аргентины, исповедующих вооруженные методы борьбы. Именно тогда Э. Че Гевара перешел к разработке планов континентальной революции, логистическим центром которой была наметена Боливия – страна, расположенная в самом центре южноамериканского материка. Вскоре «делать революцию» в Боливию отправится сам Э. Че Гевара. Эта политика шла вразрез с положением «2-й Гаванской декларации народа Кубы» (февраль 1962 г.)⁵ о том, что «революции не экспортируются, их совершают народы». Причина была очевидна: путем совершения «революционных перемен» в близлежащих от Кубы странах руководство страны намеревалось создать для себя «периметр безопасности», способный оградить Остров Свободы от эвентуальной агрессии со стороны США. Убийство Кеннеди, который дал Хрущеву устное обещание не нападать на Кубу, и последовавшая вскоре эскалация войны США во Вьетнаме многократно усилили эту стратегию. Установка на бескомпромиссную вооруженную борьбу с американским империализмом и неокOLONиализмом была подтверждена на конференции народов Азии, Африки и Латинской Америки в Гаване в январе 1966 г. (конференция «Трикониненталь»). В письме, направленном ее делегатам из боливийских джунглей, Э. Че Гевара призвал устроить для США «один, два, три, много Вьетнамов», чтобы не только гарантировать «победу национально-освободительных движений» в мировом масштабе (что, очевидно, и было

1 Gleijeses 1997, 340–341.

2 Ibid., 343.

3 Ibid., 343.

4 Ibid., 330.

5 Была принята в ответ на декларацию Консультативного совещания министров иностранных дел стран-членов ОАГ в Пунта-дель-Эсте (Уругвай) о «несовместимости марксизма-ленинизма с принципами межамериканской системы»).

долгосрочной целью), но и в качестве ближайшей и самой непосредственной задачи – гарантировать безопасность Кубы.

Конференция «Триконтиненталь» была прохладно встречена в Москве. Эпопея «Героического Партизана» в Боливии и попытки Кубы стимулировать партизанскую активность в других странах региона были квалифицированы ЦК КПСС как проявления «троцкизма» и «авантюризма». Там, очевидно, полагали, что поддержка Москвой левого радикализма в Латинской Америке лишь осложнит и без того напряженную мировую обстановку. К тому же в ЦК КПСС с учетом опыта Кубы не могли не понимать, что появление в Латинской Америке еще одного или нескольких правительств «социалистической ориентации» ляжет дополнительным бременем на экономику СССР.

Обвинение в «авантюризме» имело под собой реальные основания. Ответом на разгул «партизанщины» стала череда военных переворотов, которая прокатилась по всей Латинской Америке, начиная с Бразилии (апрель 1964 г.). Военные не смирились с тем, что они назвали «коммунистическим проникновением» в свои страны со стороны СССР, Китая и Кубы, приняв на вооружение концепцию «внутреннего фронта» и перейдя к тактике антипартизанской войны с опорой на помощь со стороны США. Гибель Э. Че Гевары в горах Боливии нанесла серьезный моральный удар по планам «континентальной революции». А кровавый военный переворот в Чили, свергнувший законно избранного президента этой страны С. Альенде (сентябрь 1973 г.), показал кубинскому руководству, что Латинская Америка оказалась на время закрытой не только для вооруженного, но и для мирного «пути к социализму».

Однако дело «защиты революционных завоеваний» на Кубе не потеряло от этого своей актуальности. После «Революции гвоздик» в Португалии (апрель 1974 г.) теперь уже бывшие африканские колонии – Ангола, Мозамбик и Гвинея-Бисау – стали рассматриваться в Гаване как ближайшие кандидатуры на присоединение к «мировой системе социализма».

Как отмечал профессор Университета им. Джонса Хопкинса П. Глехейсес, до 1975 г. африканская политика Кубы прошла три фазы развития: период до 1964 г., когда в центре ее внимания находился Алжир; период 1964–1966 гг., когда внимание Гаваны переместилось на страны Африки южнее Сахары с отправкой первых кубинских контингентов в Заир и Конго (Браззавиль); успешное вовлечение Кубы в события в Гвинее-Бисау (1966–1974 гг.) и, наконец, ее роль в гражданской войне в Анголе (1975 г.)¹. В качестве четвертой фазы к этому списку можно было бы добавить прямое участие кубинских войск в сомалийско-эфиопском конфликте в провинции Огаден (1977–1978 гг.). Особо следует обратить внимание на то, что, как свидетельствуют архивные документы, все эти «фазы» инициировались Кубой *вне предварительных консультаций и без помощи СССР на начальных этапах своего развития*. Причину постоянно возраставшей активности кубинцев в Африке, кульминацией которой стало прямое участие кубинских «добровольцев» в боях с вооруженными формированиями ФНЛА и УНИТА в Анголе, а также с регулярными армиями Заира, Сомали и ЮАР, хорошо изложил один из них: «Все эти годы мы не сомневались, что они (США) нападут на нас, и для нас было лучше вести войну с ними на «дальних подступах», чем в своей собственной стране»².

Связи кубинцев с промарксистским Народным движением за освобождение Анголы (МПЛА) во главе с А. Нето были установлены еще в 1965 г. по инициативе все того же Э. Че Гевары. В 1966–1967 гг. вооруженные отряды МПЛА проходили обучение под руководством кубинских инструкторов во главе с будущим членом Политбюро ЦК Компартии Кубы Х. Рискетом.

1 Gleijeses 1997, 5.

2 Ibid., 7.

11 ноября 1975 г. – официальная дата провозглашения Республики Ангола – стало своеобразной финишной чертой. Захватить до этого времени столицу Анголы – Луанду, находившуюся в руках сторонников МПЛА, пытались две другие оспаривавшие политическую власть группировки: прозападная ФНЛА¹ и прокитайская УНИТА². Летом того же года США усилили свою помощь (включая военную) отрядам ФНЛА и УНИТА, а проамериканский режим Мобуту в Заире отправил на север Анголы регулярные войска. В ответ на это П. Глейхесес писал: «Куба переключила передачу: началась “Операция Карлота”»³.

В августе 1975 г. в Анголу на судах кубинского торгового флота прибыли первые контингенты Кубинской военной миссии в Анголе (ММСА) в количестве примерно 450 человек, с собственным снаряжением и оружием чехословацкого производства. 23 сентября кубинцы имели первое боестолкновение с отрядами Х. Роберто и подразделениями регулярной заирской армии в районе Морро ду Кал. Кубинские добровольцы способствовали серьезному укреплению военных и политических позиций МПЛА. Тогда в дело вступили регулярные войска Южноафриканской республики. Ноябрьские бои на юге Анголы выявили серьезное моральное превосходство кубинцев над сильнейшей на Африканском континенте армией расистского режима ЮАР. «Мы столкнулись с прекрасно организованным и упорным сопротивлением со стороны нашего противника», – писал о ноябрьских боях в Бенгеле южноафриканский полковник Ян Брейтенбах. «Кубинцы, – писала кейптаунская «Кейп Таймс», – крайне редко сдавались в плен и предпочитали умирать с улыбкой на устах»⁴.

Вторжение южноафриканцев заставило Гавану ускорить переброску новых добровольческих контингентов. До января 1976 г., утверждает П. Глейхесес, кубинские войска «в отсутствие всякой помощи из СССР (Курсив мой – Авт.) перебрасывались в Анголу на старых поршневых самолетах «Бристоль-Британия» и советских турбовинтовых «Ил-18», причем на своем долгом пути в Африку они были вынуждены делать две остановки для дозаправки. При этом они шли на осознанный риск⁵. Способные совершать беспосадочный перелет советские самолеты «Ил-62» с советскими экипажами были предоставлены кубинской стороне лишь в январе 1976 г., т.е. уже после того, как правительство МПЛА в Луанде было признано международным сообществом (Курсив мой – Авт.). Все это позволило П. Глейхесису утверждать, что «кубинская и советская политики в Африке шли параллельными (т.е. непересекающимися – Авт.) курсами» и что кубинская политика на черном континенте была продиктована «национальными интересами Кубы и кубинской идеологией», – факт, добавляет он, «который Соединенные Штаты должны были прекрасно осознавать». «Кубинцы, – продолжает ученый, – надеялись, что их связи с Африкой помогут им укрепить свое положение среди неприсоединившихся стран и заставят страны социализма с большей толерантностью относиться к проявлению ими своей самостоятельности»⁶. С этим ученым согласен и проф. Арне Вестад (Йельский университет), который уверен, что «в 1975 г. Фидель Кастро осуществил военную поддержку МПЛА без консультации с Москвой и даже не поставив ее в известность. Хотя в целом это и вписывалось в общий контекст советской внешней политики, но именно Ф. Кастро и председатель МПЛА Агостиньо Нето продумали и осуществили эту интервенцию».

1 Фронт Национального Освобождения Анголы во главе с Холденом Роберто.

2 Национальный Союз за полное Освобождение Анголы во главе с Жонасом Савимби.

3 Gleijesis 1997, 9.

4 Ibid.

5 Последняя остановка – в Гвинее-Бисау, не представляла проблемы. После того как Барбадос, под нажимом США, отказался стать первой, площадки предоставили Гайяна и Азорские острова. При этом, однако, учитывая более длинное «плечо» над океаном, кубинские самолеты приземлялись на Азорах с почти пустыми баками.

6 Westad 1997, 21.

Далее этот автор пишет следующее: «Советские руководители были не в восторге от планов Кастро. Они не хотели предоставлять Анголе своих советников и транспортные самолеты до официального провозглашения этой страной своей независимости. Они опасались поставить под вопрос политику разрядки в отношениях с США». Но, «независимо от своего недовольства, они считали недопустимым (Курсив мой – Авт.) возмущать Кастро»¹. Ситуация, когда «хвост» (Куба) вертел «собакой» (СССР), повторилась довольно скоро в ходе конфликта в эфиопской провинции Огаден (1977–1978 гг.).

* * *

«Разрядка была похоронена в песках Огадена», – эти слова помощника президента США по национальной безопасности Збигнева Бжезинского облетели весь мир. Они не оставляли сомнения в том, что за вмешательством Кубы сначала в Анголе, а затем – в Эфиопии стоял Советский Союз. Таким образом, Москва, используя своего «прокси» – Кубу, якобы нарушила положения «Основ взаимоотношений между США и СССР» – документа, который был подписан президентом США Р. Никсоном в ходе визита в Москву в мае 1972 г., и тем самым в одностороннем порядке сама отказалась от политики разрядки. А окончательную точку в ней поставил ввод советских войск в Афганистан. Заявляя это, Зб. Бжезинский, однако, понимал, что в реальности ситуация была совершенно иной².

История территориального спора между Сомали и Эфиопией из-за провинции Огаден хорошо известна и в комментариях не нуждается. Менее известна инициатива Ф. Кастро о создании так называемой «Конфедерации стран Африканского рога» в составе государств «социалистической ориентации» – Эфиопии, Сомали и Южного Йемена. Понятно, что образование подобной структуры под эгидой Кубы существенно усилило бы международные позиции Кастро. При этом инициатива кубинского лидера «до боли» напоминала вызвавшую гнев Сталина в 1948 г. инициативу Иосипа Броз Тито по созданию «Балканской федерации». Однако в отличие от бурной реакции «вождя народов» в 1948 г. реакция советского руководства на далеко идущие планы кубинского лидера была как бы «никакой». Но Ф. Кастро при этом не учел геополитические и личные амбиции сомалийского лидера М. Сиада Барре.

Согласно записи беседы, которая состоялась 16 марта 1977 г. в г. Адене между Ф. Кастро, Сиадом Барре и руководителем Эфиопии М. Хайле Мариамом, сомалийский лидер «в заносчивых выражениях» (*"in arrogant terms"*) потребовал от присутствовавших возвращения Сомали провинции Огаден. При этом он добавил, что если социалистические страны не примут этого предварительного условия для создания конфедерации, тогда Сомали обратится за помощью к «реакционным странам» (*"reactionary countries"*)³.

Возвращаясь на Кубу через ГДР, Ф. Кастро 3 апреля 1977 г. встретился в Берлине с руководителем ГДР Эрихом Хонекером, которому в нелестных выражениях высказал свое мнение о Сиаде Барре: «Я составил свое мнение об этом человеке. Он в первую очередь – шовинист. Социализм в нем – лишь оболочка, делающая его более привлекательным. Партия для него – опора единоличной власти»⁴. Эти слова кубинского лидера объясняют однозначную позицию Кубы в последовавшем вскоре сомалийско-эфиопском конфликте (июль–август 1977 г.).

Гораздо сложнее было определиться Москве. Ей пришлось выбирать одного из двух своих союзников в условиях жесткого цейтнота. Напомним, что между Сомали и

1 Westad 1997, 25.

2 Spencer 2020.

3 "Interview of Berhanu Bayeh," 1997.

4 "Transcript of Meeting between East German leader Erich Honecker and Cuban Leader Fidel Castro," 1997.

СССР в 1974 г. был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве сроком на 20 лет. Но на деле выбирать Москве пришлось даже не из двух, а из трех союзников, принимая в расчет однозначно анти-сомалийскую и про-эфиопскую ориентацию Кубы.

Казалось, что для СССР чаша весов в сомалийско-эфиопском споре должна была бы склоняться в пользу Сомали, и не только по причине существования двустороннего договора. Для «Большого флота Страны Советов», который в соответствии с «доктриной адмирала Горшкова» начал активно осваивать океанские просторы, требовались глубоководные океанские порты и базы («пункты технической поддержки»). Таких портов у Сомали насчитывалось два (Могадишо и Берберера), а у Эфиопии – всего один – Массавы, да и тот в провинции Эритрея, где в 1977 г. шла кровопролитная война за отделение от Эфиопии. С победой эритрейских повстанцев и образованием в 1993 г. независимого государства Эритрея Эфиопия потеряла выход к морю.

Однако ссориться с Кубой для Москвы теперь стало еще накладнее: политика разрядки все активнее ставилась под сомнение в США как «выгодная исключительно для СССР», советско-китайские отношения по-прежнему оставались напряженными, а в Европе все большую популярность набирал «еврокоммунизм». Размещение на европейской территории СССР советских ракет средней дальности «СС-20» вызвало тревогу на Западе. На Африканском континенте, отмечал обозреватель, «Советский Союз столкнулся с ситуацией, которой он не желал и которую не предвидел. Советские не хотели выбирать между Эфиопией и Сомали и стремились оттянуть принятие тяжелого для них решения на как можно более долгий срок»¹. При этом в ЦК КПСС хорошо понимали, что очередное «охлаждение» отношений с Кубой грозило новым серьезным ударом по позициям СССР в «социалистическом содружестве» и в мире в целом с непредсказуемыми последствиями. А потерять глубоководные кубинские порты, способные принимать крупнотоннажные военные корабли и атомные подводные лодки, для Советского Союза было бы «накладно» по сравнению с потерей сомалийских портов.

В июле 1977 г. сомалийская армия начала наступление в Огадене, и Москве пришлось принимать нелегкое для себя решение, определяющим фактором в котором стала позиция Кубы. В конце года для выполнения «интернационального долга» началась переброска в Эфиопию 18-тысячного кубинского контингента под командованием генерала Арнальдо Очоа. В январе 1978 г. на фронте в Огадене возобновились активные боевые действия, в результате которых сомалийские войска стали терпеть одно поражение за другим. Основными ударными силами в огаденской кампании были бронетанковые подразделения кубинцев. Участие СССР в конфликте сводилось исключительно к отправке советников в эфиопскую армию, снаряженную в основном американским оружием, в то время как сомалийские войска были вооружены советским. В ноябре 1977 г. Сомали в ответ на поддержку Москвой своего противника разорвала советско-сомалийский договор о дружбе и сотрудничестве, который просуществовал неполных три года. К 15 марта 1978 г. последние подразделения армии Сомали оставили территорию Эфиопии, и война закончилась.

В 1975–1977 гг. Соединенные Штаты стали демонстрировать все большую «усталость» от разрядки (*détente*). Вопреки уверениям советской прессы того периода в том, что «у разрядки нет альтернативы», такой альтернативой стали великодержавные амбиции Соединенных Штатов. К тому времени им в основном удалось преодолеть «вьетнамский синдром» и последствия утергейтского скандала, которые вынуждали Вашингтон воздерживаться от резких шагов на международной арене и придерживаться роли миротворца. К тому времени в Соединенных Штатах была принята на вооружение новая стратегия в отношениях с СССР. Она, в отличие от предыдущей, предполагавшей

«сосуществование с Советским Союзом на неопределенно долгий срок» (Г. Киссинджер), ставила своей целью довести противника до распада и уничтожения с помощью раскрутки дорогостоящей гонки вооружений и политики «прав человека». Разрядка становилась обузой для тех, кто добивался глобальной гегемонии США путем дискредитации Советского Союза и его внутренней и внешней политики. Это проявилось уже во время короткого президентства Дж. Форда, который публично отказался от употребления термина «разрядка»¹.

В вину СССР как стороне якобы «ответственной» за крах политики разрядки последовательно ставились его «вмешательство» в события в Анголе и на Африканском Роге, «незаконное» размещение советской «бригады» на Кубе (1979 г.) и, наконец, как кульминация, ввод войск в Афганистан. Следует отметить, что все эти обвинения, за исключением последнего, носили откровенно ложный либо надуманный, как в случае с «бригадой» на Кубе, характер.

В подтверждение можно привести мнение члена Совета по национальной безопасности США Р. Пастора, которое было изложено им в записке Зб. Бжезинскому от 21 сентября 1979 г.: «Позвольте мне посоветовать Вам больше не использовать в отношении Кубы термин "советская марионетка". "Марионетка" предполагает, что Куба демонстрирует революционную активность, потому что ее принуждают к этому Советский Союз. Но это, разумеется, совсем не так... Я опасаясь, что если Вы или Президент будете и дальше употреблять этот термин, то Вы можете стать объектами незаслуженных обвинений в том, что пользуетесь недостоверной информацией»².

Никаких практических выводов из этого письма, естественно, сделано не было. Но вряд ли можно было сомневаться в том, что Зб. Бжезинский был не в курсе реального положения дел. Косвенным подтверждением этого может стать оброненный вскоре им самим отзыв о Кубе как о «мини-сверхдержаве». Главным, однако же, было не это, а то, что разрядка должна была «умереть» любой ценой.

«Интернационалистская» политика Гаваны имела серьезные последствия для внутренней и внешней политики СССР. «Маленькие победоносные войны» в Африке серьезно укрепили позиции Компартии Кубы и авторитет самого Ф. Кастро на Острове Свободы, жители которого, несмотря на суровые условия существования в ситуации американской блокады и распределительной системы хозяйства, в своем подавляющем большинстве искренне гордились своей страной, ее руководством и армией. В отличие от СССР, где марксистско-ленинская идеология потеряла всякую привлекательность, а геронтократы в руководстве стали предметом для насмешек анекдотов, кубинское общество демонстрировало в те годы завидное единство, а руководство Компартии Кубы пользовалось уважением внутри страны. Несмотря на изначально прохладное восприятие «собакой» (СССР) независимых движений ее непокорного «хвоста» (Кубы), отношения Москвы с Гаваной в 80-е гг. достигли своего пика, а руководитель Кубы – Фидель Кастро – стал для советских людей самым харизматичным лидером из всех руководителей стран бывшего «социалистического содружества». Р. Готт справедливо назвал этот период «медовым месяцем» в советско-кубинских отношениях³.

На этом фоне не вызывает отторжения мнение, которое было высказано в свое время первым заместителем заведующего Международным отделом ЦК КПСС К.Н. Брутенцем, о том, что пример Кубы мог стать одной из причин ввода советских войск в Афганистан в 1979 г. По свидетельству Арне Вестада, в личной беседе с ним Карен Нерсесович заявил о том, что Ангола имела своим продолжением Эфиопию, а та, в свою

1 Кокошин, 2015.

2 "Pastor to Brzezinski," 2001.

3 Gott 2007, 320.

очередь, – Афганистан, но не в плане обстоятельств или самого характера вмешательства, а «в плане установления контроля над левыми движениями во всем мире, толчком к которому послужили события в Анголе»¹.

По замыслу советских руководителей, «маленькая победоносная война» в Афганистане, помимо всех прочих выгод геополитического и прочего характера, очевидно должна была бы, как и в случае с Кубой², консолидировать советское общество вокруг «идеалов социализма» и политики Коммунистической партии. На решение о вводе войск, несомненно, повлияло и то, что к тому времени советское руководство, видимо, уже пришло к убеждению, что пытаться и дальше «спасать» разрядку – бесполезно. Для него стало совершенно ясным, что упорные старания Вашингтона тесно «привязать» СССР к африканским авантюрам Кубы – это не плод «ошибки» аналитиков из госдепартамента, а осознанная тактика, направленная на срыв разрядки. Повторить африканский опыт Кубы в Афганистане у Советского Союза, однако, не получилось³, что и стало одной из причин его последующего распада.

Более углубленный анализ интернационалистской активности Кубы в Африке позволяет сделать ряд важных выводов относительно ее последствий для международного коммунистического движения и влияния на расстановку сил в мире накануне начала политики перестройки в Советском Союзе.

Политика разрядки, принятая на вооружение Советским Союзом в качестве стратегического направления внешней политики, к середине и концу 1970-х гг. перестала находить нужный отклик в руководстве США, где она рассматривалась лишь как тактическое средство для преодоления накопившихся проблем (необходимость сглаживания последствий поражения во Вьетнаме и Уотергейтского скандала).

Окончание разрядки, резко обозначившееся после ввода советских войск в Афганистан, не позволило СССР достичь намеченной цели: перенаправить средства, высвобождаемые от гонки вооружений, на улучшение условий жизни советского народа. К тому же революционная активность Кубы способствовала дальнейшему расслоению ранее единого «фронта антиимпериалистических сил».

Демократические подвиги, начавшиеся в Польше (движение «Солидарность»), теория «еврокоммунизма», распространившаяся в компартиях Италии, Испании и Франции, все больше противоречили «интернационалистской» политике таких стран, как Куба, Китай и Вьетнам. Раскол в «мировом коммунистическом движении» к началу 80-х гг. стал свершившимся фактом, что не могло не оказывать негативного влияния на авторитет правившей в Советском Союзе коммунистической партии.

Ослабление идеологических устоев «реального социализма» стало серьезным фактором, который подвиг советское руководство в лице заступившего на пост Генерального секретаря ЦК КПСС в 1985 г. М.С. Горбачева начать политику перестройки и гласности. Лозунг «Больше социализма!», выдвинутый в ее начале, очевидно, должен был, по замыслу ее инициаторов, привлечь на сторону СССР все страны и «демократические» силы во всем мире, которые были так или иначе заинтересованы в продолжении социалистического эксперимента на новом витке исторического развития. Перестройка, однако, не встретила понимания на Кубе, для которой проявлять самостоятельность и даже «строптивость» в отношениях с ее могучим покровителем стало уже обыденным делом.

1 Westad 1997, 29.

2 К этому можно добавить успешную операцию армии Демократической республики Вьетнам в Кампучии (Камбодже) в 1979 г.

3 После «вывода» американских войск из Афганистана осенью 2021 г., который на фоне организованного вывода советского воинского контингента из Афганистана в 1989 г. казался паническим бегством, многие международные наблюдатели считали, что СССР вполне мог бы считать себя победителем. Тем более что после вывода советских войск просоветское правительство Наджибуллы сохраняло контроль над этой страной еще в течение 3-х лет.

Апрельский визит Горбачева на Кубу в 1989 г. и его «откровенный» разговор с Ф. Кастро о пользе перестройки не смог сгладить нараставшие противоречия. В том же году на Кубе было фактически запрещено распространение ряда советских СМИ, издававшихся на испанском языке, а политика СССР стала подвергаться публичной критике. По сведениям Ан. А. Громыко, на переговорах с президентом США Дж. Бушем-старшим, проходивших на о-ве Мальта в декабре 1989 г., М.С. Горбачев столкнулся с жесткой позицией главы американской администрации, который заявил о том, что «Кастро ставит Москву в неловкое положение». Дж. Буш-ст. потребовал от СССР прекратить поддерживать Кубу и Никарагуа¹. Поддержка Никарагуа прекратилась. Однако даже в тот год, когда советское руководство в лице Горбачева, казалось, было готово на все мыслимые и немыслимые уступки в пользу США, открыто «бросить» Кубу Советский Союз вплоть до его окончательного распада не смог². Но уже в конце 80-х гг. начался процесс медленного ухода СССР с Кубы, который выражался в неуклонном сокращении поставок нефти и общего товарооборота, консервации строящихся предприятий (в том числе АЭС «Хурагуа») и объектов инфраструктуры и т.д. После распада Союза уход стал свершившимся фактом, что вынудило правительство Кубы объявить о введении в стране режима тотальной экономии, так называемого «особого периода в мирное время».

«В начале 90-х гг., – отмечает М. Кодзоев, – кубинское руководство поменяло свою внешнеполитическую стратегию на более мягкую. К примеру, в 1991 г. страна вывела свои войска, дислоцированные в Анголе»³. Африканская эпопея Гаваны закончилась. К этому ее вынуждали обострившиеся внутривнутриполитические, в первую очередь экономические, проблемы. Однако африканская политика принесла свои плоды. Резкое ухудшение и без того низкого общего жизненного уровня кубинцев в начале 90-х гг. не заставило их в массовом порядке и регулярно устраивать демонстрации, акты неповиновения и пр., добиваясь свержения правительства Кастро. Вероятно, запас политической прочности режима, заложенный в 1970-е гг. успехами в Африке, все еще играл свою роль⁴.

Два трека – советско-американский и советско-кубинский, – которые обозначились в мировой политике после окончания Карибского кризиса, по-разному оцениваются в отечественной и зарубежной историографии. Если первому уделяется основное внимание, то второй этим вниманием явно обделен. А он, на наш взгляд, серьезно повлиял на череду всех последующих событий, среди которых следует выделить: а) попытки Кубы осуществить «экспорт революции» в странах Латинской Америки, ответом на которые стала череда военных переворотов и долгая эпоха правления военно-диктаторских режимов (с 1964 по 1989 г.); б) участие кубинских «добровольцев» в гражданской войне в Анголе и в сомалийско-эфиопском конфликте, которое серьезно укрепило внутривнутриполитические позиции правительства Ф. Кастро, но одновременно использовалось США для окончания политики разрядки; и, наконец, в) появление нового стимула для ввода советских войск в Афганистан, который впоследствии стал одной из причин распада Советского Союза. Необходимо также отметить и тот факт, что вертикальная прочность, заданная кубинскому режиму «маленькими победоносными войнами» в Африке, отчасти помогла ему без особых потерь пережить «особый период в мирное время» и сохранить социалистический строй на Кубе вплоть до сегодняшнего дня.

Практические выводы отсюда могут быть таковы: в нынешних непростых исторических условиях внешняя политика России больше не может руководствоваться идеологическими соображениями, мотивами личной дружбы или даже какими-то коллек-

1 Громыко 1997, 199.

2 Громогласова 2019.

3 Кодзоев 2020, 40.

4 К этому необходимо, разумеется, добавить и миграционную политику Ф. Кастро, который благоразумно открывал двери на выезд из страны всем, кто был недоволен его режимом.

тивными, блоковыми интересами. Наша страна располагает достаточно мощными собственными рычагами воздействия на внешний мир, чтобы подчинять свои национальные интересы идеологиям, эмоциям или схемам.

Здоровый прагматизм, опыт наших прошлых и нынешних отношений с США и, в частности, история разрядки 1960–х и 1970–х гг. показывают недалекость расчёта на выстраивание долговременных, равноправных, «партнерских» и пр. отношений с Вашингтоном. Такие отношения могут иметь место только тогда, когда Соединенные Штаты переживают внутривластный кризис или серьезные внешнеполитические затруднения. Что касается Кубы, то отношения с этой страной, которые до сих пор носят теплый, дружественный характер, унаследованный еще со времен Советского Союза, не терпят рецидивов «покровительственного» и неуважительного подхода, характерного для событий октября 1962 г. Эти рецидивы, к сожалению, имели место в начале 1990–х и в октябре 2001 г. в связи с односторонним закрытием Россией центра электронного слежения в Лурдесе. Отношения с Кубой, до сих пор «союзнические», пока еще способны оказывать благоприятное информационное воздействие на восприятие России как великой мировой державы в соседних с Кубой странах латиноамериканского региона.

→ Список литературы / References

- Громогласова, Е.С. А.А. Громыко на страницах газеты «Нью-Йорк Таймс» // *Современная Европа*. – 2019. – №6 (92). – С. 183–194. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62019183193>.
Gromoglasova, E.S. "A.A. Gromyko on the pages of "The New York Times". " *Sovremennaya Evropa* 6 (2019): 183–194. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope62019183193>. [In Russian]
- Громыко, А.А. Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля. – Москва: ИПО «Автор», 1997. – 253 с.
Gromyko, A.A. *Andrei Gromyko. In the Kremlin's Labyrinths*. Moscow: IPO "Author", 1997. [In Russian]
- Кодзоев, М.А. США – Куба: эхо холодной войны. – М: ИЛА РАН, 2020. – 273 с.
Kodzoyev, M.A. *US – Cuba: An Echo of the Cold War*. Moscow: ILA RAS, 2020. [In Russian]
- Кокошин, А.А. Карибский кризис 1962 г. и его уроки // *Вопросы истории*. – 2015. – №9. – С. 3–16.
Kokoshin, A.A. "The Caribbean crisis of 1962 and its lessons." *Voprosy istorii* 9 (2015): 3–16. [In Russian]
- Микоян, С.А. Анатомия Карибского кризиса. – М.: "Academia", 2006. – 1069 с.
Mikoyan, S.A. *Anatomy of the Caribbean Crisis*. Moscow: "Academia", 2006. [In Russian]
- Gleijeses, Piero. "Havana's Policy in Africa, 1959–76: New Evidence from Cuban Archives." *Cold War International History Project Bulletin* 8–9 (1996/1997).
- Gott, Richard. *Cuba. Una Nueva historia*. Madrid: Ediciones Akal, 2007.
- "Pastor to Brzezinski, 21 September 1977." *Cold War International History Project Bulletin* 13 (2001).
- "Russian and East German documents on the Horn of Africa, 1977–78; Interview of Berhanu Bayeh 18 March 1977." *Cold War International History Project Bulletin* 8–9 (1996/1997): 50–102.
- "Russian and East German documents on the Horn of Africa, 1977–78; Transcript of Meeting between East German leader Erich Honecker and Cuban Leader Fidel Castro, East Berlin 3 April 1977 (excerpts)." *Cold War International History Project Bulletin* 8–9 (1996/1997).
- Spenser, Daniela. "The Caribbean Crisis: Catalyst for Soviet Projection in Latin America." In *In from the Cold*, edited by Gilbert M. Joseph, Daniela Spenser, and Emily S. Rosenberg, 77–111. Durham: Duke University Press, 2020. <https://doi.org/10.1515/9780822390664-004>.
- Westad, Odd Arne. "Moscow and the Angolan crisis, 1974–1976: A New Pattern of Intervention." *Cold War International History Project Bulletin* 8–9 (1996/1997): 21–32.

Artículo de investigación

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-10-1-38-52>

Relaciones soviético-cubanas después de la Crisis de octubre, el colapso de la distensión y sus aprendizajes para el futuro

© B.F. Martynov, 2022

Boris F. Martynov, Dr. habil. (Política), Profesor, Jefe del Departamento de Relaciones Internacionales y Política Exterior de Rusia, Universidad MGIMO, Moscú (Rusia)

E-mail: bfmartynoff@gmail.com

Para la correspondencia: 119454, Rusia, Moscú, Vernadskogo Ave., 76

Recibido: 25.01.2022

Revisado: 26.02.2022

Aceptado: 05.03.2022

Para citar: Martynov B.F. Relaciones soviético-cubanas después de la Crisis de octubre, el colapso de la distensión y sus aprendizajes para el futuro. *Cuadernos Iberoamericanos* 10, no. 1 (2022): 38-52. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-38-52>.

→ Resumen

Los resultados de la Crisis de octubre en la literatura nacional y extranjera rara vez fueron abordados desde el punto de vista de las relaciones soviético-cubanas, que influyeron en la política internacionalista de Cuba en África en la década del 70. El artículo analiza: el grado de independencia de la política de Cuba en África, la participación en sí de la URSS y la valoración de las acusaciones vertidas por Washington. Los resultados del análisis mostraron que el envío de "voluntarios" por parte de Cuba, primero a Angola y luego a Etiopía, no se realizó por iniciativa de la URSS, que trató de mantener la distensión en las relaciones con Occidente. Además, un nuevo deterioro de las relaciones con Cuba en las condiciones del agravamiento de las contradicciones soviético-chinas, el aumento de las tendencias rotatorias en la «comunidad socialista» y el surgimiento del "comunismo europeo" amenazaron con un mayor debilitamiento del sistema mundial del socialismo y la erosión de las bases ideológicas del marxismo leninismo. Sin embargo, las acusaciones contra la URSS sobre la intervención en África fueron utilizadas por la administración de John Carter para rechazar unilateralmente una política de distensión que, a los ojos de Estados Unidos, se ha vuelto obsoleta, por otro lado, poniendo fin a la política de distensión por parte de Afganistán. Un análisis de la actividad internacionalista de Cuba en África

permitió al autor extraer una serie de conclusiones sobre sus consecuencias para el movimiento comunista internacional y el impacto en el equilibrio de poder en el mundo en vísperas del inicio de la política de la perestroika en la Unión Soviética. El fin de la política de distensión no permitió a la URSS redirigir los fondos liberados de la carrera armamentista para mejorar las condiciones de vida del pueblo soviético. La actividad revolucionaria de Cuba contribuyó a la estratificación del "frente de fuerzas antiimperialistas previamente unido. El debilitamiento de los fundamentos ideológicos del "socialismo real" fue un factor adicional que llevó al liderazgo soviético representado por M.S. Gorbachov al comienzo de la política de perestroika. Los "éxitos" de Cuba en África contribuyeron a la consolidación de la sociedad cubana en torno a las políticas del Partido Comunista de Cuba, el cual, a su vez, la ayudó a sobrevivir las dificultades del "período especial en tiempo de paz" de principios de la década de 1990.

→ Palabras clave

Guerra fría, Crisis de octubre, política de distensión, Angola, conflicto Somalí - Etiopía, política exterior de Cuba, política de "perestroika"

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-53-68>

Лузофонный мир Иberoамерики: между «левой волной» и «правым поворотом» (на примере Португалии и Бразилии)

© М.И. Сигачев, Ю.А. Тимофеева, 2022

Сигачев Максим Игоревич, к.полит.н., научный сотрудник Центра сравнительных социально-экономических и политических исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, Москва (Россия)

Для корреспонденции: 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23

Тимофеева Юлия Андреевна, преподаватель португальского языка кафедры романских языков, соискатель кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России, Москва (Россия)

Для корреспонденции: 119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76

E-mail: maxsig@mail.ru
(корреспондирующий автор)

E-mail: timofeeva.yu.a@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 07.02.2022

Доработана после рецензирования: 02.03.2022

Принята к публикации: 11.03.2022

Для цитирования: Сигачев М.И., Тимофеева Ю.А. Лузофонный мир Иberoамерики: между «левой волной» и «правым поворотом» (на примере Португалии и Бразилии). *Иberoамериканские тетради*. 2022, 10(1): 53–68. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-53-68>.

→ Аннотация

В статье анализируются политические циклы португальского (лузофонного) мира, основу которого составляет цивилизационная ось Португалия – Бразилия. Авторы стремятся доказать существование синхронии и параллелизма в контексте движения политического маятника справа налево и обратно в рамках лузофонного мира Иberoамерики. Цель статьи заключается в том, чтобы проследить синхронность и параллелизм электорально-политических циклов в Португалии и Бразилии, которые вместе составляют реальность лузофонного (португалоязычного) мира Иberoамерики. Главный тезис данного исследования заключается в том, что иberoамериканский трансконтинентальный макрорегион зажат между «левой волной» и «правым поворотом», причем в современных условиях делается вывод о дальнейшем продолжении «левой волны» с правыми флуктуациями. Применительно к Португалии в качестве эмпирического материала используется кейс муниципальных выборов 26 сентября

2021 г., которые подвергаются подробному аналитическому разбору с точки зрения португальского партийно-политического ландшафта. Кроме того, определенное внимание уделено и досрочным парламентским выборам 30 января 2022 г. в Португалии. Авторы также дают оценку развитию популизма в Португалии, учитывая, что в европейских странах левопопулистские и правопопулистские движения набирают силу. Аналогичным образом авторами рассматриваются итоги муниципальных выборов 2020 г. и политическая ситуация в Бразилии накануне президентских выборов осенью 2022 г. В статье дается прогноз о дальнейшем «полевении» лузофонного мира Иberoамерики, если вслед за уверенной победой португальских социалистов под руководством А. Кошты к власти в Бразилии также придет социалистический президент Лула да Силва, и, как следствие, о формировании лево-социалистического полюса силы в рамках ибероамериканской Лузофонии.

→ Ключевые слова

Португалия, Бразилия, Лузофония, Иberoамерика, Кошта, Болсонару, Лула, правый поворот, левый поворот

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Research article

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-53-68>

The lusophone world of Ibero-america: between the "left wave" and the "right turn" (the example of Portugal and Brazil)

© M.I. Sigachev, Yu.A. Timofeeva, 2022

Maksim I. Sigachev, PhD (Politics), Research Fellow, Center for Comparative Socio-Economic and Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, RAS, Moscow (Russia)
For correspondence: 117997, Russia, Moscow, Profsoyuznaya St., 23

E-mail: maxsig@mail.ru
(corresponding author)

Yulia A. Timofeeva, Portuguese language tutor, Department of Roman Languages, Doctoral Student, Department of International Relations and Foreign Policy of Russia, MGIMO University, Moscow (Russia)
For correspondence: 119454, Russia, Moscow, Vernadskogo Ave., 76

E-mail: timofeeva.yu.a@gmail.com

Received: 07.02.2022

Revised: 02.03.2022

Accepted: 11.03.2022

For citation: Sigachev M.I., Timofeeva Yu.A. The lusophone world of Iberoamerica: between the "left wave" and the "right turn" (the example of Portugal and Brazil). *Cuadernos Iberoamericanos* 10, no. 1 (2022): 53-68. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-53-68>.

→ Abstract

The authors analyze political cycles of the Portuguese (Lusophone) world, which is based on Portugal-Brazil civilizational axis. The authors seek to prove the existence of synchronicity and parallelism in the context of the movement of political pendulum from right to left and back within the Lusophone world of Iberoamerica. The main thesis of this study is that the Ibero-American transcontinental macro-region is sandwiched between a "left wave" and a "right turn", with the conclusion that further continuation of the "left wave" with right-wing fluctuations in the current context is going to continue. As far as Portugal is concerned, the case of the municipal elections of September 26, 2021 is used as empirical material and is subjected to a detailed analysis from the perspective of the Portuguese party-political landscape. In addition, some attention is paid to the early parliamentary elections of January 30, 2022 in Portugal. The authors also assess the development of populism in Portugal, given that in European countries, left-wing and right-wing populist movements are gaining popularity. Similarly, the authors consider the results of the 2020 municipal elections, and political situation in Brazil on the eve of the 2022 presidential elections. We give a forecast about further shift to the left of the Ibero-American Lusophone world, if after the confident victory of the Portuguese socialists under the leadership of Costa the socialist president Lula da Silva comes to power in Brazil, and, as a result, about formation of the left-socialist power pole within the framework of the Ibero-American Lusophony.

→ Keywords

Portugal, Brazil, Lusophonia, Iberoamerica, Costa, Bolsonaro, Lula, "right turn", "left turn"

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the authors.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы проследить синхронность и параллелизм электорально-политических циклов в Португалии и Бразилии, которые вместе составляют реальность лузофонного (португалоязычного) мира Иberoамерики.

Электоральная политика иберийских стран, в том числе Португалии, неоднократно находилась в фокусе внимания отечественных учёных-ибероамериканистов. Так, предшествующий электоральный цикл, связанный с президентскими выборами, уже был проанализирован отечественным исследователем Н.М. Яковлевой в статьях «Португалия в преддверии президентских выборов»¹ и «Португалия: успехи соцпартии в зеркале выборов»². Вслед за проходившими 24 января 2021 г. президентскими выборами 26 сентября 2021 г., в один день с выборами в Бундестаг ФРГ, в Португалии состоялись местные выборы. В этот день португальцы выбирали представителей органов власти локального уровня в 308 муниципалитетах. Выборы проходили по трем направлениям: избирались

1 Яковлева 2020(a).

2 Яковлева 2020(b).

депутаты в муниципальные палаты (порт. *Câmara Municipal*) – исполнительные органы муниципалитета, в муниципальные ассамблеи (*Assembleia Municipal*) – законодательные органы, и в ассамблеи фрегезий, или светских приходов (*Assembleia de Freguesia, Junta de Freguesia*), – администрации, которые осуществляют управление на местном уровне. Португалия – унитарное государство (автономными регионами являются о. Мадейра и Азорские острова), при этом местная власть играет весьма значительную роль в структуре государственно-политического управления. Наиболее крупная территориальная единица Португалии – округ, к настоящему моменту насчитывается 18 округов. Административно страна разделена на 308 муниципалитетов и более 3 тыс. светских приходов.

На предыдущих муниципальных выборах победу одержали правящие социалисты, заручившись поддержкой 37,8% избирателей, тогда как за их конкурентов из правоцентристской Социал-демократической партии проголосовало 16% избирателей. В целом по стране победу вновь одержала Социалистическая партия (СП), социалисты удержали контроль над 148 муниципалитетами (34,23%), получив абсолютное большинство голосов в 124 муниципальных палатах. Оппозиционные социал-демократы, в свою очередь, победили в 72 муниципалитетах (13,21% голосов), получив абсолютное большинство в 67 муниципальных палатах. Третье место занял находящийся на позициях христианской демократии «Демократический и социальный центр – Народная партия» с 10,81% голосов избирателей. На четвертом месте – союз португальских коммунистов и зеленых «Коалиция демократического единства» (8,21%)¹.

Однако главной сенсацией этих выборов стало поражение кандидатов от СП в Лиссабоне и ряде других крупных городов Португалии. Наиболее показателен проигрыш социалиста Ф. Медины в борьбе за пост мэра Лиссабона, в котором социалисты находились у власти с 2007 г. Победу одержал кандидат от социал-демократов, бывший еврокомиссар К. Моздаш, правда, с незначительным перевесом – 34,25% против 33,3%². Причины поражения Социалистической партии в столице можно усматривать, во-первых, в желании перемен после столь длительного правления социалистов; во-вторых, в недовольстве ситуацией с коронакризисом и, как следствие, росте протестных, оппозиционных настроений в столице. Сторонников правоцентристских взглядов среди лиссабонцев всегда было немало. Еще одним заметным результатом стала неспособность Социалистической партии установить контроль над вторым по важности португальским городом Порту, где в очередной раз победу одержал независимый политик Р. Морейра, являющийся мэром с 2013 г. Не удалось социалистам отвоевать и достаточно важный город Брага, где с 2013 г. правит правый социал-демократ Р. Рио. Напротив, социал-демократы в союзе с другими политическими силами отвоевали у социалистов такие крупные города, как Барселуш, Коимбра и Фуншал. В целом потеря позиций в крупных городах придала победе СП привкус горечи, поскольку налицо явное размывание позиций правящей партии³.

Отличительной чертой минувших выборов стала низкая явка португальских избирателей. Уровень политического абсентеизма в Португалии достиг 46,35%, что сравнимо только с показателями сорокапятилетней давности (1976 г.) и свидетельствует о падении доверия португальцев по отношению к политической системе и государственным институтам.

1 "Eleições Autárquicas 2021. 26 de setembro," Semai Secretaria Geral, Ministério da administração interna, accessed January 14, 2022, <https://www.eleicoes.mai.gov.pt/autarquicas2021/>.

2 "Socialistas ganham autárquicas mas perdem capital," *RTP Notícias*, September 27, 2021, https://www.rtp.pt/noticias/politica/socialistas-ganham-autarquicas-mas-perdem-capital_n1351602.

3 Tereixa Constenla, "Los socialistas pierden Lisboa y Coimbra aunque ganan las elecciones municipales portuguesas," *El País*, September 27, 2021, <https://clck.ru/ebztM>.

Вопреки сложившемуся в Европе стереотипу о Португалии как слаборазвитой и бедной стране¹, португальская экономика достаточно динамично развивалась в межкризисные 2010-е гг., в промежутке между мировым экономическим кризисом 2008–2009 гг. и коронакризисом 2020 г. Это государство Южной Европы с невысоким по европейским меркам уровнем жизни; при этом устойчивой в последние годы была тенденция к сокращению разрывов в доходах населения (коэффициент Джини, по данным Евростата, составлял в 2018 г. 32,1 и был ниже, чем в соседней Испании – 33,2). Такой результат был достигнут за счет введения правительством социалистов высоких ставок подоходных налогов на богатых и адресной помощи беднейшим слоям населения². Кроме того, в результате социальных реформ коалиционного правительства А. Кошты безработица среди португальцев находилась на весьма низком уровне – ниже, чем в Испании и Италии. Однако коронакризис прервал положительную динамику сокращения неравенства и роста ВВП.

С определенными оговорками можно проводить параллели между динамикой партийно-политического ландшафта в Португалии и в соседней Испании: в Португалии с 2015 г. у власти находится левоцентристская коалиция во главе с Социалистической партией и ее лидером А. Коштой, в соседней Испании социалисты, возглавляемые П. Санчесом, также доминируют в коалиционном правительстве. В рамках романо-латинского мира Испания и Португалия предстают как едва ли не последний оплот социалистических партий, тогда как в других романоязычных странах социалисты в последние годы стремительно утрачивали влияние. Отличительной чертой социалистов Пиренейского полуострова является относительная стабильность и устойчивость их электоральной поддержки. Отмечается, что в ходе последнего Иберийского саммита 2020 г. произошло значительное укрепление и углубление связей между Испанией и Португалией, чему в немалой степени способствовали основанные на общей политической идентичности хорошие отношения между лидерами – социалистами А. Коштой и П. Санчесом³.

Социалистическая партия была основана в 1973 г. эмигрантами-социалистами в ФРГ. После «революции гвоздик» 25 апреля 1974 г., положившей конец созданному Салазаром корпоративистскому Новому государству (*Estado Novo*), социалисты не сразу заняли ведущие позиции в политической жизни постреволюционной Португалии. Первоначально на волне революции более мощной силой являлась Португальская коммунистическая партия, возглавляемая А. Куньялом. Однако затем социалистам при поддержке Социалистического интернационала и европейских структур (Португалия готовилась к вступлению в ЕЭС, состоявшемуся в 1986 г.) удалось добиться маргинализации более радикальных коммунистов и занять господствующие позиции. Впоследствии социалисты неоднократно приходили к власти и формировали правительство. На последних парламентских выборах 2019 г. Социалистическая партия одержала достаточно убедительную победу, получив 36,35% голосов, тогда как социал-демократы заняли второе место с 27,77%. Разрыв оказался довольно значительным, нехарактерным для партийно-политической динамики ведущих стран ЕС.

- 1 Отражением стереотипного дискурса о португальской отсталости является тот факт, что Португалию, равно как и другие периферийные государства Средиземноморья, иногда уничижительно включают в страновую группу с некорректной аббревиатурой PIGS. Данная аббревиатура появилась в ходе долгового кризиса в еврозоне и расшифровывается по первым буквам названий соответствующих средиземноморских государств: Португалия, Италия, Греция и Испания. Иногда к данной группе причисляют также Ирландию, и тогда аббревиатура трансформируется в PIIGS. Однако нынешнюю реальность она не отражает и сегодня встречается все реже.
- 2 Неравенство в потреблении домохозяйств стран ЕС [Электронный ресурс] // Аналитический центр при Правительстве РФ. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/%D0%BC%D0%B0%D1%80_2020_web.pdf (дата обращения: 17.01.2022).
- 3 Пастернак, Л.А. Испания и Португалия: укрепление сотрудничества на фоне мирового кризиса из-за пандемии COVID-19 [Электронный ресурс] // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/leonid-pasternak/35296/> (дата обращения: 28.01.2022).

Отмечая стабильность и предсказуемость португальской политической системы, португальские политологи усматривают причину данного феномена в высоком уровне национальной идентичности португальцев: «Все это следствие средних размеров страны со сформированной на протяжении веков национальной идентичностью, которая сплачивает общество. Плюсы очевидны: у нас нет взаимной ненависти, партии не пытаются создавать себе врагов, а без ненависти политика не так драматична»¹. Португальская политическая культура в значительной степени опирается на принципы социальной солидарности, поэтому среди португальцев сильны идеалы солидарного общества. Традиции солидаризма, в свою очередь, уходят своими корнями в католическую идентичность Португалии, социальная доктрина католицизма исторически была проникнута солидаристским духом. Прочные позиции левых сил в целом можно отчасти объяснить и символическим капиталом, связанным с исторической памятью о «революции гвоздик» 1974 г. Левые социалисты пользуются поддержкой со стороны той части португальского общества, которой близки идеи социальной справедливости.

Примечательно, что до Португалии докатилась несколько более слабая, но и более однородная, чем в других странах Южной Европы, популистская волна. В то время как левопопулистские и правопопулистские движения политической альтернативы стали резко усиливать свои позиции и у соседей по Иберийскому полуострову («Подemos» и VOX), и в Италии («Движение пяти звезд» и «Лига»), и в Греции (СИРИЗА и «Золотая Заря»), Португалия оставалась государством с практически отсутствующим правым популизмом² и слабо выраженным евроскептицизмом³. К национал-популизму тяготеет партия «Хватит» (*Chega*) под руководством А. Вентуры. Она возникла в результате раскола в Социал-демократической партии, когда ряды социал-демократов покинуло их правое крыло. В ходе парламентских выборов 2019 г. *Chega* получила лишь 1,29%. Однако уже на президентских выборах 24 января 2021 г. ее лидер занял третье место с 11,93% голосов избирателей. Более маргинальную нишу занимают правые популисты-евроскептики из Партии национального обновления, осуществившей в июле 2020 г. ребрендинг и переименованной в партию «Поднимайся! / Вставай!» (*Ergue-te*).

Левопопулистский фланг гораздо заметнее и весомее, он представлен тяготеющим к социальному популизму Левым блоком (*Bloco de Esquerda*, ЛБ), созданным в 1999 г. Это объединение «новых левых», троцкистов, маоистов и еврокоммунистов. Примечательно, что именно благодаря поддержке ЛБ социалист А. Кошта стал премьер-министром в 2015 г., несмотря на то что его партия на тех парламентских выборах уступила социал-демократам. В то же время в ходе нынешней избирательной кампании лидер Левого блока К. Мартинш подвергла критике предложенный А. Коштой план восстановления экономики⁴. ЛБ весьма убедительно выступает на португальских и европейских выборах, пользуясь поддержкой в среднем около 10% португальцев. В 2015 г. они получили 10,2%. На парламентских выборах 2019 г. португальским левопопулистам удалось набрать 9,5% голосов, а на прошедших в том же году выборах в Европейский парламент Левый блок Португалии получил 9,8%. На нынешних муниципальных выборах Левому блоку удалось избрать члена совета в г. Порту, но на местном уровне позиции их кандидатов заметно слабее⁵. ЛБ смог

1 Португальцы готовятся к парламентским выборам [Электронный ресурс] // Euronews. URL: <https://ru.euronews.com/2019/10/01/special-potugal-elex-political> (дата обращения: 28.01.2022).

2 Carreira da Silva and Salgado 2018.

3 Bukovskis 2016.

4 "Catarina Martins "estranha" que Costa não entende "críticas normais" em democracia," *Publico*, September 19, 2021, <https://clck.ru/ec26C>.

5 "Longa se tornou a espera mas Bloco de Esquerda elegeu vereador no Porto," *Notícias ao Minuto*, September 27, 2021, <https://www.noticiasao minuto.com/politica/1840276/longa-se-tornou-a-espera-mas-bloco-de-esquerda-elegeu-vereador-no-porto>.

набрать лишь 2,7% голосов, уступив как блоку коммунистов и зеленых «Коалиция демократического единства» с 8,2%, так и правым популистам из *Chega* с 4%.

В целом можно предполагать, что португальские популисты, не сумев оседлать европейскую популистскую волну 2010-х гг., тем не менее сохраняют шансы усилить свои позиции в ближайшие годы. Во многом такой потенциал зависит от того, насколько устойчивым окажется положение португальских социалистов. Возможное падение оплота Социалистической партии в Португалии обусловлено характерным для европейских левых, включая и португальских социалистов, тяготением к неолиберализму. Растворение левой альтернативы в леволиберальном дискурсе борьбы за права меньшинств чревато тем, что образовавшуюся лакуну в деле защиты интересов большинства займет популизм.

До того как прошли досрочные парламентские выборы 30 января 2022 г., были основания полагать, что результат голосования на минувших местных выборах прошлого 2021 г. может оказаться и своеобразным преддверием грядущего «правого поворота» в португальской политике. Однако, вопреки ожиданиям, на досрочных парламентских выборах правым социал-демократам не удалось продолжить и дальше теснить левых социалистов. Напротив, Социалистическая партия одержала убедительную победу, получив больше половины мест в новом созыве Ассамблеи республики. Вместе с тем «правый поворот» также имел место, но не в виде победы умеренных правоцентристов, а в форме усиления ультраправых национал-популистов А. Вентуры из партии *Chega*. Подобные электоральные сдвиги трудно объяснить исходя исключительно из европейской политической конъюнктуры. Отчасти ключ к пониманию циклов португальской политики находится в рассмотрении происходящего в этой стране не только в контексте современной Европы, но и в более широких рамках процессов в Иberoамерике и лузофонном мире: так, в Бразилии «правый поворот», олицетворением которого стал пришедший на смену левым социалистам Ж. Болсонару, произошел уже несколько лет назад. Сегодня же Бразилия стоит на пороге нового «левого реванша», который может состояться уже осенью 2022 г. Политическая жизнь латиноамериканской части лузофонного мира отличается высокой степенью нестабильности и турбулентности. Возможно, что и более стабильную Португалию ждет аналогичная смена эпох, и она прекратит быть островом относительно спокойствия в рамках лузофонного мира Иberoамерики, особенно если под влиянием экономических кризисов и пандемии усилятся социально-политическая нестабильность.

Переходя к рассмотрению бразильских политических циклов, следует отметить, что, если копнуть глубже, в Бразилии маятник качнулся вправо еще до прихода к власти Ж. Болсонару. Это связано с именем Мишела Темера (2016–2018), который занял президентское кресло в результате импичмента Дилмы Руссефф (2011–2016)¹. Правые силы оказались у руля не только в Бразилии, но и в Перу, Чили, Парагвае, Гондурасе, Панаме, Аргентине, Венесуэле.

Правый поворот в Бразилии стал следствием ряда факторов, один из которых – конец «золотого десятилетия» (2003–2013)². Левые силы пришли к власти в Бразилии в благоприятное время, когда росла мировая экономика, цены на энергоресурсы были высокими и деньги, полученные от их экспорта, вливались в экономику для решения социальных проблем на фоне провала неолиберальной модели 1990-х гг.³ М. Темер вступил в должность на фоне сильнейшего внутривнутриполитического и экономического кризиса, который затронул страны Латинской Америки позже, чем Европу и США.

1 Окунева 2018.

2 Ивановский 2019(а), Ивановский 2019(б), Ивановский 2018; Хейфец, Хейфец 2015.

3 Cervo 2008, 25.

Большое влияние на политические процессы в Латинской Америке оказал китайский фактор. С 2009 г. Китай стал главным торговым партнером Бразилии¹, что сделало ее зависимой от китайского рынка². Как только до Китая докатилась кризисная волна, он перестал закупать сырье у латиноамериканских стран, которым пришлось свернуть социальные программы – основу политики левых³. В 2020 г. пандемия усугубила ситуацию, и впервые за 15 лет Китай не предоставил кредиты Латинской Америке.

Росло недовольство среднего класса, который стал выдвигать завышенные требования, грянули коррупционные скандалы, в которые оказалась вовлечена правящая Партия трудящихся и даже сам президент⁴. Социально-экономические проблемы настолько обострились в странах региона, что незначительного повышения цен на проезд было достаточно, чтобы народ вышел на улицы, как случилось в Чили⁵.

Бывший президент Бразилии Лула да Силва (2003–2010) считает, что сегодня мировая политика переживает аномальный период. Он видит причину победы Ж. Болсонару в Бразилии, так же как и Д. Трампа в США, в моральной подавленности населения и усталости от большого количества фейковых новостей⁶. Ж. Болсонару (Социал-либеральная партия, PSL), опираясь на агросектор, военных, евангелистов и экономические элиты, победил во втором туре, набрав 55% голосов против 44,8% у Фернанду Алдада (Партия трудящихся, PT), которого не спасли голоса электората Лулы. Он «выстрелил» за счет того, что пообещал покончить с коррупцией и быстро решить назревшие социальные проблемы⁷.

«Правый поворот» повлек за собой значительные изменения во внутренней и внешней политике. Министр иностранных дел М. Темера Жозе Серра активно начал критиковать внешнюю политику Партии трудящихся, призывая «деидеологизировать» ее⁸. Вопреки традициям, на пост канцлера был назначен политик, а не выпускник Института Рио Бранко – кузницы дипломатических кадров Бразилии.

Во внутренней политике новое правительство взялось за экономическую сферу. Экономическая модель М. Темера была основана на широком привлечении иностранных инвесторов, мерах жесткой экономии и приватизации государственных активов. Его правительство ввело двадцатилетний запрет на повышение государственных расходов, провело пенсионную и трудовую реформы, оказавшиеся непопулярными в обществе⁹.

Дипломатические возможности М. Темера были ограничены не только необходимостью решения внутренних проблем, но и непродолжительным нахождением у власти¹⁰. Желая дистанцироваться от наследия Партии трудящихся, М. Темер изменил тон в отношении лево-ориентированных соседей, которые усомнились в законности импичмента Дилмы Руссефф¹¹. Особенно обострились отношения с Венесуэлой после приостановления ее членства в МЕРКОСУР и объявления персоной нон-грата

1 "China é maior parceiro comercial do Brasil no mundo," Gov.br, accessed January 12, 2021, <https://www.gov.br/planalto/pt-br/acompanhe-o-planalto/noticias/2019/11/china-e-maior-parceiro-comercial-do-brasil-no-mundo>.

2 Saraiva 2014, 30.

3 Педанов, Е.И. Куда повернула Латинская Америка? [Электронный ресурс] // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/18894> (дата обращения: 11.01.2022).

4 Окунева, 2019, 7.

5 Окунева, 2020(a), 10.

6 "Jair Bolsonaro é eleito presidente com 57,8 milhões de votos," *Globo*, October 29, 2018, <https://g1.globo.com/politica/eleicoes/2018/apuracao/presidente.ghtml>.

7 Окунева, Л.С. Бразилия: 100 дней президента [Электронный ресурс] // НКИ БРИКС. URL: <https://www.nkibrics.ru/posts/show/5cab4bfc62726930c4450000> (дата обращения: 12.01.2022).

8 Costa 2019, 31.

9 Шишков 2017, 57; Окунева 2018.

10 Tavares Oliveira 2018, 300.

11 Alexandre Galante, "Com Serra, Itamaraty muda tom e refeita críticas de bolivarianos," *Forças de Defesa*, May 13, 2016, <https://www.forte.jor.br/2016/05/13/com-serra-itamaraty-muda-tom-e-rejeita-criticas-de-bolivarianos/>.

бразильского посла в Каракасе¹. Ситуацию в двусторонних отношениях усугубил кризис в бразильском штате Рорайма. Массовое бегство венесуэльцев в этот недостаточно развитый штат, порожденное тяжелой социально-экономической ситуацией в Венесуэле, поставило район на грань гуманитарной катастрофы².

У правительства Ж. Болсонару пока нет направления во внутренней политике, которое стало бы его визитной карточкой³. Ближе всего к этому была экстренная помощь, выплаченная наиболее уязвимым слоям населения в 2020 г. и действующая до сих пор, хотя и в меньших размерах. Под влиянием ультралиберала, министра экономики Паулу Гедеса, Ж. Болсонару усилил меры жесткой экономии, инициированные его предшественником.

Во внешней политике во многом была продолжена линия М. Темера. Ж. Болсонару довел до конца возобновленные М. Темером усилия по заключению Соглашения о зоне свободной торговли между МЕРКОСУР и ЕС. Летом 2019 г. два блока подписали документ, однако он еще не был ратифицирован. Европейские лидеры увязывают ратификацию с выполнением условий Парижского соглашения об изменении климата бразильским руководством⁴.

Крен в отношениях с соседними государствами выразился в смене международно-политических предпочтений Бразилии. Об этом свидетельствуют выход из Союза южноамериканских наций (УНАСУР)⁵, приостановка членства в Сообществе стран Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕЛАК)⁶ и вступление в ряды нового проамериканского политического образования – Форума для развития Южной Америки (ПРОСУР)⁷.

Во время предвыборной кампании и в начале президентского срока Ж. Болсонару резко высказывался в отношении Китая, обвиняя его в попытке «купить Бразилию», а не закупать у нее товары⁸. Как правоконсервативному политику, Ж. Болсонару не близка идеология Пекина. Тем не менее негативная риторика в адрес Поднебесной не выгодна Бразилии не только ввиду экономического веса Китая, но и в условиях пандемии, когда 40% привитых бразильцев получили китайскую вакцину *CoronaVac*⁹.

Равнение на США заняло центральное место во внешней политике Ж. Болсонару. Исследователи указывают, что впервые со времен военного режима Бразилия полностью подчиняется воле Вашингтона¹⁰. Вопреки национальным интересам Бразилия отказалась от преференций во Всемирной торговой организации (ВТО)¹¹, в односто-

1 "Venezuela declara embaixador brasileiro "persona non grata", *RFI*, December 24, 2017, <https://www.rfi.fr/br/americas/20171224-venezuela-declara-embaixador-brasileiro-persona-non-grata>.

2 Мартынов, Борзова 2021, 231.

3 Ignacio Pirota, "La "trumpización" de Jair Bolsonaro," *Nuso*, accessed February 11, 2022, <https://nuso.org/articulo/bolsonaro-contr-el-voto-electronico-por-la-senda-de-trump/>.

4 Bernardo de Miguel, "O acordo com o Mercosul pode falhar se o Brasil não se comprometer contra o desmatamento da Amazônia," *El País*, January 11, 2022, <https://brasil.elpais.com/internacional/2020-10-22/o-acordo-com-o-mercossul-pode-falhar-se-o-brasil-nao-se-comprometer-contr-o-desmatamento-da-amazonia.html>.

5 Otávio Augusto, "Bolsonaro anuncia saída do Brasil da Unasul após crise entre países," *Metrópoles*, April 16, 2019, <https://www.metropoles.com/brasil/bolsonaro-anuncia-saida-do-brasil-da-unasul-apos-crise-entre-paises>.

6 "Ministro anuncia saída do Brasil de bloco de países da América Latina," *Valor investe*, January 16, 2020, <https://clic.ru/ecMye>.

7 В Латинской Америке появится новый политический союз [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2019/03/21/v-latinskoj-amerike-poiavitsia-novyj-politicheskij-soluz.html> (дата обращения: 14.01.2022).

8 "Bolsonaro está certo? A China quer comprar o Brasil?," *Cointimes*, November 8, 2018, <https://cointimes.com.br/bolsonaro-esta-certo-a-china-quer-comprar-o-brasil/>.

9 "Agência Brasil explica as vacinas contra covid-19 usadas no Brasil," *Agência Brasil*, July 19, 2021, <https://agenciabrasil.ebc.com.br/saude/noticia/2021-07/agencia-brasil-explica-vacinas-contr-covid-19-usadas-no-brasil>.

10 Хван 2020, 2.

11 "Brasil aceita pressão dos EUA e renuncia a tratamento especial na OMC," *Veja*, March 19, 2019, <https://veja.abril.com.br/politica/brasil-aceita-pressao-dos-eua-e-renuncia-a-tratamento-especial-na-omc/>.

роннем порядке расширила безналоговые квоты на импорт американского этанола, а в ответ столкнулась с новыми квотами на импорт бразильской стали¹.

В последнее время все больше распространяется мнение о том, что вскоре мы станем свидетелями возврата Бразилии в более традиционное русло как на международной арене, так и внутри страны². Одним из сигналов для пересмотра политики стали неудовлетворительные для Болсонару результаты муниципальных выборов 2020 г., которые являются показателем доверия бразильцев новому правительству.

Наиболее громкие поражения произошли в крупных городах. Кандидаты, подержанные Ж. Болсонару, в столицах штатов, таких как Ресифи, Белу-Оризонти и Салвадор, набрали очень низкий процент голосов. В Сан-Паулу – «политическом термометре» Бразилии – ставленник президента Селсу Руссомано занял лишь 4-е место, поддержанный 10% избирателей³. В Рио-де-Жанейро, втором по значимости городе страны, мэр Марсело Кривелла сумел пройти во второй тур, но проиграл центристу Эдуарду Паесу⁴.

Партия трудящихся, представители которой возглавляли страну в течение 13 лет, охарактеризовала результаты выборов как победу, набрав больше голосов, чем на муниципальных выборах 2016 г. Однако сравнение с кризисным 2016 г., когда от власти была отстранена Дилма Руссефф, сложно назвать победой. Впервые с начала демократизации в 1985 г. кандидат от ПТ не победил ни в одной столице⁵.

Помимо антилевых настроений, на волне которых Ж. Болсонару пришел к власти, выборы продемонстрировали рост центристских партий, из которых выделился так называемый Большой центр (*Centrão*). Большой центр – это альянс незначительных партий, готовых «продаться» в обмен на поддержку более крупных партий⁶. Учитывая тот факт, что Ж. Болсонару вышел из Социал-либеральной партии, от которой баллотировался на выборах 2018 г., диалог с Центром представляет для него особую важность не только для принятия законопроектов, но и для сохранения президентского кресла.

Весной 2020 г. с разгаром пандемии коронавируса обострился конфликт Ж. Болсонару с другими ветвями власти. Глава государства известен неприятием мер социального дистанцирования для предотвращения распространения вируса, он не носит маску в общественных местах, призывает сторонников выходить на митинги и предлагает лечиться антималярийным препаратом – хлорохином⁷. В декабре 2021 г. Болсонару раскритиковал паспорта для вакцинированных, назвав их «ошейником, который хотят надеть на бразильцев»⁸. Учитывая тот факт, что Бразилия занимает второе место в мире по количеству смертей от коронавируса, это не могло не спровоцировать политический кризис⁹.

Отправной точкой кризиса можно считать уход Сержио Мору, возглавлявшего ранее антикоррупционную операцию «Автомойка», с поста министра юстиции. Мору обвинил Ж. Болсонару в препятствовании федеральному расследованию по делу сыно-

1 "Trump announces cut to 2020 steel import quota from Brazil," *Bloomberg*, August 29, 2020, <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-08-29/trump-announces-cut-to-2020-quota-on-steel-imports-from-brazil>.

2 Мартынов 2019, 74.

3 Fábio Zanini, "Mensaje para Bolsonaro," *Nueva Sociedad*, accessed January 9, 2022, <https://nuso.org/articulo/mensaje-para-bolsonaro/>.

4 "Apuração eleições municipais 2º turno," *Globo*, accessed January 9, 2022, <https://g1.globo.com/politica/eleicoes/2020/resultado-das-apuracoes/cidades/>.

5 "PT não conquista nenhuma capital pela primeira vez desde 1985 e volta ao tamanho 'pré-Lula'," *El País*, November 30, 2020, <https://brasil.elpais.com/brasil/2020-11-30/pt-nao-conquista-nenhuma-capital-pela-primeira-vez-desde-1985-e-volta-ao-tamanho-pre-lula.html>.

6 Окунева 2018, 25.

7 Окунева 2020(c).

8 "Bolsonaro sobre passaporte da vacina: 'Coleira que querem colocar no povo'," *Correio Braziliense*, December 7, 2021, <https://www.correio braziliense.com.br/politica/2021/12/4968943-bolsonaro-sobre-passaporte-da-vacina-coleira-que-querem-colocar-no-povo.html>.

9 Окунева 2020(c).

вей президента¹. К конфликту с Федеральной полицией, Верховным судом и Генеральной прокуратурой добавились трения с Конгрессом. Ж. Болсонару настаивал на том, чтобы орган не прерывал свою деятельность во время пандемии². В попытке избежать импичмента президент пошел на диалог с Большим центром, назначил на возрожденную должность министра связей и телекоммуникаций депутата от Социал-демократической партии (PSD) Фабио Фариа³. Согласно бразильским источникам, Ф. Фариа, импонирующий семье Ж. Болсонару своими семейными связями и влиянием на СМИ, призван играть роль миротворца в конфликте президента с законодательной властью⁴.

Усиление влияния центристских партий и шаткая политическая позиция могут заставить правительство занять более прагматичную позицию⁵. В июле 2021 г. Болсонару на три месяца продлил антикризисные выплаты населению⁶. Этот шаг также можно рассматривать в контексте противостояния с политическим соперником президента – Лулой да Силвой, электоральная база которого располагается на бедном Северо-Востоке страны.

Соперничество между Болсонару и Лулой приковывает внимание общественности в связи с приближающимися президентскими выборами, которые состоятся 2 октября 2022 г. Верховный суд снял с Лулы обвинения в коррупции, и теперь он имеет право баллотироваться в президенты. По данным статистического института *DataFolha*, Лула (Партия трудящихся, PT) даже без активной президентской кампании победит уже в первом туре, набрав 48% голосов против 22% у Болсонару (Либеральная партия, PL)⁷. Лулу готовы поддержать избиратели, которые голосовали за Фернанду Аддада, заменявшего его на выборах 2018 г. из-за судебной тяжбы.

Успех Лулы во многом будет зависеть от кандидатуры вице-президента. В декабре 2021 г. он впервые на публике появился вместе с Жералду Алкмином, бывшим губернатором Сан-Паулу. Это произошло после того, как началось обсуждение их совместного выступления на выборах⁸. Ж. Алкмин покинул ряды Партии бразильской социал-демократии (PSDB) и рассматривает варианты вхождения в Социалистическую партию (PSB) или Социал-демократическую партию (PSD), причем для ПТ более интересны социалисты. Учитывая длительную партийную принадлежность к одной из самых популярных партий Бразилии, Ж. Алкмин может привлечь далекий от ПТ электорат на юго-востоке страны. К альянсу Лулы и Алкмина могут также присоединиться *Solidariedade* и коммунисты (PCdoB).

Еще не избранный, Лула уже проводит активную внешнюю политику. В ноябре 2021 г. он отправился в турне по Европе, во время которого встретился с президентом

- 1 "Sergio Moro acusa Bolsonaro de interferência política na PF e deixa Governo," *El País*, April 24, 2020, <https://brasil.elpais.com/brasil/2020-04-24/sergio-moro-acusa-bolsonaro-de-interferencia-politica-na-pf-e-deixa-governo.html>.
- 2 Matheus Muratori, "Bolsonaro repreende apoiador que pede intervenção: 'Não tem que fechar nada: Supremo e Congresso abertos e transparentes'," *Estado de Minas*, April 20, 2020, https://www.em.com.br/app/noticia/politica/2020/04/20/interna_politica,1140317/bolsonaro-repreende-apoiador-que-pede-intervencao.shtml.
- 3 "Saiba quem é Fábio Faria, novo ministro e genro de Silvio Santos," *Correio Braziliense*, June 12, 2020, https://www.correiobraziliense.com.br/app/noticia/politica/2020/06/12/interna_politica,863197/saiba-quem-e-fabio-faria-novo-ministro-e-genro-de-silvio-santos.shtml.
- 4 Ibid.
- 5 Alejandro Frenkel, and Diego Azzi, "Jair Bolsonaro y la desintegración de América del Sur: ¿un paréntesis?," *Nueva Sociedad*, accessed January 8, 2022, <https://nuso.org/articulo/jair-bolsonaro-y-la-desintegracion-de-america-del-sur-un-parentesis/>.
- 6 Robson Bonin, "Bolsonaro prorroga pagamento do auxílio emergencial por três meses," *Veja*, July 5, 2021, <https://veja.abril.com.br/coluna/radar/bolsonaro-prorroga-pagamento-do-auxilio-emergencial-por-tres-meses/>.
- 7 Fábio Zanini, "Datafolha: Bolsonaro perde 4 em cada 10 apoiadores que teve no 2 turno de 2018," *Folha de S. Paulo*, December 17, 2021, <https://www1.folha.uol.com.br/poder/2021/12/datafolha-bolsonaro-perde-4-em-cada-10-votos-que-teve-no-2o-turno-de-2018.shtml>.
- 8 Merval Pereira, "Jantar entre Lula e Alckmin 'foi lançamento informal da chapa para 2022,'" *Globo*, December 20, 2021, <https://cbn.globoradio.globo.com/media/audio/361937/jantar-entre-lula-e-alkmin-foi-lancamento-informa.htm>.

Франции и по совместительству главным европейским критиком Ж. Болсонару за экологическую политику Эммануэлем Макроном. Тот принял Лулу как главу государства и обсудил с ним «постболсонаровскую» эпоху в отношениях ЕС и Бразилии¹.

В интервью газете *El País* Лула противопоставил свои успехи неудачам Ж. Болсонару, говоря о том, что в конце его президентского срока в 2010 г. страна была крупным международным игроком с хорошим экономическим ростом, а сегодня находится в разрухе². Экс-глава государства подчеркнул, что в 2008 г. Бразилия была шестой экономикой в мире, а сегодня занимает 13 место.

Для успешного выступления на выборах Ж. Болсонару придется договариваться с Большим центром. Так как он вышел из Социал-либеральной партии после победы в 2018 г., а бразильский закон не позволяет беспартийному кандидату участвовать в президентской гонке, в ноябре 2021 г. он оформил свои отношения с Либеральной партией (PL), сравнив это с «браком мужчины и женщины»³. К коалиции примкнули еще две центристские партии – Прогрессистская партия Бразилии (PP) и Республиканцы (*Republicanos*)⁴.

Кроме того, в Бразилии предпринимаются попытки по консолидации тех, кто выступает за кандидата «третьего пути» и не поддерживает ни Болсонару, ни Лулу. Возможно, он будет выдвинут от коалиции из партий *Podemos*, *União Brasil* – крупнейшей фракции в нижней палате, Бразильской социал-демократической партии (PSDB) и Бразильского демократического движения (MDB). Однако, по мнению бывшего президента М. Темера, у коалиции мало шансов на успех из-за проблем с определением и выдвижением наиболее популярного кандидата⁵. Судя по результатам социальных опросов, на данный момент больше всего шансов у кандидата от *Podemos*, бывшего прокурора Сержио Мору. Некоторые эксперты считают, что Мору просто спекулирует на недовольстве населения и левыми, и правыми и является не кем иным, как «формой клонирования Болсонару», поэтому в случае второго тура его электорат может перейти на сторону действующего президента⁶.

Во избежание повторного «разворота влево» Ж. Болсонару предпринимает меры по стабилизации внешней и внутренней политики. Он отправил в отставку министра иностранных дел Эрнесто Араужу – представителя так называемого «идеологического крыла» в правительстве. Антиглобалист, он занимал антикитайскую позицию и ставил в приоритет отношения с США, когда президентом был Д. Трамп. На место Э. Араужу главой бразильского МИДа был назначен Карлос Франса. Новый министр представляется более прагматичным и уравновешенным политиком, его кандидатура устраивает законодательную власть⁷. Помимо того что К. Франса выступает за боль-

1 Álvaro Alves de Faria, "Viagem de Lula à Europa é mais uma aula de mau-caratismo," *Jovem Pan*, November 19, 2021, <https://jovempan.com.br/opiniaop-jovem-pan/comentaristas/alvaro-alves-de-faria/viagem-de-lula-a-europa-e-mais-aula-de-mau-caratismo.html>.

2 El País, "Entrevista a Lula da Silva," YouTube, November 21, 2021, <https://www.youtube.com/watch?v=UTY8zqBqQqE>.

3 Anita Efraim, and Larissa Arantes, "Bolsonaro se filia ao PL: 'É como um casamento, mas não seremos marido e mulher'," *Yahoo notícias*, November 30, 2021, <https://br.noticias.yahoo.com/bolsonaro-se-filia-ao-pl-e-como-um-casamento-mas-nao-seremos-marido-e-mulher-140931605.html>.

4 Tulio Kruse, "Verba pública recorde para eleição em 2022 deve favorecer Lula e Bolsonaro," *Veja*, January 8, 2022, <https://veja.abril.com.br/coluna/maquiavel/verba-publica-recorde-para-eleicao-em-2022-deve-favorecer-lula-e-bolsonaro/>.

5 André Guilherme Vieira, "Eleições 2022: 'terceira via' está pulverizada e polarização na corrida ao Planalto deve se manter, diz Temer," *Valor*, September 12, 2021, <https://valor.globo.com/politica/noticia/2021/12/09/eicoes-2022-terceira-via-esta-pulverizada-e-polarizacao-na-corrida-ao-planalto-deve-se-manter-diz-temer.ghtml>.

6 Выборы президента в Бразилии: на распутье «третьего пути». Куда пойдет средний класс? [Электронный ресурс] // EA daily. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2021/12/27/vybory-prezidenta-v-brazilii-na-rasputie-tretego-puti-kuda-poydet-sredniy-klass> (дата обращения 11.01.2022).

7 "Bolsonaro aposta em perfil oposto a Ernesto Araújo ao nomear novo chanceler," *CNN Brasil*, March 30, 2021, <https://www.cnnbrasil.com.br/politica/bolsonaro-aposta-em-perfil-oposto-a-ernesto-araujo-ao-nomear-novo-chanceler/>.

ший диалог между МИДом и Конгрессом, он имеет шансы стабилизировать ситуацию на международном поприще, а именно наладить отношения с Китаем, США и Европейским Союзом в условиях разногласий по поводу экологической политики Ж. Болсонару.

Начала выправляться эпидемиологическая ситуация. В ноябре 2021 г. в Бразилии была зафиксирована самая низкая смертность от *Covid-19* с апреля 2020 г. Страна вышла на хорошие показатели по вакцинации: более 70% населения получили хотя бы одну дозу вакцины, и более 60% – обе¹. На онлайн-саммите БРИКС в сентябре 2021 г. Ж. Болсонару отметил вклад Китая в улучшение ситуации в республике².

«Правый поворот» в Бразилии показал, что страна вписывается в логику региональных тенденций. Вместе с этим Ж. Болсонару – отражение тренда мировой политики – правого популизма³. Достаточно вспомнить стиль и «игру на публику» Д. Трампа в США, Н. Мадуро в Венесуэле, Р. Эрдогана в Турции, Б. Нетаньяху в Израиле и т.д. Выход на авансцену консервативного правого политика стал реакцией бразильского общества на экономический и политический кризис в Бразилии. Однако пандемия и неумение проводить грамотную социальную политику создали много проблем Ж. Болсонару и его команде, и, по всей видимости, общество находится в очередном поиске того, кто сможет вытащить страну из затянувшегося кризиса.

По мере приближения президентских выборов растет вероятность того, что Бразилия вновь попадет в «левую волну» с учетом важности социально-экономической повестки для населения. Не менее актуальной является эта повестка и для Португалии, что продемонстрировали внеочередные выборы, состоявшиеся 30 января 2022 г. Уверенную победу одержали левоцентристы в лице находящейся у власти Социалистической партии. Проведение выборов было обусловлено тем, что португальский парламент не смог согласовать бюджет на 2022 г. по причине требований левой оппозиции о социальных реформах и повышении расходов на здравоохранение, образование, пенсии и зарплаты.

Современная политическая повестка в Португалии и Бразилии в значительной степени выстраивается вокруг вопросов бюджета, бюджетной экономии и государственных расходов. Обе страны могут «синхронизироваться» в политических циклах, если в Бразилии на президентских выборах также победят «левые» и если их политические соперники не смогут предложить действенную программу по выходу из кризиса.

→ Список литературы / References:

Ивановский, З.В. Латинская Америка в новом тысячелетии: социальная панорама и динамика политических процессов // *Латинская Америка*. – 2019. – №8. – С. 6-22. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0005576-2>.

Iwanowski, Z.V. "Latin America in the new millennium: social panorama and dynamics of political processes." *Latinskaya Amerika* 8 (2019): 6-22. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0005576-2>. [In Russian]

Ивановский, З.В. Политическая поляризация в Латинской Америке. Итоги политического цикла // *Свободная мысль*. – 2019. – №1. – С. 149-168.

Iwanowski, Z.V. "Political polarization in Latin America. Results of the electoral cycle". *Svobodnaya mysl* 1 (2019): 149-168. [In Russian]

Ивановский, З.В. Политические сдвиги в Латинской Америке: региональные и глобальные последствия «правого поворота» (обзор выступлений на «круглом столе») // *Латинская Америка*. – 2018. – №5. – С. 6-27.

1 Ministério de Saúde, "Mega Vacinação contra a #Covid19 | 20 a 26 de novembro de 2021," Youtube, November 20, 2021, <https://www.youtube.com/watch?v=J-lBva5d934>.

2 Guilherme Mazui, "Brics: Bolsonaro diz que parceria com China é 'essencial' para gestão da pandemia," *Globo*, January 9, 2021, <https://g1.globo.com/politica/noticia/2021/09/09/em-reuniao-do-brics-bolsonaro-diz-que-parceria-com-a-china-e-essencial-para-a-gestao-adequada-da-pandemia.ghtml>.

3 Окунева 2020(b).

Iwanovski, Z.V. "Political changes in Latin America: regional and global consequences of the "right shift" (review of reports at the "round table")." *Latinskaya Amerika* 5 (2018): 6-27. [In Russian]

Хейфец, В.Л., Хейфец, Л.С. Латинская Америка: правый шторм для «левого поворота» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения»*. – 2015. – Т. 15, №4. – С. 45-55.

Jeifets V.L., Jeifets L.S. "Latin America: the Right Storm for the Left Turn." *Vestnik RUDN. International Relations* 15, no. 4 (2015): 45-55. [In Russian]

Мартынов, Б.Ф. Внешняя политика и политика безопасности // *Бразилия: смена приоритетов в новом политическом цикле* / Отв. ред. В.М. Давыдов. – М.: ИЛА РАН, 2019. – С. 60-71.

Martynov, B.F. "Foreign and defense policy." In *Brazil: a change of priorities in a new political cycle*, edited by V.M. Davydov, 60-71. Moscow: ILA RAS, 2019. [In Russian]

Мартынов, Б.Ф., Борзова, А.Ю. *История внешней политики и дипломатии Бразилии*. – М.: Аспект-Пресс, 2021. – 288 с.

Martynov, B.F., Borzova, A.Yu. *History of foreign policy and diplomacy of Brazil*. Moscow: Aspect-Press, 2021. [In Russian]

Окунева, Л.С. Президентские выборы 2018 г. в Бразилии: буря и натиск // *Латинская Америка*. – 2018. – №12. – С. 22-36.

Okuneva, L.S. "Presidential elections-2018 in Brazil: storm and onslaught." *Latinskaya Amerika* 12 (2018): 22-36. [In Russian]

Окунева, Л.С. Политический процесс // *Бразилия: смена приоритетов в новом политическом цикле* / Отв. ред. В.М. Давыдов. – М.: ИЛА РАН, 2019. – С. 6-17.

Okuneva, L.S. "Political process." In *Brazil: a change of priorities in a new political cycle*, edited by V.M. Davydov, 6-17. Moscow: ILA RAS, 2019. [In Russian]

Окунева, Л.С. Латинская Америка пришла в движение: в чем смысл социальных протестов октября 2019 г.? // *Латинская Америка*. – 2020(a). – №1. – С. 8-21. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0007755-9>.

Okuneva, L.S. "Latin America has set in motion: what is the meaning of social protests in October 2019?" *Latinskaya Amerika* 1 (2020(a)): 8-21. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0007755-9>. [In Russian]

Окунева, Л.С. Правый популизм в Бразилии и его отголоски в других латиноамериканских странах / *Правый популизм: глобальный тренд и региональные особенности* // Под ред. Л.С. Окуневой, А.И. Тевдой-Бурмули. – Москва: МГИМО-Университет, 2020(b). – С. 337-382.

Okuneva, L.S. "Right-wing populism in Brazil and its echoes in other Latin American countries." In *Right-wing populism: Global trend and regional features*, edited by L.S. Okuneva, and A.I. Tevdoi-Burmuli, 337-382. Moscow: MGIMO University, 2020(b): 337-382. [In Russian]

Окунева, Л.С. Бразилия: политический сезон «осень / зима 2020». К «500 дням» правления президента Жаира Болсонару // *Латинская Америка*. – 2020(c). – №10. – С. 21-38. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0011329-0>.

Okuneva, L.S. "Brazil: political season "fall / winter 2020." To the "500 days" of the reign of President Jair Bolsonaro." *Latinskaya Amerika* 10 (2020(c)): 21-38. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0011329-0>. [In Russian]

Хван, М.С. Внешняя политика Бразилии в период президентства Жаира Болсонару // *Общество: философия, история, культура*. – 2020. – №11 (79).

Khvan, M.S. "Brazilian foreign policy under Jair Bolsonaro." *Society: Philosophy, History, Culture* 79, no. 11 (2020). [In Russian]

Шишков, А.С. «Правый поворот?» К вопросу о смене политического цикла в Латинской Америке // *Проблемы национальной стратегии*. – 2017. – №4 (43). – С. 48-61.

Shishkov, A.S. "Pravyy povorot?" K voprosu o smene politicheskogo tsikla v Latinskoi Amerike" ["Right turn?" On the question of changing political cycle in Latin America]. *National Strategy Issues* 43, no. 4 (2017): 48-61. [In Russian]

Яковлева, Н.М. Португалия в преддверии президентских выборов // *Ибероамериканские тетради*. – 2020(a). – №8 (3) – С. 89-100.

Yakovleva, N.M. "Portugal on the eve of presidential elections." *Cuadernos Iberoamericanos* 8, no. 3 (2020(a)): 89-100. [In Russian]

Яковлева, Н.М. Португалия: успехи соцпартии в зеркале выборов // *Iberoamerica*. – 2020(b). – №1 – С. 177-195.

Yakovleva, N.M. "Successes of the Socialist party in the election mirror." *Iberoamerica* 1 (2020(b)): 177-195. [In Spanish]

- Bukovskis, Karlis. *Euroscepticism in small EU member states*. Riga: Latvian institute of international affairs, 2016.
- Carreira da Silva, Filipe, and Susana Salgado. "Why no populism in Portugal?" *Changing societies: legacies and challenges* 2 (2018): 249-268. <http://dx.doi.org/10.31447/ics9789726715047.10>.
- Cervo, Amado Luiz. *Inserção Internacional: formação dos conceitos brasileiros* [International Insertion: formation of Brazilian concepts]. São Paulo: Editora Saraiva, 2008. [In Portuguese]
- Costa, Álvaro. "A política externa do governo Michel Temer (2016-2018): mudanças para a legitimidade? Um teste da teoria de Charles Hermann" [Foreign policy of Michel Temer' government (2016-2018): changes to legitimacy? A test of Charles Hermann's theory]. *Conjuntura Austral* 10, no. 49 (2019): 23-41. <https://doi.org/10.22456/2178-8839.86954>. [In Portuguese]
- Saraiva, Miriam Gomes. "Balanço da política externa de Dilma Rousseff: perspectivas futuras?" [Dilma Rousseff's foreign policy balance: future perspectives?]. *Relações Internacionais* 44 (2014): 25-36.
- Tavares Oliveira, Cesar Augusto. "A política externa do governo Temer: características e oportunidades de uma política pública negligenciada" [Temer government's foreign policy: characteristics and opportunities of a neglected public policy]. *Fronteira: revista de iniciação científica em relações internacionais* 17, no. 34 (2018): 296-309.

Artículo de investigación

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-53-68>

El mundo lusófono de Iberoamérica: entre la "ola izquierdista" y el "giro a la derecha", casos de Portugal y Brasil

© M.I. Sigachev, Y.A. Timofeeva, 2022

Maksim I. Sigachev, PhD (Política), Investigador del Centro de estudios socioeconómicos y políticos comparados, Instituto de Economía Mundial y Relaciones Internacionales (IMEMO) afiliado a la Academia de Ciencias de Rusia, Moscú (Rusia)

Para la correspondencia: 117997, Rusia, Moscú, calle Profsoyuznaya, 23

Yulia A. Timofeeva, Docente de idioma Portugués en el Departamento de lenguas románicas, Estudiante de doctorado del Departamento de Relaciones Internacionales y Política Exterior de Rusia, Universidad MGIMO, Moscú (Rusia)

Para la correspondencia: 119454, Rusia, Moscú, Vernadskogo Ave., 76

E-mail: maxsig@mail.ru
(para la correspondencia del autor)

E-mail: timofeeva.yu.a@gmail.com

Recibido: 07.02.2022

Revisado: 02.03.2022

Aceptado: 11.03.2022

Para citar: Sigachev M.I., Timofeeva Y.A. El mundo lusófono de Iberoamérica: entre la "ola izquierdista" y el "giro a la derecha", casos de Portugal y Brasil. *Cuadernos Iberoamericanos* 10, no. 1 (2022): 53-68. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-53-68>.

→ Resumen

El artículo analiza los ciclos políticos del mundo portugués (lusófono), cuya base es el eje de civilización Portugal – Brasil. Los autores buscan demostrar la existencia de sincronía y paralelismo en el contexto del movimiento del péndulo político de derecha a izquierda y viceversa dentro del mundo lusófono de Iberoamérica. El propósito de este artículo es rastrear la sincronía y el paralelismo de los ciclos político-electorales en Portugal y Brasil, que en conjunto constituyen la realidad del mundo lusófono (de habla portuguesa) de Iberoamérica. La idea principal de este estudio es que la macrorregión transcontinental iberoamericana se encuentra encajonada entre la “fuerza de izquierda” y el “giro a la derecha”, en condiciones actuales se concluye que la “fuerza de izquierda” continuará con fluctuaciones a la derecha. En lo que respecta a Portugal, se utiliza como material empírico el caso de las elecciones municipales del 26 de septiembre de 2021, que se someten a un análisis analítico detallado desde el punto de vista del panorama político-partidista portugués. Además, se presta cierta atención a las elecciones parlamentarias anticipadas del 30 de enero de 2022 en Portugal. Los autores también evalúan el desarrollo del populismo en Portugal, dado que en los países europeos los movimientos de izquierda y de derecha están ganando popularidad. Del mismo modo, los autores examinan los resultados de las elecciones municipales de 2020 y la situación política en Brasil en vísperas de las elecciones presidenciales de otoño de 2022. El artículo da un pronóstico sobre el mundo lusófono más “izquierdista” de Iberoamérica, si, tras la confiada victoria de los socialistas portugueses bajo el liderazgo de A. Costa, también llegará al poder el presidente socialista Lula da Silva en Brasil, y como resultado, se formaría un polo de poder socialista de izquierda en el seno de la lusofonía iberoamericana.

→ Palabras clave

Portugal, Brasil, lusofonía, Iberoamérica, A. Costa, Bolsonaro, Lula, giro a la derecha, giro a la izquierda

Declaración de divulgación: Los autores declaran que no existe ningún potencial conflicto de interés.

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-69-83>

Баскские националисты в Наварре: долгий путь к успеху

© И.В. Кривушин, 2022

Кривушин Иван Владимирович, д.ист.н., ведущий научный сотрудник Отдела региональных исследований Института всеобщей истории РАН, профессор Департамента международных отношений НИУ ВШЭ, Москва (Россия)

E-mail: ivankrivushin@gmail.com

Для корреспонденции: 119017, Россия, Москва, ул. Малая Ордынка, 17

Статья поступила в редакцию: 29.01.2022

Доработана после рецензирования: 26.02.2022

Принята к публикации: 10.03.2022

Для цитирования: Кривушин И.В. Баскские националисты в Наварре: долгий путь к успеху. *Ибероамериканские тетради*. 2022, 10(1): 69–83. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-69-83>.

→ Аннотация

В статье исследуются причины резкого усиления политических позиций баскских националистических сил в Наварре в конце 2000 – 2010-х гг. Автор выявляет основные этапы исторического развития баскского национализма в Наварре и его противостояния с различными формами местного регионализма (фуэризм, карлизм и наварризм) с начала XX в. вплоть до настоящего времени. Также автор выделяет особенности эволюции баскского национализма в Наварре по сравнению с его эволюцией на других баскских территориях. Анализ существующей электоральной статистики и результатов различных опросов общественного мнения показывает, что в постфранкистский период традиционная центристская и католическая версия баскского национализма, представленная Баскской националистической партией, оказалась оттеснена на второй план левой и светской его версией («Эри батасуна», «Батсарре», «Аралар» и др.). В данной статье автор подчеркивает, что в последнее десятилетие баскским националистам удалось значительно расширить свое влияние среди социальных групп, которые не разделяют идеи сепаратизма и национализма. Успех такой экспансии был обусловлен, во-первых, новой электоральной тактикой баскских националистов (формирование двух коалиций: левой и левоцентристской), во-вторых, ростом недовольства избирателей по отношению к центральным и региональным властям в условиях финансового кризиса 2008 – 2014 гг. и, в-третьих, постепенным усилением популярности баскского языка

и укреплением баскской идентичности в Наварре. Усиление сепаратистов в Наварре вместе с ростом их популярности в Галисии грозит увеличением числа сепаратистски настроенных регионов Испании и бросает серьезный вызов всему Испанскому «государству автономий».

→ Ключевые слова

Наварра, баскские националисты, карлисты, фуэризм, регионалисты, наварризм

Финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–314–90001 «Региональная политика Европейского союза как фактор центробежных тенденций в Испании».

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Research article

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-69-83>

Basque nationalists in Navarre: a long road to success

© I.V. Krivushin, 2022

Ivan V. Krivushin, Dr. habil. (History), Senior Research Fellow, Department of Regional Studies, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Professor, School of International Affairs, National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia)
For correspondence: 119017, Russia, Moscow, Malaya Ordynka St., 17

E-mail: ivankrivushin@gmail.com

Received: 29.01.2022

Revised: 26.02.2022

Accepted: 10.03.2022

For citation: Krivushin I.V. Basque nationalists in Navarre: a long road to success. *Cuadernos Iberoamericanos* 10, no. 1 (2022): 69–83. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-69-83>.

→ Abstract

The aim of the article is to examine the reasons for the Basque nationalists' improving electoral performance in Navarre in the late 2000–2010s. The author identifies the main stages of the historical development of Basque nationalism in Navarre and its confrontation

with various forms of local regionalism (Fuerism, Carlism, and Navarrism) from the beginning of the 20th century up to the present, as well as the features of its evolution in comparison with the evolution of nationalism in other Basque territories. The analysis of electoral statistics and opinion polls shows that, in the post-Franco period, the traditional centrist and Catholic version of Basque nationalism, represented by the Basque Nationalist Party, was pushed back by its left and secular version ("Herri Batasuna", "Batzarre", "Aralar", etc.) and that, in the last decade, Basque nationalists managed to significantly expand their influence among social groups that do not favour separatist claims and do not share nationalist feelings. On the one hand, the success of this expansion was due to the new electoral tactics of the Basque nationalists (formation of two coalitions – left and center-left), and, on the other, to the growing discontent of voters towards the central and regional authorities in the context of the financial crisis of 2008 – 2014 and the gradual increase in the popularity of the Basque language and strengthening of the Basque identity in Navarre. The rising separatist movement in Navarre, together with the growing popularity of secessionism in Galicia, threatens to increase the number of separatist-leaning regions in Spain and poses a serious challenge to the Spanish "State of Autonomous Communities."

→ Keywords

Navarra, Basque nationalists, Carlism, regionalists, Fuerism, Navarrism

Funding: The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the scientific project № 20-314-90001 "Regional policy of the European Union as a factor of centrifugal tendencies in Spain."

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Среди многочисленных исследователей испанского сепаратизма очень немногие обращали свое внимание на Наварру, даже исследователи баскского национализма. Долгое время это автономное сообщество Испании рассматривалось как своеобразный «антипример», как лоялистский анклав в зоне баскского национализма и сепаратизма. В 1974 г. Мартин Блинкхорн даже назвал Наварру «баскским Ольстером»¹. Стэнли Пэйн писал в 1984 г.: «История, характер и своеобразные институты Наварры продолжают сопротивляться любой прямой интеграции в баскский национализм. Наварра исторически и этнически частично баскская, но ее идентичность и ее предпочтения всегда были более сложными. Ее социальные и экономические структуры по-прежнему отличаются от структур баскских провинций, и не видно, какие политические стимулы "Страна басков" может предложить в качестве альтернативы»². Однако факты свидетельствуют, что в последнее десятилетие негативное отношение общественного мнения Наварры к центральной власти значительно усилилось, а влияние националистических и сепаратистских партий возросло. Тем не менее причины этого явления еще не успели получить в полной мере удовлетворительного объяснения.

¹ Blinkhorn 1974, 595–613.

² Payne 1984, 112.

С самого своего возникновения баскский политический проект базировался на идее единого баскского народа и единой национальной территории, включающей западные (Гипускоа, Бискайя и Алава), восточные (Наварра) и северные баскские земли (Нижняя Наварра, Лабурдан и Суль), хотя с начала XIII в. Гипускоа, Бискайя и Алава, инкорпорированные в состав королевства Кастилия, и Наварра, оставшаяся независимым государством, пошли разными историческими путями. Завоевание в 1512 г. большей части Наварры (Верхней Наварры) кастильцами не привело к изменению ситуации: Наварра до 1841 г. сохраняла статус автономного королевства, тогда как Гипускоа, Бискайя и Алава имели каждая свои собственные политические институты, ликвидированные только в 1876 г. Правда, во время Первой и Третьей карлистских войн 1833–1840 и 1872–1876 гг. все баскские провинции, недовольные покушением центрального правительства в Мадриде на их исторические права и привилегии (фуэрос), поддерживали карлистов, позиционировавших себя как защитников испанских традиций. Тем не менее их сближение в политическом отношении оказалось лишь временным.

Социальные и экономические сдвиги в западных баскских провинциях начали размывать базу поддержки традиционалистских политических сил в лице карлизма уже в период Третьей карлистской войны, тогда как наваррское общество, не испытывавшее такого воздействия индустриализации и сохранившее преимущественно сельский и традиционный уклад, осталось его оплотом. «Наваррский карлизм, – пишет Стэнли Пэйн, – проистекает непосредственно из самобытности, культурной и институциональной особенностей региона, поскольку только традиционализм обещал признать и сохранить это наследие»¹. Карлизм с его лозунгом «Политическая централизация – административная децентрализация» вполне соответствовал той идеологии, которая стала наиболее популярной в Наварре после карлистских войн – фуэризму (форализму), выступавшему в защиту местных фуэрос². Со второй половины 1880-х гг. карлисты, позиционировавшие себя как поборники реставрации существовавших до 1841 г. институтов, доминировали в политической жизни Наварры. К концу XIX в. им удалось вытеснить с политической сцены либералов, и в начале XX в. их единственными серьезными соперниками в провинции остались консерваторы.

В других баскских провинциях карлизм пользовался гораздо меньшим влиянием, особенно в Алаве и Бискайе. Если в избирательных округах Наварры на выборах в кортесы в 1879–1923 гг. карлисты побеждали 51 раз, а в Гипускоа – 31, то в Алаве – 9 и в Бискайе – 2. На 11 из 20 общенациональных выборов этого периода в Алаве и Бискайе не смог одержать победу ни один их кандидат.

В последние годы конституционного периода режима Реставрации влияние карлистов в Наварре стало ослабевать, в том числе и из-за Меллистского раскола 1919 г.³ В это же время они впервые столкнулись в Наварре с новым политическим соперником – баскскими националистами. Упразднение традиционных институтов в баскских провинциях сразу после Третьей карлистской войны вызвало к жизни движение, получившее название «баскское национальное возрождение». Так, в Наварре уже в 1878 г. возникла Баскская ассоциация, ставившая своей задачей защиту баскской культуры. К началу 1880-х гг. это культурное движение стало политизироваться, однако те его участники, которые вовлекались в политическую борьбу, в идеологическом плане не выходили за рамки фуэризма. Радикализация баскского национализма и его политическое оформление произошли только в середине 1890-х гг. под воздействием Гама-сады – протестного движения в Наварре в 1893–1894 гг. против попытки центрального

1 Payne 1984, 103.

2 Подробно см.: Izu Belloso 2001, 105–186.

3 См.: Andres Martín 2000.

правительства ликвидировать особый налоговый режим, установленный в провинции законом 1841 г. Это движение нашло широкую поддержку также среди населения западных баскских провинций и способствовало усилению чувства этнического единства среди испанских басков. В 1895 г. испанский политик и философ Сабино Арана Гойри (1865–1903 гг.) основал Баскскую националистическую партию (БНП), провозгласившую своей целью создание независимого государства единой баскской нации («Эускади»), отличительными чертами которой Арана объявил принадлежность к особой «баскской расе», отличной от «испанской расы», и католическую веру. Однако до 1917 г. БНП ограничивала свою деятельность только территорией Бискайи, где ей удалось добиться немалых электоральных успехов, и Гипускоа. В то же время в Наварре распространение баскского политического национализма происходило медленно, и он не смог получить массовой поддержки¹. Да и сама БНП (с 1916 г. – Баскское националистическое сообщество, БНС) начала действовать в Наварре только в 1917 г., когда она приняла участие в муниципальных выборах, впервые получив три места в муниципальном совете Памплоны; в 1922 г. их стало уже восемь. В 1918 г. БНС сумело завоевать на выборах в кортесы одно место от Памплоны, которое оно сохраняло до переворота 1923 г. Правда, по сравнению с его успехом в Бискайе, где в 1918 г. в кортесы было избрано пять баскских националистов, а в 1919 г. – четыре и где на муниципальных выборах 1917 г. БНС одержало полную победу, этот успех выглядел более чем скромно.

В целом, аранистская версия баскского национализма так и не получила в Наварре широкого распространения. Причиной этого не в последнюю очередь была разная степень баскской идентичности населения баскских провинций. По данным переписи 1867 г., если на баскском языке в Гипускоа говорило 96,43% населения, а в Бискайе – 81,38%, то в Алаве – 993%². В Наварре эта доля составляла 20%³. Гораздо большей поддержкой здесь пользовался умеренный (автономистский) баскский национализм, прежде всего в трактовке политика и мыслителя Артуро Кампьюна (1854–1937 гг.). Неудивительно, что после отделения от БНС в 1921 г. сепаратистского крыла (БНП) наваррские националисты остались в БНС.

В период диктатуры М. Примо де Риверы (1923–1930 гг.), запретившего деятельность политических партий, баскские националисты продолжали националистическую агитацию в рамках культурных и спортивных ассоциаций. Что же касается карлистов, то одна их часть поддержала новый режим, а другая находилась в оппозиции. К тому времени оформляется идеология наварризма, выросшая из фуэризма. Главными лозунгами новой идеологии были защита интересов Наварры как особого сообщества и укрепление особой наваррской идентичности⁴. Открыто баскский национализм и наварризм столкнулись в период Второй республики (1931–1939 гг.)⁵. Правда, после падения монархии баскские националисты, воссоединившиеся в ноябре 1930 г. в рамках БНП (хотя практически сразу от нее откололось левое Баскское националистическое действие, БНД), вступили в электоральную коалицию с карлистами и фуэристами, которая добилась крупного успеха на парламентских выборах 1931 г.⁶ Однако этот союз оказался временным. Он распался из-за разногласий по поводу проекта создания автономной Страны басков в составе Бискайи, Гипускоа, Алавы и Наварры, поскольку общественное мнение последней в целом не симпатизировало идее создания общих органов управ-

1 См.: Blinkhorn 1974, 597. О причинах слабости баскских националистов в Наварре см.: Mees 2000, 162–163.

2 Velasco y Fernández de la Cuesta 1879, 488.

3 См.: Mees 2003, 12.

4 См.: Izu Belloso 2001, 259–309.

5 Подробно см.: Chueca Intxusta 1999.

6 Granja Sainz 2008, 217–218.

ления с другими баскскими провинциями. В 1932 г. большинство муниципалитетов Наварры не поддержало проект¹. «С тех пор для баскских националистов, которые всегда считали Наварру частью исторической родины басков, – говорит Джереми Маккленси, – она стала чем-то вроде зияющей раны»².

Попытка БНП реализовать проект баскской автономии в урезанном виде (без Наварры), однако, вновь потерпела неудачу: на референдуме 1933 г. он был поддержан только в Бискайе и Гипускоа, но из-за противодействия карлистов не получил необходимого числа голосов в Алаве. Парламентские выборы 1933 г. подтвердили факт политического раскола между Бискайей и Гипускоа, с одной стороны, и Алавой и Наваррой, с другой³. В первых двух провинциях победу одержали баскские националисты, получив в Бискайе 44,32% голосов и в Гипускоа – 46,52%; в то же время в Алаве и Наварре они значительно уступили карлистам (29,44% против 52,2% и 9,25% против 43%)⁴. Похожую ситуацию мы видим и на выборах 1936 г., на которых относительное большинство в Бискайе (34,57%) и Гипускоа (36,88%) завоевали баскские националисты; в Алаве же за них проголосовало только 20,75% избирателей, а в Наварре – всего 6,72%, тогда как за карлистов 37,1% и 42,93% соответственно⁵.

Окончательный политический разрыв баскских националистов и регионалистов произошел после начала Гражданской войны. БНП после некоторых колебаний поддержала республиканцев в обмен на немедленное принятие Статута об автономии Страны басков в составе трех провинций (1 октября 1936 г.). Карлисты же сразу присоединились к мятежникам, обеспечив переход на их сторону Алавы и Наварры. Осенью 1936 г. франкисты захватили почти всю Гипускоа, а в апреле–июне 1937 г. овладели и Бискайей. Баскская автономия прекратила свое существование.

История Второй республики показала, что баскский национализм в своей центристской католической версии оказался в конфликте с основными политико-идеологическими лагерями тогдашней Испании – и правым, и левым. Для правых было неприемлемо его националистическое измерение, которое воспринималось ими как сепаратизм, для левых – католическое. Левое же крыло баскского национализма (социал-демократическое, республиканское и неконфессиональное), представленное БНД, было слабым и не могло на равных конкурировать с БНП.

Победа франкистов означала поражение баскского националистического проекта и относительное торжество наварризма. Раскол между двумя частями баскских земель – Бискайей и Гипускоа, с одной стороны, и Наваррой и Алавой, с другой, – был закреплен установлением их юридического неравноправия в составе франкистской Испании. Уже в 1937 г. Бискайю и Гипускоа объявили «провинциями-изменницами» и лишили их исторических привилегий. Баскский язык было запрещено использовать – как в сфере образования, так и в делопроизводстве, СМИ, издательском деле; запрещалось регистрировать новорожденных под баскскими именами, давать баскские наименования кораблям и общественным организациям; иногда даже накладывались штрафы за использование баскского языка в разговорной речи. В то же время Ф. Франко в знак признательности за поддержку мятежников сохранил все налоговые льготы и институты местного самоуправления в Алаве и Наварре и избегал вмешиваться в компетенции местных властей. Хотя франкистский режим и не был карлистским, он, по словам Шавье-

1 См.: Blinkhorn 1974, 612–613.

2 MacClancy 1988, 19.

3 При этом, конечно, нельзя, как показал Ладжер Миз, рассматривать Наварру как политически абсолютно гомогенный регион. См.: Mees 2000, 123–127. О социальной базе карлистов и баскских националистов в Наварре при Второй республике см.: Ferrer Muñoz et al. 1993, 433–434, 436–438.

4 Granja Sainz 2008, 452.

5 Ibid., 593–594.

ра Сабальса, «осознавал тот факт, что "правильно понятый регионализм" без каких-либо политических претензий может быть средством (испанской) национализации, и его терпели, если не поощряли»¹.

Парадокс истории, однако, заключался в том, что именно эпоха франкизма привела к размыванию социальной базы консервативных традиционалистов – карлистов. Прежде сельскохозяйственные по своему характеру Алава и Наварра в 1950-е и 1960-е гг. стали быстро индустриализироваться и по уровню экономического развития сближаться с промышленно развитыми Бискайей и Гипускоа. «Бывшие карлистские сельские центры Центральной и Северной Наварры, – пишет Пэйн, – серьезно обезлюдели из-за сельской эмиграции в города. Силы традиционализма были ослаблены не только общим культурным изменением индустриализирующегося общества, но и тем, что часть сельской демографической базы Наварры просто исчезла. К 1960 г. Наварра поднялась на 8-е место среди 50 испанских провинций по доходу на душу населения и заняла 7-е место к 1970 г. ... Алава перешла с 11-го места в 1960 г. на 3-е в 1970 г.»². В то же время, подчеркивает Пэйн, в Наварре «в 1969 г. только 36% занятых работали в промышленности, а в баскских провинциях – 55%. <...> Наварра продолжала оставаться наиболее католическим регионом Испании. О себе как о практикующих католиках заявляли 95% <ее жителей>, в то время как в баскских провинциях таковых насчитывалось всего 80%»³.

Именно это экономическое сближение Алавы и Наварры с Бискайей и Гипускоа при сохранении определенной особенности Наварры стало причиной изменения политической конфигурации в баскских землях после завершения эпохи франкизма⁴. Прежний политический раскол между карлистскими и профранкистскими Алавой и Наваррой и националистическими и антифранкистскими Бискайей и Гипускоа сменился расколом между Наваррой и тремя остальными баскскими провинциями. В 1979 г. только 7% жителей Наварры считал себя басками, тогда как 51% – наваррцами и 10% – испанцами⁵. Из-за враждебности основных политических партий и общественного мнения Наварры ее пришлось исключить из проекта воссоздания автономной Страны басков с общими политическими институтами. В то же время население трех других баскских провинций на референдуме 25 октября 1979 г. огромным большинством поддержало этот проект (в Алаве 90,23%, в Бискайе 94,81%, в Гипускоа 95,77%)⁶. На первых постфранкистских выборах в парламент Страны басков в 1980 г. за баскских националистов проголосовало в Алаве 53,61% избирателей, в Бискайе – 64,36%, в Гипускоа – 68,46%. С этого времени они стали доминирующей политической силой в автономной Стране басков и во всех трех ее провинциях⁷, а представители БНП неизменно возглавляли региональное правительство (за исключением 2009–2012 гг.).

Регионалистский проект сохранил популярность только в Наварре, но уже не в карлистском своем варианте. Получив на первых выборах в региональный парламент в 1979 г. 4,77% голосов, карлисты затем стали стремительно слабеть; их поддержка в 1990-х – начале 2000-х гг. не превышала 0,5%⁸. Новым главным представителем наварризма стал основанный в 1979 г. правоцентристский консервативный Союз наваррского народа (СНН),

1 Zabaltza 2019, 895.

2 Payne 1984, 110. См. также: Silva 1975, 239–240.

3 Payne 1984, 110.

4 См.: Alli Aranguren and Gortari Unania 2011.

5 Linz et al. 1981, 538–539.

6 Источник электоральной статистики по Стране басков – сайт регионального правительства (<https://www.euskadi.eus/ab12aAREWar/resultado/maint>).

7 "Elecciones a las Juntas Generales 1979–2019," Historia Electoral, accessed February 15, 2022, historiaelectoral.com/juntas.html.

8 Источник электоральной статистики по Наварре здесь и далее: "Elecciones al Parlamento de Navarra (Nafarroako Parlamentua) 1979–2019," Historia Electoral, accessed February 15, 2022, <http://www.historiaelectoral.com/anavarra.html>.

поставивший своей основной задачей защиту особой (отличной от баскской) наваррской идентичности и интересов Наварры как особого сообщества¹. СНН постоянно усиливал свое политическое влияние в Наварре (за исключением некоторого отступления в 1995 г.). В 1979–2007 гг. поддержка партии на региональных выборах выросла с 16,1% до 42,2%. Доля голосов, полученных СНН на муниципальных выборах, увеличилась в 1979–2003 гг. с 4,96% до 34,25%.

Другим влиятельным носителем наварризма оказалась Социалистическая партия Наварры (СПН), отделившаяся в 1982 г. от Баскской социалистической партии, которая еще в 1979 г. отказалась от лозунга включения Наварры в состав автономной Страны басков. СПН представляла, в отличие от СНН, социал-демократическое крыло наварризма. На региональных выборах 1983–2007 гг. партия получала не менее 20% голосов, а в 1983 и 1991 г. – больше 1/3 (соответственно 35,63% и 33,36%).

В совокупности наварристы – СНН, СПН, Демократический фюральный союз (1987–1991 гг.) и Конвергенция демократов Наварры (1995–2011 гг.) – получали в 1980–е гг. на выборах в региональный парламент около 58–59%, а в 1990–х и 2000–х гг. – 68–71%. Таким образом, наварризм до начала 2010–х гг. был доминирующим течением в наваррской политике. Стабильность позиций регионалистов обеспечивалась благоприятной экономической ситуацией в Наварре, одном из самых благополучных регионов Испании. До 2006 г. она занимала второе место в стране по ВВП на душу населения после Мадрида, кроме того, этот показатель в 1995–2008 гг. вырос более чем в два раза (с 14 600 до 29 772 евро)². В 2006 г. Наварру по размерам ВВП на душу населения обогнала Страна басков, и разрыв между ними начал постепенно увеличиваться (с 300 евро в 2006 г. до 1.047 евро в 2008 г.). Тем не менее Наварра продолжала оставаться одной из самых богатых частей королевства. Уровень безработицы в ней в 2000–2007 гг. был ниже 7%, а во второй половине 2007 г. достиг рекордно низкой отметки в 4,3%, в то время как среднеиспанский показатель в декабре того же года составил 8,8%. В 2008 г. ниже черты бедности находилось 5,9% жителей Наварры, тогда как в Испании в целом – 19,8%.

Баскские националисты в Наварре не сумели в первые три десятилетия после установления демократии в Испании составить серьезную конкуренцию регионалистам. На выборах 1979–2008 гг. они в совокупности не набирали более 24% голосов, если не считать региональных выборов 1979 г. (28,51%) и 1987 г. (26,87%). Одной из главных причин этого было то, что значительная часть наваррцев ассоциировала баскский национализм с подпольной организацией ЭТА, пытавшейся добиться создания независимого государства всех басков с помощью террора, а другой – раздробленность националистических сил. Ее продемонстрировали уже первые постфранкистские выборы в парламент Наварры, на которых националисты были представлены шестью партиями и коалициями. Все они, кроме БНП, были левыми, что свидетельствовало о кардинальной перегруппировке внутри националистического лагеря. Доминирование в нем левых подтвердили итоги выборов – больше всего голосов (11,08%) среди националистических группировок получила левая коалиция «Эрри Батасуна» (ЭБ, «Народное единство»), политическое крыло террористической организации ЭТА. До конца столетия она оставалась ведущей силой националистического лагеря, набирая на региональных выборах от 9,22% (1987 г.) до 13,46% (1983 г.). Значительно отставали от нее партии центристского или левоцентристского направления – БНП (6,83% в 1983 г., 0,94% в 1987 г., 1,12% в 1991 г.) или отколовшаяся от нее в 1986 г. «Эуско алькартасуна» (ЭА, «Баскская солидарность»): 7% в 1987 г., 5,52% в 1991 г., 4,57% в 1995 г.

1 «Наваррский анти-баскизм, – пишет Ш. Сабальса, – является ответом на реальную возможность интеграции Наварры в Автономное сообщество Страны Басков» (Zabaltza 2019, 900).

2 В качестве источника социально-экономической статистики здесь и далее использован сайт <https://datosmacro.expansion.com/>.

В течение 1980-х и первой половины 1990-х гг. влияние баскских националистов в Наварре неуклонно ослабевало: доля голосов, завоеванных ими на региональных выборах, сократилась с 28,51% в 1979 г. до 16,97% в 1995 г., на выборах в кортесы – с 21,62% в 1979 г. до 12,91% в 1996 г. Поэтому перед выборами 1999 г. они попытались объединиться, создав две коалиции – левую «Эускаль эрритаррок» (ЭЭ, «Баскские граждане»), в которую вошли ЭБ, а также партии «Батсарре» («Ассамблея») и «Сутик», и левоцентристскую в составе БНП и ЭА. Эта тактика принесла националистам относительный успех: на региональных выборах 1999 г. они завоевали более 21% голосов (левые – 15,58%, левоцентристы – 5,44%), на местных – 19,73% (левые – 14,94%, левоцентристы – 4,8%), на выборах в Европейский парламент – 21,16% (левые – 15,12%, левоцентристы – 5,7%). Однако уже в феврале 2000 г. «Батсарре» и «Сутик» вышли из состава ЭЭ. Перед выборами в кортесы в марте 2000 г. руководство ЭЭ призвало к их бойкоту. В результате умеренные националистические группировки, принявшие участие в этих выборах (БНП и ЭА, выступавшие отдельно), получили в совокупности всего 6,84% голосов. Запрет Верховным судом Испании в марте 2003 г. ЭЭ и партии «Батасуна» (преемницы ЭБ) как легальных прикрытий для ЭТА осложнил ситуацию на левом фланге баскского националистического движения в Наварре. Перед выборами 2003 г. левые националисты не смогли объединиться: «Батсарре» и отколовшаяся от «Батасуны» партия «Аралар» выставили отдельные списки. В итоге на региональных выборах националисты набрали 17,82% голосов (левые 10,39%, левоцентристы 7,43%), а на местных выборах – всего 13,21% (левые 7,57%, левоцентристы 5,64%), самый худший результат за весь постфранкистский период на выборах такого уровня.

Электоральные неудачи стали стимулом для возобновления усилий по объединению националистического лагеря. В 2004 г. перед выборами в кортесы была создана коалиция «НаБай» («За Наварру»), в которую впервые вошли все основные партии баскских националистов – БНП, ЭА, «Аралар» и «Батсарре». Благодаря этому националистам удалось занять третье место по числу голосов (почти 18%) и получить впервые с 1986 г. одно кресло в кортесах. В то же время на выборах в Европейский парламент в июне того же года, на которых националистические партии выступали каждая со своим списком, им в совокупности досталось только 11,6% голосов, которые разделились между ЭА, «Араларом» и БНП. Это еще раз доказало, что тактика единого фронта националистов как нельзя более актуальна. На региональных выборах 2007 г. националисты вновь выступили вместе и заняли второе место по числу голосов (почти 23,62%), а на местных (хотя отдельный список выставила старая левонационалистическая партия БНД, малозаметная в постфранкистский период) они завоевали 23,96% («НаБай» – 17,61%, БНД – 6,35%) – самый лучший для националистов показатель на выборах этого уровня после 1979 г.

Это был неплохой результат, но могли ли баскские националисты его улучшить? Рост популярности националистов не сопровождался падением популярности регионалистов, позиции которых казались неуязвимыми. На выборах в парламент Наварры в 2007 г. регионалисты получили более 69% (в 2003 г. – 70,74%). На местных выборах 2007 г. уровень их поддержки снизился с 57,65% до 54,62%, но это снижение не выглядело катастрофическим. На выборах в кортесы в марте 2008 г., через месяц после запрета БНД, коалиция «НаБай» получила 18,39% голосов – всего на 0,41 п.п. больше, чем в 2004 г., тогда как регионалисты – почти 74%, улучшив свой прежний результат почти на 3 п.п. Баскские националисты конкурировали за голоса избирателей скорее не с регионалистами, а с федерацией «Объединенные левые Наварры» (ОЛН).

Однако следующее десятилетие внесло значительные изменения в традиционный политический ландшафт Наварры. С одной стороны, в 2007–2015 гг. произошло резкое снижение поддержки регионалистов: на выборах в парламент Наварры с 69,06% до 40,8%, в кортесы – с 73,98% до 44,46%, в местные органы власти – с 54,62% до 37,61%. С другой, значительно укрепились позиции баскских националистов, прежде всего на региональном электоральном уровне: доля голосов, полученных ими на выборах в парламент Наварры, увеличилась в 2007–2019 гг. с 23,62% до 31,87%. На местных и общенациональных выборах 2007–2019 гг. рост был не столь значительным: соответственно с 23,96% до 25,78% и с 18,39% до 20,67%¹. В целом, однако, факт усиления позиций баскских националистов в Наварре не вызывает сомнений. В 2015 г. баскские националисты пришли к власти в Наварре (в коалиции с ОЛН), и их представительница Мирен Уксуэ Баркос впервые в истории возглавила региональное правительство.

Главными требованиями баскских националистических партий и группировок были создание суверенного баскского государства и защита баскской идентичности, поэтому естественно, что они находили поддержку прежде всего среди избирателей с сепаратистскими и националистическими взглядами. В 2011–2019 гг. за них голосовало на выборах в парламент Наварры от 61% до 68% сепаратистского и от 69% до 80% националистического электората, на выборах в кортесы соответственно от 51% до 61% и от 50% до 66%².

Электоральные успехи баскских националистов в Наварре, однако, не были результатом увеличения доли националистов в составе электората, которая в 2011–2019 гг., наоборот, уменьшилась с 9,2% до 6,8%, как, впрочем, и доля сторонников отделения от Испании (с 16,2% до 15,8%). Кроме того, избиратели-националисты составляли лишь меньшинство электората националистических партий и коалиций: 32–33% в 2007–2008 гг. и от 14% до 43% в 2010–х. Очевидно, что националистическим силам удалось за последние 15 лет привлечь на свою сторону значительную часть избирателей, не разделявших базисные принципы баскского национализма. Основную массу избирателей левоцентристской националистической коалиции «Героа бай» (см. ниже) составляли не сепаратисты, а автономисты (от 43 до 64%), а националистов численно превосходили те, кто называл себя «прогрессистами» (от 18 до 24%). Ориентируясь на эти слои, БНП, ведущая сила «Героа бай», в 2019 г. даже смягчила свою позицию по ключевому для идейных наследников Сабино Араны пункту, выдвинув требование «совместного осуществления суверенитета» с Испанским государством³.

Одной из причин успеха баскских националистов стала их новая электоральная тактика. В 2010–х гг. они, наконец, нашли оптимальную формулу того, каким образом репрезентовать себя избирателям – не отдельными списками, что приводило к дроблению голосов и росту опасений среди сторонников, что их голоса не смогут повлиять на исход выборов, и не единым фронтом, в котором собраны идеологически различные политические силы, что потенциально отталкивало избирателей, чей электоральный выбор определялся не только националистическими взглядами, но как две коалиции, представлявшие два основных направления националистического движения – левая

1 Этот рост не был однолинейным: в 2008–2011 гг. доля голосов увеличилась до 27,67%, в 2011–2016 гг. резко снизилась до 13,63%, но к 2019 г. снова выросла и превысила 20%.

2 Анализ состава электората баскских националистических партий в Наварре осуществлен на основе данных опросов избирателей Центром социологических исследований при правительстве Испании (http://www.cis.es/cis/opencm/ES/1_encuestas/index.jsp).

3 "Nos mueve Euskadi. Zurea, gurea. Programa Electoral Elecciones Generales 2019–2023" EAJ-PNV, accessed February 20, 2022, <https://www.eaj-pnv.eus/es/adjuntos-documentos/19093/pdf/programa-electoral-elecciones-generales-2019>.

«ЭЭ Бильду» («Страна басков вместе»)¹ и левоцентристская «Героа бай» («За будущее»)², возникшие в 2011 г. после раскола «НаБай».

Разделение националистического лагеря на две идеологически различные коалиции позволило одной из них («ЭЭ Бильду») объединить вокруг себя в первую очередь избирателей с националистическими и сепаратистскими взглядами и вступить в борьбу за левый электорат с ОЛН и партией «Подемос» («Мы можем»), а другой («Героа бай») – вступить в эффективную конкуренцию за левоцентристский сегмент наваррского электората с «Подемос» и СПН. Колеблющийся между этими политическими силами электорат составлял в 2019 г. приблизительно 9,3% избирателей, голосовавших на региональных выборах за баскских националистов, а на всеобщих выборах за СПН и «Подемос».

Анализ социальной базы баскских националистов в Наварре показывает, что при сохранении традиционной поддержки со стороны мужчин, квалифицированных рабочих и менеджеров среднего звена «ЭЭ Бильду» удалось расширить свое влияние среди мелких предпринимателей (до 8–14%), а «Героа бай» – среди женщин (до 46–56%). Кроме того, в составе их электората увеличилась доля лиц с высшим образованием и относительно высоким доходом (от 2 400 до 4 500 евро в месяц). В то же время в нем уменьшилась доля более социально уязвимых групп населения – лиц с начальным образованием (у «Героа бай» с 11,8% до 6,1%, у «ЭЭ Бильду» практически до 0%) и неквалифицированных рабочих (у «Героа бай» до 8–10%, у «ЭЭ Бильду» до 6–8%).

Какие причины, помимо новой электоральной тактики, позволили баскским националистам усилить свое влияние и потеснить регионалистов? В первую очередь – это ухудшение социально-экономической ситуации, спровоцированное финансовым кризисом 2008–2014 гг. В 2008–2010 г. доля наваррцев, живших ниже черты бедности, увеличилась до 10,7% (на 81%). Уровень безработицы с начала 2008 г. стал расти и в июне 2009 г. достиг 12%, а в марте 2013 г. – 19%.

Это ухудшение не могло не оказать влияния на наваррский электорат. Если в 2007 г. позитивно оценивало общую ситуацию в Наварре 52,3% избирателей и только 11,9% – негативно, то к 2011 г. доля первых сократилась до 30,8%, а к 2015 г. до 18,3%, тогда как доля вторых увеличилась к 2011 г. до 25%, а к 2015 г. – до 35,4%. Если в 2007 г. «хорошей» или «очень хорошей» назвало экономическую ситуацию в Наварре 53,7% респондентов, а «плохой» или «очень плохой» лишь 12,5%, то к 2011 г. доля первых уменьшилась до 20,9%, а к 2015 г. до 14,6%, тогда как доля вторых выросла к 2011 г. до 41,2%, а к 2015 г. до 44,2%.

Именно баскские националистические группировки оказались той губкой, которая впитывала негативизм наваррских избирателей. Именно среди их сторонников было больше всего тех, кто отрицательно оценивал общую, экономическую и политическую ситуацию в Наварре, и тех, кто считал, что за последние годы она ухудшилась. Именно среди них и было больше всего тех, кто считал свое экономическое положение плохим или очень плохим: в 2011–2019 гг. среди избирателей «Героа бай» они составляли 7–10%, среди избирателей «ЭЭ Бильду» – 11–17%, тогда как среди электората СПН их доля варьировалась от 1,8 до 7,1%, СНН – от 3,4 до 11,5%, «Подемос» – от 0 до 5,4%.

Недовольство наваррцев ситуацией в регионе не могло не сказаться на восприятии ими политики Мадрида по отношению к Наварре. В 2007–2011 гг. их разочарование в ней резко усилилось. Если в 2007 г. только 30% наваррцев негативно оценивало политику Мадрида, то в 2011 г. их стало уже 60,6%, а доля тех, кто оценивал ее позитивно, снизилась с 18% до 14,3%. С другой стороны, произошло падение популярности

1 «Аралар», ЭА и бывшие члены ЭБ.

2 БНП, партия «Сабальсен» и ассоциация «Атаррабия тальдеа».

регионального правительства СНН, находившегося у власти непрерывно с 1996 г. Если в 2007 г. его деятельность не одобряло лишь 25–29% наваррских избирателей, то в 2015 г. их было уже 59,2%.

Баскские националисты, которые традиционно считались самыми решительными оппонентами как Мадрида, так и местных регионалистов, сумели стать главным полюсом притяжения углублявшегося недовольства наваррского электората¹. Именно среди их сторонников было больше всего тех, кто отрицательно относился и к центральному (в 2007 г. 23%, в 2011 г. 82,3%, в 2015 г. 69%), и к региональному правительству (в 2007 г. 71,6%, в 2011 г. от 55% до 68%, в 2015 г. от 72% до 97%).

Однако социально-экономические причины были не единственными, обусловившими рост популярности баскского национализма в Наварре. Можно сказать, что он был подготовлен изменениями этнокультурной ситуации и укреплением баскской идентичности. Доля владеющих баскским языком в Наварре увеличилась в 1991–2018 гг. с 9,5% до 14,1%, тогда как доля не владеющих им уменьшилась с 85,9% до 77,9%. При этом наибольший рост был зафиксирован в более молодых группах населения – от 16 до 24 лет (с 10% до 24,9%) и от 25 до 34 лет (с 7% до 21,8%), тогда как среди наваррцев старше 65 лет доля баскоговорящих даже сократилась с 10,7% до 8,4%. Рост затронул все три лингвистические зоны Наварры – баскофонную северную (Влажная Наварра и западная часть Пиренейских долин), смешанную центральную (Предпиренейские долины и восток Пиренейских долин) и небаскофонную южную (прежде всего Рибера): если в первой доля баскоговорящих увеличилась незначительно (с 60,3% до 60,8%), то во второй – более чем в два раза (с 5,2% до 12,4%), а в третьей – более чем в четыре раза (с 0,6% до 2,6%)². Что же касается баскской идентичности, то если в 2006 г. 10% жителей региона идентифицировали себя как преимущественно басков и 15% – как баско-наваррцев³, то в 2016 г. 34,1% определили себя в той или иной степени как басков⁴.

Таким образом, баскские националисты в последнее десятилетие добились значительных политических успехов в Наварре, в том бастионе регионалистов (сначала карлистов, а затем СНН и СПН), который им никак не удавалось взять на протяжении всей своей более чем столетней истории. Хотя в этом определенную роль сыграла новая электоральная тактика националистических сил, их потребность в политическом сплочении, несмотря на идеологические различия, является, несомненно, отражением глубинных тенденций в наваррском обществе, в котором возник социально-политический запрос на националистический проект. С одной стороны, этот запрос формировался постепенно, в течение трех десятилетий, под воздействием усиливавшейся неудовлетворенности регионального сообщества своим положением в системе Испанского «государства автономий»; в более фундаментальном плане он стал результатом снижения роли национальных государств на европейском политическом пространстве. С другой стороны, восприятие национального государства как «обузы» для регионального сообщества, как «лишнего элемента» в системе принятия политических решений весьма усилилось в условиях финансового кризиса 2008–2014 гг., который способствовал росту напряженности между национальным центром и регионами, прежде всего самыми благополучными, такими как Каталония, Страна басков и Наварра. В этой ситуации именно националистическое и сепаратистское крыло политического спектра стало восприни-

1 Иной точки зрения придерживается Рафаэль Леонисιο, который, ссылаясь на результаты региональных выборов 2015 г., утверждает, что недовольством наваррских избирателей в первую очередь воспользовались не баскские националисты, а «Подemos». См.: Leonisio 2015. Однако итоги выборов 2019 г. не подтверждают это мнение.

2 Datos sociolingüísticos de Navarra, 2018. Pamplona, 2020, 10–11, 15.

3 Baxok et al. 2006, 49.

4 El 45,1% de los ciudadanos que se consideran navarros no se sienten ni vascos ni españoles. – Diario de Noticias de Navarra, 6.XII.2016.

маться немалой частью электората как самый решительный и последовательный защитник их интересов от правительства в Мадриде. Парадокс ситуации заключается в том, что значительная часть тех, кто стал в конце 2000–2010-х гг. отдавать свои голоса за националистические и сепаратистские партии, прежде не поддерживала ни идею отделения от Испании, ни требование объединения баскских провинций в рамках единого баскского государства. Однако, как и в Шотландии, логика противостояния с центром неуклонно подталкивала их в этом направлении.

Регионалистский проект с самого начала постфранкистского периода рассматривался как наилучшее лекарство от национализма и сепаратизма и как оптимальный способ сохранения Испанского государства. «В отличие от каталонского и баскского национализмов, потенциальных угроз для единства Испании, – пишет Сабальса, – валенсийский и наваррский “антинационализмы” были представлены как гарантии этого единства»¹. Однако в последние годы регионалистский проект все больше и больше теряет свою политическую привлекательность и эффективность. Это доказывает не только история Страны басков или Каталонии с их давними традициями национализма и глубоко укоренившимися оппозиционными настроениями по отношению к Мадриду, но и пример таких прежде лояльных центру регионов, как Наварра и Галисия, в которой левый Галисийский националистический блок в 2020 г. совершил настоящий электоральный прорыв, увеличив почти в три раза долю поданных за него голосов. Давление на Испанское «государство автономий» со стороны разных региональных национализмов все более усиливается, и сейчас оно стоит перед нелегким выбором, поскольку одной из возможных перспектив является или откол от него отдельных регионов, или даже полный его распад.

→ Список литературы / References

Орлов, А.А. *Национализм в истории Каталонии: прошлое и настоящее*. – М.: МГИМО-Университет, 2020. – 550 с.

Orlov, A.A. *Nationalism in the history of Catalonia: past and present*. Moscow: MGIMO-University, 2020. [In Russian]

Хенкин, С.М. «Баскская проблема» как фактор разобщения испанской политики // *Политическая наука*. – 2016. – №1. – С. 124–146.

Khenkin, S.M. "The «Basque problem» as a factor of disunity in the Spanish polity." *Political science*, no. 1 (2016): 124–146. [In Russian]

Andres Martín, Juan Ramón de. *El cisma mellista: historia de una ambición política*. Madrid: Actas, 2000.

Alli Aranguren, Juan Cruz, and Joaquín Gortari Unanua. *La transición política en Navarra. 1975/1982*. Vol. 1–2. Pamplona: Gobierno de Navarra, 2011.

Baxok, Erramun et al. *Identidad y culturas vascas a comienzos del siglo XXI*. San Sebastián: Eusko Ikaskuntza, 2006.

Blinkhorn, Martin. "The Basque Ulster: Navarre and the Basque Autonomy Question under the Spanish Second Republic." *The Historical Journal* 17, no. 3 (1974): 595–613.

Chueca Intxusta, Jesús Pablo. *El nacionalismo vasco en Navarra (1931–1936)*. Bilbao: Universidad del País Vasco, 1999.

Ferrer Muñoz, Manuel et al. "Bases sociales de los partidos políticos en Navarra durante la Segunda República." *Príncipe de Viana* 15 (1993): 431–443.

Granja Sainz, José Luis de la. *Nacionalismo y II República en el País Vasco: Estatutos de autonomía, partidos y elecciones: historia de Acción Nacionalista Vasca: 1930–1936*. Madrid: Siglo Veintiuno, 2008.

Izu Belloso, Miguel José. *Navarra como problema: nación y nacionalismo en Navarra*. Madrid: Biblioteca Nueva, 2001.

Leonisio, Rafael. "Las bases electorales del nacionalismo vasco en Navarra tras las elecciones de mayo de 2015. ¿Cambio o continuidad?" *XII Congreso Español de Ciencia Política y de la Administración*. San Sebastián, 2015.

Linz, Juan et al. *Informe sociológico sobre el cambio político en España, 1975–1981*. Madrid: Editorial Euramerica, 1981.

MacClancy, Jeremy. "The culture of radical Basque nationalism." *Anthropology Today* 4, no. 5 (1988): 17–19.

Mees, Ludger. *Nationalism, Violence and Democracy. The Basque Clash of Identities*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003.

Mees, Ludger. "The Basque Peace Process, Nationalism and Political Violence." In *The Management of Peace Processes*, edited by John Darby, and Roger MacGinty, 154–194. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2000.

Payne, Stanley. "Navarra y el nacionalismo vasco en perspectiva histórica." *Príncipe de Viana* 45, no. 171 (1984): 101–113.

Silva, Milton da. "Modernization and Ethnic Conflict: The Case of the Basques." *Comparative Politics* 7, no. 2 (1975): 227–251.

Velasco y Fernández de la Cuesta, Ladislao de. *Los Euskaros en Álava, Guipúzcoa y Vizcaya: sus orígenes, historia, lengua, leyes y costumbres tradicionales*. Barcelona: Imprenta de Olivares, 1879.

Zabaltza, Xabier. "Towards Hroch's Phase Z: 'anti-nationalism' in Valencia and Navarre (Spain)." *Nations and Nationalism* 25, no. 3 (2019): 888–909.

Artículo de investigación

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-69-83>

Nacionalistas vascos en Navarra: un largo camino hacia el éxito

© I.V. Krivushin, 2022

Ivan V. Krivushin, Dr. habil. (Historia), Investigador principal del área de estudios regionales en el Instituto de Historia Universal afiliado a la Academia de Ciencias de Rusia; Profesor del Departamento de Relaciones Internacionales, Universidad ESE, Moscú (Rusia)
Para la correspondencia: 119017, Rusia, Moscú, calle Malaya Ordynka, 17

E-mail: ivankrivushin@gmail.com

Recibido: 29.01.2022

Revisado: 26.02.2022

Aceptado: 10.03.2022

Para citar: Krivushin I.V. Nacionalistas vascos en Navarra: un largo camino hacia el éxito. *Cuadernos Iberoamericanos* 10, no. 1 (2022): 69–83. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-69-83>.

→ Resumen

El autor identifica las principales etapas del desarrollo histórico del nacionalismo vasco en Navarra y su oposición a las diversas formas de regionalismo local (fuerrismo, carlismo y navarrismo) desde principios del siglo XX hasta la actualidad. El autor también destaca los rasgos del desarrollo del nacionalismo en comparación con la evolución de esta ideología, basándose en otros ejemplos en

territorios vascos. Por otro lado, se da un análisis de las estadísticas electorales existentes, como también los resultados de diversas encuestas de opinión pública que muestran el período posfranquista, la versión tradicional centrista y la versión católica del nacionalismo vasco, representada por el Partido Nacionalista Vasco, cabe recalcar que fue relegada a un segundo plano por su versión de izquierda y secular ("Eri Batasuna", "Batsarre", "Aralar", etc.). El autor destaca la última década donde los nacionalistas vascos han logrado ampliar significativamente su influencia entre los grupos sociales que, a su vez, no comparten las ideas del separatismo y el nacionalismo. El éxito de tal expansión se debió, por un lado, a las nuevas tácticas electorales de los nacionalistas vascos (formación de dos coaliciones de centro – izquierda) y, por otro, al creciente descontento de los votantes con las autoridades centrales y regionales durante la crisis financiera de 2008-2014, así como el progresivo aumento de la popularidad del euskera y el fortalecimiento de la identidad vasca en Navarra. El reforzamiento de los separatistas en Navarra, junto con el crecimiento gradual de su popularidad en Galicia, hace que crezca el riesgo de aumentar el número de regiones separatistas en España, planteando un serio desafío a todas sus Comunidades Autónomas.

→ Palabras clave

Navarra, nacionalistas vascos, carlistas, fuerismo, regionalistas, navarrismo

Financiamiento: El artículo ha sido realizado con el apoyo financiero de la Fundación Rusa de Investigación Fundamental (RFBR) en el marco del proyecto científico "Política Regional de la Unión Europea como factor en las tendencias rotatorias en España," N° 20-314-90001.

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Международные отношения • Relaciones internacionales

Исследовательская статья

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-84-98>

Аргентино-бразильские противоречия как фактор дезинтеграции в Южной Америке

© А.Д. Щербакова, 2022

Щербакова Анна Дмитриевна, к.полит.н., старший научный сотрудник Центра политических исследований ИЛА РАН; доцент факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва (Россия)
Для корреспонденции: 115035, Россия, Москва, ул. Большая Ордынка, 21

E-mail: anna_scherbakova@list.ru

Статья поступила в редакцию: 31.01.2022

Доработана после рецензирования: 27.02.2022

Принята к публикации: 06.03.2022

Для цитирования: Щербакова А.Д. Аргентино-бразильские противоречия как фактор дезинтеграции в Южной Америке. *Ибероамериканские тетради*. 2022, 10(1): 84–98. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-84-98>.

→ Аннотация

В начале XXI в. международные отношения в Южной Америке продолжают развиваться в парадигме регионализации, проявляющейся в появлении на континенте множества государственных или общественных объединений, связанных друг с другом не только географически, но и функционально. Параллельно на характер региональных связей напрямую или опосредованно воздействуют тренды фрагментации и поляризации, ставшие результатами кризиса латиноамериканского мультилатерализма и политической гетерогенности, утвердившейся по результатам очередного электорального цикла. В этом контексте и с учетом степени влияния этих стран на региональные дела, особого внимания заслуживает анализ актуального состояния отношений между Аргентиной и Бразилией, характеризующихся полярными позициями по целому кругу вопросов. В качестве основного методологического инструмента для исследования сложившейся внешнеполитической ситуации автором был выбран системный подход к анализу международных отношений. Это, в свою очередь, позволило автору данной статьи рассматривать Южную Америку в качестве региональной подсистемы, в рамках которой политические системы и режимы конкурируют в том числе и за выбор вектора субрегионального развития. В статье подчеркивается, что на современном этапе аргентино-бразильские противоречия подпитывают и усиливают политико-идеологическую

гетерогенность всего южноамериканского континента. Кроме того, автор приводит в пример различные видение форматов и векторов развития, существующих интеграционных объединений и субрегиональных организаций в Южной Америке. По мнению автора, действия правительств Альберто Фернандеса и Жаира Болсонару затрудняют реализацию всех необходимых мер и сформулированных стратегических целей, а также усложняют определение траектории дальнейшего развития для государств Латинской Америки.

→ Ключевые слова

Аргентино-бразильские отношения, региональная интеграция, дезинтеграция, поляризация, идеологизация, УНАСУР, Меркосур

Финансирование: Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках гранта 20-014-00023А «Трансформация региональных моделей международных отношений в Западном полушарии».

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциально-го конфликта интересов.

Research article

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-84-98>

Argentine–Brazilian contradictions as a factor of disintegration in South America

© A.D. Shcherbakova, 2022

Anna D. Shcherbakova, PhD (Politics), Senior Research Fellow, Political Research Center, ILA RAS; Associate Professor, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow (Russia)
For correspondence: 115035, Russia, Moscow, Bolshaya Ordynka St., 21

E-mail: anna_scherbakova@list.ru

Received: 31.01.2022

Revised: 27.02.2022

Accepted: 06.03.2022

For citation: Shcherbakova A.D. Argentine–Brazilian contradictions as a factor of disintegration in South America. *Cuadernos Iberoamericanos* 10, no. 1 (2022): 84–98. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-84-98>.

→ Abstract

At the beginning of the 21st century, international relations in South America are developing in a paradigm of regionalization, manifested in emergence of multiple social associations on the continent, linked

to each other not only geographically but also functionally. In parallel, trends of fragmentation and polarization, resulting from the crisis of Latin American multilateralism and from political heterogeneity established by the results of the next electoral period, are directly or indirectly influencing the nature of regional relations. In this context, and given their impact on regional affairs, the analysis of the current state of relations between Argentina and Brazil, characterized by polarized positions on a range of issues, deserves particular attention. The author chose a systemic approach to the analysis of international relations and the current foreign policy situation as the main methodological tool to achieve the goal of research. This, in turn, allowed the author of this article to consider South America as a regional subsystem, within which political systems and regimes compete, including for the choice of the vector of sub-regional development. The article demonstrates that recently the Argentine–Brazilian contradictions have fueled and strengthened political and ideological heterogeneity of the whole South American continent. In addition, the author cites different visions of formats and vectors of integration development of associations and subregional organizations in South America. According to the author, the actions of the governments of Alberto Fernández and Jair Bolsonaro make it quite difficult to implement and put in practice the necessary measures and formulated strategic goals, as well as to determine the vector of future development for Latin American states.

→ Keywords

Argentine–Brazilian relations, regional integration, disintegration, polarization, ideologization, UNASUR, Mercosur

Funding: The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), the project “Transformation of regional models of International relations in the Western Hemisphere” (No. 20-014-00023/20).

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Учитывая глубину и степень взаимозависимости современного мира, авторитетный российский политолог М.М. Лебедева выделила основные мегатренды современности – глобализацию, интеграцию, демократизацию – и соответствующие им контртренды – деглобализацию, дезинтеграцию и дедемократизацию¹, – один из которых, а именно дезинтеграция, по нашему мнению, в значительной степени определяет состояние и характер региональных связей в Южной Америке в начале третьего десятилетия наступившего века.

По мнению другого российского исследователя Д.А. Кузнецова, с которым трудно не согласиться, в Латинской Америке мегатренд дезинтеграции проявляется в кризисе или распаде существующих объединений, различных подходах к базовым принципам интеграции, а также слабой устойчивости созданных многосторонних институтов перед внутривнутриполитическими вызовами². Так, после массового исхода государств-членов, ставшего результатом их неоднозначной позиции по отношению к кризису в Венесуэле, в 2019 г. фактически перестал существовать Союз южноамериканских наций (Unión de Naciones Suramericanas, UNASUR); выход Бразилии в январе 2020 г.

серьезно ослабил Сообщество государств Латинской Америки и Карибского бассейна (Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC), а ситуация в Общем рынке стран Южного конуса (Mercado Común del Sur, Mercosur) значительно осложнилась после прихода к власти в 2019 г. в Бразилии крайне правого политика Жаира Болсонару и представителя левоцентристского «Фронта для всех» (Frente de todos) Альберто Фернандеса в Аргентине.

Проблема фрагментации региона в контексте стагнации существующих интеграционных объединений достаточно широко освещается в работах латиноамериканских исследователей. Большинство из них считают ее проявлением кризиса латиноамериканского регионализма и многосторонности¹, который неизбежно осложняет функционирование действующих региональных институтов. Причины этого видятся учеными не только в политике правительств отдельных стран, направленной на защиту собственных интересов и суверенитета, что в случае Бразилии и Венесуэлы выражалось среди прочего в реализации собственных интеграционных проектов, но и в идеологизации межгосударственных отношений, ставшей еще одним обстоятельством, влияющим на расстановку сил.

Политическую поляризацию, утвердившуюся на континенте по итогам electoralного цикла 2014–2018² и суперцикла 2017–2019 гг.³, стоит считать актуальным контекстом и одновременно фактором, усиливающим дезинтеграционное начало. Политико-идеологическая гетерогенность Южной Америки, ныне с трудом укладывающейся в рамки левого или правого «поворотов», неизбежно влияет на характер и пределы межгосударственного взаимодействия. Об этом свидетельствуют, в частности, отказ в легитимности старейшей в Западном полушарии Организации американских государств (Organization of American States, OAS) со стороны аргентинского и парагвайского лидеров, а также неспособность правительств стран региона выдвинуть единого кандидата на пост президента Межамериканского банка развития (Inter-American Development Bank, IADB). По мнению экспертов, это позволило США отойти от негласной традиции «резервирования» должности для представителя латиноамериканского региона и назначить на нее чиновника Министерства финансов США Маурисио Клавер-Кароне (он занял эту должность в октябре 2020 г.)⁴. Кроме того, успех инициативы тогдашнего президента США Дональда Трампа по выдвижению собственного кандидата во многом оказался возможным благодаря снятию Бразилией «своей» кандидатуры⁵.

Фактически противоположные позиции Буэнос-Айреса и Бразилиа по этому вопросу стали очередным подтверждением политико-идеологического раскола между двумя странами. После прихода к власти президент Болсонару изначально подчеркивал необходимость деидеологизации национальной внешней политики для нивелирования «наследия» правившей в течение 13 лет (2003–2016 гг.) левой Партии трудящихся, которое, по его мнению, противоречило интересам страны⁶. Однако в контексте обозначенной выше политической поляризации региона этот своего рода ревизионизм парадоксальным образом усилил роль идеологии в международном поведении Бразилии. Наиболее показательной в этом плане выглядит смена ее курса в отношениях с Аргентиной.

1 Quitral and Riquelme 2020.

2 См.: Ивановский 2019.

3 См.: Яковлева 2018.

4 Oliver Stuenkel, "The Peril of a Rudderless Continent," *Americas Quarterly*, October 29, 2020, <https://americasquarterly.org/article/the-peril-of-a-rudderless-continent/>.

5 Marcia Carmo, "Bolsonaro vs Fernández: cómo la pandemia de coronavirus agravó la brecha entre los presidentes de Brasil y Argentina, las dos principales economías de América del Sur," Universidad Torcuato di Tella Departamento de Ciencia Política y Estudios Internacionales, accessed January 8, 2022, https://www.utdt.edu/nota_prensa.php?id_notas_prensa=18509&id_item_menu=442.

6 Costa Vaz and Soares Nogara 2020, 251.

Взаимодействие с соседней страной после обоюдного отказа от соперничества за лидерство развивалось в формате стратегического партнерства, центристской силой которого десятилетиями выступала экономическая взаимозависимость – еще одно обстоятельство, вес которого в отношениях между странами заметно снизился. Так, уже в первой половине 2019 г. двусторонняя торговля сократилась на 40%. При этом аргентинский импорт из Бразилии вырос до 21%, но на закупки Бразилией аргентинских товаров и услуг стало приходиться только 4,7% от общего объема импорта страны, что за тот же период в 2018 г. составляло 7,7%¹.

В этом смысле неудивительно, что победу Фернандеса на президентских выборах в соседней стране в октябре 2019 г. бразильский лидер назвал «неправильным выбором», заявив, что «готовится к худшему»², опасаясь, по-видимому, смены экономического курса по сравнению с политикой технократа и сторонника неолиберальных мер Маурисио Макри, занимавшего Розовый дом в 2015–2019 годах. Российские исследователи Л.С. Хейфец и К.А. Коновалова эту разницу подходов объясняют влиянием на обоих лидеров «сил с диаметрально противоположными интересами», в результате которого Бразилия, управляемая крайне правыми, взяла курс на «открытие» и транснационализацию своей экономики, а нынешние левые власти Аргентины, недавно пережившие очередной неолиберальный эксперимент, делают ставку на поддержку национальной промышленности, требующей более активного участия государства в экономике и принятия протекционистских мер³.

Наглядным выражением стремления президента Болсонару к дистанцированию стало его едва ли не демонстративное отсутствие на инаугурации своего аргентинского коллеги. Впервые за 17 лет на церемонии вступления в должность лидера соседней страны Бразилию представлял не сам глава государства, а его официальный представитель – вице-президент Амилтон Моуран⁴. Этот факт в сочетании с присутствием на инаугурации президента Кубы Мигеля Диас-Канеля, по мнению наблюдателей, обозначил приоритеты нового аргентинского лидера во внешней политике, еще заметнее отдалившие соседние государства⁵. Подтверждением этому может служить и то, что действующие президенты двух стран возглавляют созданные в регионе неформальные группировки полярной направленности. Лидером первой из них, объединяющей правые и правоцентристские правительства Гондураса, Гватемалы, Колумбии, Перу, Сальвадора, Чили и Эквадора, выступает Бразилия. Вторую же, тяготеющую к образованной в 2019 г. левой Группе Пуэбла, возглавляют Аргентина и Мексика⁶.

Еще одним неформальным объединением, деятельность которого подпитывает разногласия в отношениях между главами двух государств, является т.н. Международный комитет за свободу Лулы, созданный сторонниками Инасиу Лулы да Силва, лидера бразильской Партии трудящихся и президента страны в 2003–2010 гг., когда тот находился в

1 Esteban Actis, "El final de una alianza estratégica," Nueva Sociedad, accessed January 10, 2022, <https://nuso.org/articulo/alberto-fernandez-bolsonaro-crisis-bilateral-izquierda-derecha/>.

2 "El presidente de Brasil indicó sin embargo que no "piensa romper las relaciones" bilaterales, pero espera que el mandatario electo continúe las políticas económicas de Mauricio Macri," *Infobae América*, October 29, 2019, <https://www.infobae.com/america/america-latina/2019/10/29/jair-bolsonaro-sobre-el-triunfo-de-alberto-fernandez-en-la-argentina-nos-preparamos-para-lo-peor/>.

3 Jéfets and Konoválova 2021, 205–206.

4 "Brazil's Bolsonaro backtracks on Argentine inauguration," *AP News*, December 10, 2019, <https://apnews.com/article/a944e2a600da8cdcfbfeead634da43d1>.

5 Viridiana Mendoza Escamilla, "Alberto Fernández asume presidencia argentina con el desafío de encarrilar la economía," *Forbes México*, December 10, 2019, <https://www.forbes.com.mx/alberto-fernandez-asume-presidencia-argentina-con-el-desafio-de-encarrilar-la-economia/>.

6 Косевич 2020, 40–41.

заклучении по результатам расследования т.н. «Операции Автомойка»¹. Да Силва был приговорен к восьми годам и десяти месяцам заключения, но восстановлен в политических правах постановлением Верховного федерального суда в марте 2021 г. А. Фернандес был активным участником Комитета за свободу Лулы да Силва. Во время своей поездки в Ватикан в мае 2021 г. он просил посредничества Папы Франциска, а также посещал знаменитого узника в Управлении федеральной полиции². Более того, о необходимости скорейшего освобождения Лулы он говорил, даже выступая перед своими сторонниками 27 октября 2019 г., когда стало известно о его победе на президентских выборах. Не исключено, что именно этим и объяснялось нежелание Болсонару поздравить вновь избранного аргентинского президента³. Его недовольство вызывала не только популярность Лулы да Силва, которого многие в стране и за ее пределами воспринимали как кандидата, способного составить реальную конкуренцию действующему главе государства на президентских выборах 2022 г., но и критика. Он неоднократно выступал против политики нынешнего президента. В своих выступлениях он подчеркивал отсутствие экономической поддержки со стороны правительства в отношении беднейшего населения для смягчения издержек кризиса, вызванного пандемией COVID-19⁴.

Распространение нового коронавируса, обнаруженного в Латинской Америке в конце февраля 2020 г., стало испытанием на прочность не только национальных систем здравоохранения и социального обеспечения, но и действующих на разных уровнях механизмов сотрудничества. Меры, предпринимаемые правительствами Аргентины и Бразилии в борьбе с пандемией, характеризовались полярными подходами к целому кругу вопросов. Это неизбежно ограничивало их возможности совместного противодействия общей угрозе и серьезно осложняло двусторонние связи на разных уровнях и в различных форматах.

Прежде всего, лидеры двух стран изначально по-разному оценивали риски распространения эпидемии. Альберто Фернандес, вступивший в должность лишь за несколько месяцев до первого зарегистрированного в стране случая заболевания, был вынужден сфокусировать усилия своего правительства на преодолении экономического кризиса, переговорах с международными кредиторами, снижении инфляции и безработицы⁵. Несмотря на столь сложный внутренний контекст, в конце марта 2020 г. он заявил, что, столкнувшись с дилеммой сохранения экономики или жизни, без сомнения выбирает жизнь⁶, ведь «можно оправиться от падения ВВП, но нельзя – от смерти»⁷.

В результате меньше чем через две недели после объявления о первом случае заражения в Аргентине президент принимает решение о закрытии страны для нерезидентов и последующем введении общенационального карантина. Правительственная

1 "Qué es Lava Jato, el escándalo por el que investigan a Efromovich," *El Tiempo*, August 19, 2020, <https://www.eltiempo.com/mundo/latinoamerica/que-es-lava-jato-el-escandalo-por-el-que-investigacion-a-efromovich-530940>.

2 "Alberto Fernández le envió un mensaje personal a Lula da Silva después de oír su discurso frente a la cárcel," *Infobae América*, November 8, 2019, <https://www.infobae.com/politica/2019/11/08/alberto-fernandez-le-envio-un-mensaje-personal-a-lula-da-silva-despues-de-oir-su-discurso-frente-a-la-carcel/>.

3 "Querido amigo...: la carta de Lula da Silva a Alberto Fernández desde la cárcel," *Perfil*, October 29, 2019, <https://www.perfil.com/noticias/politica/querido-amigo-la-carta-de-lula-da-silva-a-alberto-fernandez-desde-la-carcel-brasil.phtml>.

4 Dario Pignotti, "Lula con derechos políticos, Brasil otro país," *Página 12*, March 11, 2021, <https://www.pagina12.com.ar/328777-lula-con-derechos-politicos-brasil-otro-pais>.

5 Mark P. Jones, "Alberto Fernández and the Pandemic: From Co-president of Half of Argentines to President of All," Centre for Strategic & International Studies, accessed January 11, 2022, <https://www.csis.org/analysis/alberto-fernandez-and-pandemic-co-president-half-argentinians-president-all>.

6 "Vidas o la economía? Presidente argentino dice prioridad es enfrentar virus," *Reuters*, March 26, 2020, <https://www.reuters.com/article/salud-argentina-coronavirus-idLTAKBN21D386>.

7 Fernando Cibeira, "Alberto Fernández: De la economía se vuelve, de las muertes no," *Página 12*, April 3, 2020, <https://www.pagina12.com.ar/256235-alberto-fernandez-de-la-economia-se-vuelve-de-las-muertes-no>.

стратегия по сдерживанию распространения вируса включала как подготовку национальной системы здравоохранения в соответствии с рекомендациями Всемирной организации здравоохранения (World Health Organization, WHO) и ее панамериканского отделения при расширении масштабов тестирования, так и усиление мер социальной защиты с целью уменьшения социально-экономических издержек для населения¹.

При этом особое внимание уделялось выстраиванию эффективного механизма коммуникации между властью в лице президента и правительства, с одной стороны, и обществом, с другой, а также между федеральным центром и регионами. Так, несмотря на достаточно широкие полномочия субъектов аргентинской федерации, объявленный карантин должен был действовать по всей стране, а решения президента стали обязательными к исполнению губернаторами и мэрами вне зависимости от их политических предпочтений. В то же время, поскольку ведущую роль в политике на субнациональном уровне играют именно губернаторы, это делает их своего рода посредниками или проводниками в реализации принимаемых в Розовом доме решений. Именно поэтому глава исполнительной власти стремился к достижению политического консенсуса в стране в условиях «чрезвычайной ситуации санитарно-эпидемиологического характера». Для этого он много внимания уделял продвижению форматов более «гибкой» социальной изоляции в зависимости от специфики каждого города или провинции (числа подтвержденных случаев заболевания, состояния инфраструктуры в сфере здравоохранения, характера развития местной экономики)².

В соседней Бразилии, в которой и был зарегистрирован первый случай коронавируса в регионе, реализовывалась содержательно противоположная стратегия, «лицом» которой стал сам президент, оказавшийся ярким противником ограничительных мер. В то время как в Аргентине действовал карантин, замедливший, если не прекративший вовсе социальную жизнь, Болсонару продолжал участвовать в проправительственных демонстрациях, пожимая руки и обнимая своих сторонников, и не отказывался от празднования своего дня рождения со множеством приглашенных. «Это истерия. Некоторые люди умрут. Но мы не собираемся останавливать экономику», – так он тогда объяснял отсутствие ограничительных мер³.

Подобная позиция главы исполнительной власти, убеждавшего граждан в отсутствии необходимости соблюдения мер по предотвращению распространения коронавируса (социального дистанцирования, ношения масок) и распространявшего, по мнению представителей американской неправительственной организации «Human Rights Watch», «вводящую в заблуждение информацию» о пандемии, неоднократно подвергалась критике внутри страны и за ее пределами. Так, подавляющее большинство губернаторов (25 из 27) даже решили сохранить действовавшие на уровне штатов ограничения, несмотря на призывы президента положить конец карантину⁴. С резкой критикой политики президента и правительства выступало и бразильское академическое сообщество, считая демонстративное несоблюдение рядом представителей власти научно обоснованных рекомендаций, отказ от введения общенациональных ограничений и распространение дезинформации о протекании болезни в стране причинами углубления кризиса в сфере здравоохранения,

1 "Argentina: There is no economy without health," World Health Organization, accessed January 11, 2022, <https://www.who.int/news-room/feature-stories/detail/argentina-there-is-no-economy-without-health>.

2 Fernández 2020, 110–111.

3 Ernesto Tenenbaum, "Fernández y Bolsonaro: dos miradas sobre un mismo virus. Las diferencias estratégicas de Argentina y Brasil contra la pandemia son evidencia del dilema entre proteger la salud o la economía," *El País*, March 26, 2020, https://elpais.com/elpais/2020/03/26/opinion/1585242045_988957.html.

4 "Brazil: Bolsonaro Sabotages Anti-Covid-19 Efforts," Human Rights Watch, accessed January 12, 2022, <https://www.hrw.org/news/2020/04/10/brazil-bolsonaro-sabotages-anti-covid-19-efforts>.

вызванного коронавирусом. В качестве способа по возможности нивелировать это негативное воздействие ученые старались чаще выступать публично, в том числе на телевидении, продвигая проверенные способы лечения и сдерживания пандемии.

Принадлежность действующих лидеров Аргентины и Бразилии к разным идеологическим лагерям в сочетании с полярными внутри- и внешнеполитическими приоритетами неизбежно проецируется на международные отношения в Южной Америке – от выбора союзников и партнеров до характера участия в формировании регионального пространства. По нашему мнению, именно по этим линиям проходит очевидное размежевание между Буэнос-Айресом и Бразилией. Как отмечает большинство наблюдателей, важной целью правительства А. Фернандеса в регионе стало если не «возрождение боливарианской мечты» вместе с Мексикой и Венесуэлой¹, то формирование в регионе прогрессистского или антинеолиберального полюса влияния² в противоположность созданной в 2017 г. Группе Лима³ посредством модернизации существующих региональных организаций (прежде всего CELAC и UNASUR) с опорой на поддержку левых президентов Мексики и Боливии Андреса Мануэля Лопеса Обрадора и Луиса Арсе, соответственно.

Внешняя политика крайне правого правительства Болсонару, напротив, определяется концепциями, исключающими латиноамериканский регион из числа его приоритетов, – американизма и деамериканизации. Первая, по мнению аргентинского политолога Алехандро Френкеля, является постоянным элементом бразильской дипломатической традиции, основным принципом которой было и остается стремление к установлению привилегированных отношений с США. Вторая же, появившаяся во времена Империи, подразумевает дистанцирование страны от соседей по региону. В интерпретации действующего президента, воспринимающего Южную Америку как пространство, в рамках которого «базовые» ценности общества – свобода, семья и общий рынок – находятся в опасности, ее реализация принимает зачастую довольно радикальные формы, одной из которых стало отношение к левым движениям и режимам как к угрозе «базовым» ценностям⁴.

В этом ключе (и в фарватере Вашингтона) совершенно логичной выглядит позиция Дворца Плантадо в отношении боливарианской Венесуэлы. Нынешнее бразильское правительство (в отличие от левых правительств Лулы и Д. Руссефф) находится в открытой оппозиции режиму Н. Мадуро, выступая за его политическую и экономическую изоляцию⁵. В начале марта 2020 г. Болсонару посетил Флориду (США), где был принят тогдашним хозяином Белого дома Дональдом Трампом. Лидеры двух стран подтвердили тогда свою поддержку самопровозглашенного исполняющего обязанности президента Венесуэлы Хуана Гуайдо и Национальной ассамблеи Венесуэлы. При этом, наряду с декларациями о солидарности с глобальной повесткой в области прав человека, в нарушении которых обвиняют режим Мадуро его политические оппоненты, и о поддержке венесуэльских беженцев⁶, Бразилия начала реализацию программ помощи тем из них, кто находится в стране, и в этом она тоже действует совместно с США. С 2017-го финансового года Бра-

1 Martín Dinatale, "Alberto Fernández busca atenuar la influencia de la OEA e incorporar a Bolivia como miembro pleno del Mercosur," *Infobae América*, October 25, 2020, <https://www.infobae.com/politica/2020/10/25/alberto-fernandez-busca-atenuar-la-influencia-de-la-oea-e-incorporar-a-bolivia-como-miembro-pleno-del-mercosur/>.

2 Francesco Manetto, and Georgina Zerega, "México y Argentina sellan un nuevo eje progresista en América Latina," *El País*, February 24, 2021, <https://elpais.com/mexico/2021-02-24/mexico-y-argentina-sellan-un-nuevo-eje-progresista-en-america-latina.html>.

3 "Qué es el Grupo de Lima?," *La Nación*, March 24, 2021, <https://www.lanacion.com.ar/el-mundo/que-es-grupo-lima-nid2208049/>.

4 Alejandro Frenkel, "El mundo según Bolsonaro," *Nueva Sociedad*, accessed January 13, 2022, <https://www.nuso.org/articulo/el-mundo-segun-bolsonaro/>.

5 Costa Vaz and Soares Nogara 2020, 255.

6 Rosa Tania Valdés, "Bolsonaro reitera a la ONU compromiso con venezolanos desplazados por la dictadura," *Voz de América*, September 22, 2020, https://www.vozdeamerica.com/a/america-latina_onu-jair-bolsonaro-refugiados-venezolanos-brasil-compromiso/6068110.html.

зилия получила от США 46 млн долл. на создание условий для прибывших венесуэльцев. С января 2020 г. к бразильской программе помощи подключились Агентство международного развития (USAID) и Международная организация по миграции (МОМ) с проектом экономической интеграции уязвимых граждан из Венесуэлы (Economic Integration of Vulnerable Nationals from Venezuela), подразумевающим выделение еще 4 млн долл. в дополнение к 15 млн, ранее выделенным USAID на гуманитарную помощь венесуэльцам в Бразилии¹.

Позиция же правительства А. Фернандеса в отношении системного кризиса в Венесуэле и путей выхода из него представляется в значительной степени идеологизированной, что подтверждается выходом Аргентинской Республики из Группы Лима в марте 2021 г. Нынешнее правительство, в отличие от предыдущего, стоявшего у истоков ее создания, посчитало, что предпринятые Группой действия успеха не имели и были направлены на «изоляцию» правительства Н. Мадуро, а участие венесуэльской оппозиции в качестве полноправного ее члена привело к принятию решений, которые действующее правительство поддержать не могло². Смена курса Розового дома в этом вопросе выглядит закономерной, поскольку Группа Лима появилась в разгар т.н. «правого поворота» на континенте, что сделало ее состав идеологически гомогенным и повлияло на характер ее предложений по урегулированию венесуэльского кризиса³. При этом региональная повестка Группы, по сути, венесуэльским вопросом и ограничивалась, что объяснялось, по мнению аргентинского исследователя Анабеллы Буссо, невысоким местом региона среди внешнеполитических приоритетов ее стран-участниц⁴. Примечательно, что сам А. Фернандес идеологизированным объединением считал именно Группу Лима, создание которой, по его мнению, было направлено против уже существовавшего Союза южноамериканских наций (UNASUR), одним из инициаторов формирования которого в 2004 г., в русле «левого поворота», было правительство Лулы да Силва. При этом действующий президент Аргентины отрицал наличие идеологического компонента в деятельности Союза, апеллируя к его политической гетерогенности, позволявшей взаимодействовать находившимся тогда у власти левым правительствам Уругвая и Аргентины с правыми режимами Чили и Колумбии⁵. В связи с этим нынешний хозяин Розового дома неоднократно призывал «перезапустить» UNASUR, называя его «лучшим выбором» для Латинской Америки и платформой для совместного решения стоящих перед регионом проблем⁶.

Что касается позиции Бразилии в вопросе региональной интеграции, она кардинально изменилась в 2016 г. в результате смены режима, последовавшей за отставкой премьерницы Лулы да Силва Д. Руссефф, руководившей страной в 2011–2016 гг. Пришедшее ей на смену правительство М. Темера (2016–2018 гг.) не демонстрировало заинтересованности в региональных проектах по линии Юг–Юг⁷, что получило еще более наглядное воплощение

1 Silvinia Romano, and Tamara Lajtmán, "Brasil for sale: Bolsonaro y Estados Unidos," Centro Estratégico Latinoamericano de Geopolítica, accessed January 13, 2022, <https://www.celag.org/brasil-for-sale-bolsonaro-y-estados-unidos/>.

2 "La Argentina se retiró formalmente del Grupo de Lima," *Página 12*, March 25, 2021, <https://www.pagina12.com.ar/331535-la-argentina-se-retiro-formalmente-del-grupo-de-lima>.

3 Caetano and Pose 2020.

4 Anabella Busso, "El Grupo de Lima: entre las fallas de origen y la salida de Argentina," *Nueva Sociedad*, accessed January 13, 2022, <https://nuso.org/articulo/el-grupo-de-lima-entre-las-fallas-de-origen-y-el-retiro-de-argentina/>.

5 "Entrevista al Presidente de la Nación, Alberto Fernández, en Habrá Consecuencias, El Destape Radio," Casa Rosada Presidencia, accessed January 14, 2022, <https://www.casarosada.gob.ar/informacion/conferencias/47373-entrevista-al-presidente-de-la-nacion-alberto-fernandez-en-habra-consecuencias-el-destape-radio>.

6 "Alberto Fernández llamó a reconstruir la Unasur: "Es lo que más le conviene a América Latina", *Página 12*, October 21, 2020, <https://www.pagina12.com.ar/300680-alberto-fernandez-llamo-a-reconstruir-la-unasur-es-lo-que-ma>.

7 Amílcar Salas Oroño, and Georgette Ramírez Kuri, "Anulación de las sentencias contra Lula: impacto en Brasil y la región," Centro Estratégico Latinoamericano de Geopolítica, accessed January 14, 2022, <https://www.celag.org/anulacion-de-las-sentencias-contra-lula-impacto-en-brasil-y-la-region/>.

в курсе нынешнего главы государства, активно лоббировавшего замену UNASUR, который Бразилия официально покинула в апреле 2019 г. По мнению ряда латиноамериканских исследователей, это решение правительства Болсонару крайне негативно отразилось на перспективах блока, выступавшего эффективным механизмом кризисного урегулирования в регионе¹. Альтернативой UNASUR, по мнению нынешнего бразильского руководства, мог стать Форум за прогресс Южной Америки (Foro para el Progreso de América del Sur, PROSUR)², появившийся в марте 2019 г. по инициативе правительств Колумбии и Чили. При этом ряд исследователей считает участие Бразилии в PROSUR (без особого, впрочем, энтузиазма) проявлением снижения ее роли в региональных делах: начиная с проекта Южноамериканской зоны свободной торговли (América del Sur Área de Libre Comercio, ALCSA), предложенного в 1994 г. тогдашним главой государства Итамаром Франко в качестве противовеса Зоне свободной торговли «от Аляски до Огненной земли», продвигавшейся Вашингтоном, все последующие инициативы, направленные на консолидацию Южной Америки в экономической и политической сферах, выдвигались Бразилией³.

Еще одной «жертвой» ее изменившихся приоритетов может стать Mercosur – субрегиональное экономическое объединение стран бассейна Ла-Платы. Примечательно, что его создание в 1991 г. во многом стало возможным благодаря политической воле именно аргентинского и бразильского руководства и обоюдной готовности развивать отношения друг с другом и с соседними странами на качественно иной основе. В настоящее же время интеграционный блок, лишь недавно ставший таможенным союзом, находится в очередной точке бифуркации – в том числе из-за различного видения перспектив двустороннего и многостороннего сотрудничества действующих правительств Аргентины и Бразилии. Отметим, что в данном случае их идеологические расхождения явно второстепенны по сравнению с по-разному понимаемыми национальными интересами.

Так, критикуя Mercosur за излишнюю идеологизированность, Болсонару, в отличие от своих предшественников, не видит в организации потенциала и возможностей для роста, отдавая предпочтение выстраиванию двусторонних отношений с внерегиональными партнерами. Курс на перемены был обозначен нынешним бразильским лидером сразу после вступления в должность заявлением о необходимости пересмотра внешних тарифов и более гибких условий для ведения торговых переговоров странами-участницами⁴. О необходимости «модернизации» Mercosur в том же ключе говорил министр экономики Бразилии Пауло Гедес, имея в виду снижение единого внешнего тарифа (EBT) на 10% для стимуляции импорта, а также разрешение членам объединения вести переговоры и заключать соглашения с третьими странами или интеграционными объединениями на индивидуальной, а не совместной основе⁵. По мнению исследователей, принятие этих изменений может осложнить функционирование таможенного союза в блоке, де-факто снова сделав его зоной свободной торговли⁶.

Подобный подход, действительно, может означать трансформацию объединения, поскольку расходится с одним из основополагающих принципов Mercosur, зафиксиро-

1 Costa Vaz and Soares Nogarara 2020, 255.

2 См.: Пятаков 2020.

3 Alejandro Frenkel, "Prosur: el último Frankenstein de la integración sudamericana," Nueva Sociedad, accessed January 16, 2022, <https://www.nuso.org/articulo/prosur-integracion-america-latina-derecha-alianza/>.

4 Florencia Carbone, "Bolsonaro adelantó los ejes de la presidencia pro tēpore de Brasil," Trade News, July 12, 2021, <https://tradenews.com.ar/bolsonaro-adelanto-los-ejes-de-la-presidencia-pro-tempore-de-brasil/>.

5 "Brasil advirtió a la Argentina por el Mercosur: "Quien esté incómodo, que se retire," Perfil, September 28, 2021, <https://www.perfil.com/noticias/internacional/brasil-advirtio-argentina-modernizacion-mercosur-quien-este-incomodo-que-se-retire.phtml>.

6 Alejandro Frenkel, "El mundo según Bolsonaro," Nueva Sociedad, accessed January 16, 2022, <https://www.nuso.org/articulo/el-mundo-segun-bolsonaro/>.

рованным в его Уставе, статья 1 Главы 1 которого требует согласования макроэкономической политики государств-участников, координации их позиций на региональных и международных торгово-экономических форумах, а также установления единого внешнего тарифа и общей торговой политики в отношении третьих стран или групп стран¹. С одной стороны, по-видимому, расширение полномочий национальных правительств в области торговой политики действительно востребовано, поскольку Уругвай уже также заявил о переходе к двусторонним переговорам, оставаясь при этом полноправным членом организации². С другой, эти заявления Монтевидео и Бразилиа выглядят разрывом с нормами, в соответствии с которыми Mercosur существовал в течение трех десятилетий, а это вызывает жесткую критику со стороны Аргентины в лице действующего президента, у которого предложенные варианты «модернизации» блока, судя по всему, энтузиазма не вызывают³.

А. Фернандес по-прежнему настаивает на соблюдении Асунсьонского договора, ведении совместных переговоров и «уважении консенсуса при принятии решений», остающегося, по его мнению, «наиболее рациональным способом» защиты общих интересов⁴. Комментируя идею о пересмотре ЕВТ, аргентинский лидер говорил о необходимости защиты «наиболее чувствительных» секторов Mercosur «перед лицом более протекционистского и принципиально более агрессивного мира»⁵. Предвидев возражения аргентинской стороны и подчеркивая решимость своего правительства в отношении «модернизации» блока, П. Гедес даже предлагал стране, которая «почувствует себя некомфортно» в новых условиях, покинуть его. Напомним, однако, что членство в Mercosur может быть приостановлено лишь в случае нарушения государством-участником демократических норм, поэтому риторику бразильской стороны, завуалированно или открыто намекавшей на возможность исключения Аргентины из блока, едва ли стоило воспринимать в качестве реальной угрозы⁶.

Тем не менее правительство А. Фернандеса уже согласилось пойти на некоторые шаги в направлении большей открытости объединения и поддержало решение бразильского правительства о снижении ЕВТ Mercosur на 10%, о чем было заявлено в начале октября 2021 г. Уже через месяц – в начале ноября – бразильские министерства экономики и иностранных дел объявили о введении этой меры в одностороннем порядке до 31 декабря 2022 г. без учета исключений, уже действующих в блоке. Ссылалась Бразилиа при этом на положения статьи 50 Договора Монтевидео 1980 г., предусматривающей возможность принятия мер, направленных на охрану жизни и здоровья людей. В СМИ особо подчеркивалось, что снижение тарифов будет применяться только Бразилией и не будет распространяться на «чувствительные» для экономики Аргентины товары, такие как автомобили, автозапчасти, молочные продукты, текстиль, некоторые виды фруктов и игрушки⁷. На очередном сам-

1 "Tratado para La Constitución de un Mercado Común entre La Republica Argentina, La Republica Federativa del Brasil, La Republica del Paraguay y La Republica Oriental del Uruguay," MERCOSUR, accessed January 16, 2022, <https://www.mercosur.int/documento/tratado-asuncion-constitucion-mercado-comun/>.

2 "Uruguay roils Mercosur bloc with search for outside trade deals," *Financial Times*, July 8, 2021, <https://www.ft.com/content/f1047598-912f-48d8-963d-fa2311c6ff7a>.

3 Arévalo Para 2020.

4 Jaime Rosenberg, "Fuerte contrapunto entre Alberto Fernández y Bolsonaro en la cumbre más tensa del Mercosur," *La Nación*, July 8, 2021, <https://www.lanacion.com.ar/politica/alberto-fernandez-abre-una-tensa-cumbre-del-mercador-es-con-mas-integracion-y-no-menos-que-estaremos-nid08072021/>.

5 Florencia Carbone, "Bolsonaro adelantó los ejes de la presidencia pro t  pore de Brasil," *Trade News*, July 12, 2021, <https://tradenews.com.ar/bolsonaro-adelanto-los-ejes-de-la-presidencia-pro-tempore-de-brasil/>.

6 Oliver Stuenkel, "The Trouble Ahead for Argentina-Brazil Ties," *Americas Quarterly*, October 28, 2019, <https://www.americasquarterly.org/article/the-trouble-ahead-for-argentina-brazil-ties/>.

7 "Decisión de Brasil de bajar aranceles sin consenso "refleja necesidad de modernizer" el Mercosur, dice gobierno," *El País*, November 5, 2021, https://www.elpais.com.uy/mundo/brasil-resolvio-reduccion-tarifas-importacion.html?__cf_chl_jschl_tk__=2FPsP1UsROKL_a2o.PkuKt4qyAYwYcDP51FCOpnEKhQ-1639825304-0-gaNycGzNCDO.

мите Mercosur, состоявшемся в середине декабря 2021 г., Болсонару назвал это решение «исключительным и временным», обусловленным экономическими издержками кризиса в стране, вызванного пандемией. Комментируя же изменение позиции Буэнос-Айреса по этому вопросу, его аргентинский коллега назвал ее «продуктивным подходом», нацеленным на сокращение потребляемых ресурсов и сырья, повышение конкурентоспособности страны и большее ее участие в региональных цепочках создания стоимости¹.

По мнению наблюдателей, это соглашение могло стать результатом первой личной встречи двух лидеров на полях саммита «Большой двадцатки», проходившего в Риме в последних числах октября 2021 г., после которой каждый из них записал послание, подтверждавшее намерение сохранять и поддерживать добрососедские и партнерские отношения между странами. Помимо чисто протокольных формальностей, эти послания были восприняты как сигналы смягчения напряженности и даже «изменения политического климата» в двусторонних контактах².

Иронично, что, даже будучи согласованной основными антагонистами, в рамках блока эта мера не была принята по причине отсутствия консенсуса, на который так уповал аргентинский лидер в качестве механизма принятия решений. Уругвай в лице действующего президента Л. Лакалье По ее отклонил, поставив ее в зависимость от поддержки партнерами по блоку внесения изменений в уже упоминавшуюся статью его Устава, запрещающую государствам-членам заключение двусторонних торговых соглашений с третьими странами. Однако текст итогового коммюнике не содержит указаний на готовность трех подписавших его государств к подобным изменениям, в то время как в опубликованном министерствами иностранных дел Аргентины и Бразилии документе утверждается приверженность Буэнос-Айреса, Бразилиа и Асунсьона курсу на пересмотр ЕВТ как основного инструмента укрепления таможенного союза Mercosur и обязательство по достижению четырехстороннего соглашения (с Монтевидео) уже в течение только что начавшегося шестимесячного временного президентства Парагвая в блоке³.

Еще одним пунктом актуальной повестки блока, позиции сторон по которому не совпадают, является присоединение к нему Боливии, в настоящее время возглавляемой левым Луисом Арсе. Ее полноправное членство в Mercosur уже было одобрено парламентами четырех стран из пяти: Аргентины, Венесуэлы (хотя она с 2017 г. лишена всех прав и обязанностей, связанных с ее статусом государства-участника), Парагвая и Уругвая, – но для ратификации Протокола о присоединении к блоку Боливии его еще должен одобрить бразильский Национальный конгресс⁴. Ситуация осложняется, по-видимому, тем, что Болсонару был одним из региональных лидеров, оказавших наибольшую поддержку временному правительству Жаини Аньес после отставки левого радикала Эво Моралеса.

Все это закономерно осложняет и личные контакты между лидерами двух стран, а следовательно, и осуществление т.н. президентской дипломатии в Mercosur. До недавнего времени именно прямые переговоры между главами этих государств в случаях необходимости принятия важных решений или разрешения конфликтов являлись

1 "Cumbre del Mercosur: Alberto Fernández llamó al Mercosur a "priorizar la integración dinámica y competitiva," *Página 12*, December 17, 2021, <https://www.pagina12.com.ar/390024-cumbre-del-mercador-alberto-fernandez-llamo-al-mercador-a-pr>.

2 Pablo Ibáñez, "Cambió el clima político: señales entre Fernández y Bolsonaro por el Mercosur, el FMI y un mega gasoducto," *el DiarioAR*, December 1, 2021, https://www.eldiarioar.com/politica/cambio-clima-politico-senales-fernandez-bolsonaro-mercador-fmi-mega-gasoducto_1_8545343.html.

3 "Uruguay traba acuerdo para revisar el arancel externo del Mercosur," *El Economista*, December 17, 2021, <https://eleconomista.com.ar/economia/uruguay-traba-acuerdo-revisar-arancel-externo-mercador-n48928>.

4 Martín Dinatole, "Alberto Fernández busca atenuar la influencia de la OEA e incorporar a Bolivia como miembro pleno del Mercosur," *Infobae América*, October 25, 2020, <https://www.infobae.com/politica/2020/10/25/alberto-fernandez-busca-atenuar-la-influencia-de-la-oea-e-incorporar-a-bolivia-como-miembro-pleno-del-mercador/>.

действенным инструментом (а по мнению некоторых исследователей, и вовсе основой) функционирования объединения с 1985 г.¹ Однако в нынешних условиях, несмотря на множество актуальных проблем на повестке двусторонних отношений и многостороннего взаимодействия в рамках Mercosur, возможности использования президентской дипломатии серьезно ограничены. После вступления А. Фернандеса в должность он не общался с Ж. Болсонару более полугода, что стало самым длительным периодом охлаждения между лидерами двух стран после их «возвращения» к демократии. Более того, эксперты подчеркивают, что риторика глав соседних государств не была настолько «агрессивной» с XIX в., когда началось их постепенное сближение².

Аргентина и Бразилия – не только крупнейшие южноамериканские экономики, но и государства, в той или иной степени определявшие вектор развития региона на протяжении двух веков его независимой истории. Отказ одного из них – Бразилии – от роли регионального лидера, сопровождающийся переориентацией на расширение взаимодействия с внерегиональными партнерами, в перспективе может способствовать своего рода «переформатированию» регионального пространства: укреплению позиций других региональных держав и росту присутствия и влияния внеполушарных акторов³. Заметный идеологический крен в выборе союзников и партнеров второго – Аргентины – в некотором смысле предрасполагает к сохранению идеологизации региональных дел и, как следствие, закреплению политической гетерогенности Южной Америки.

→ Список литературы / References

- Ивановский, З.В. Политическая поляризация в Латинской Америке // *Свободная мысль*. – 2019. – №1. – С. 149–168.
- Iwanowski, Z.W. "Political polarization in Latin America." *Svobodnaja mysl'* 1 (2019): 149–168. [In Russian]
- Косевич, Е.Ю. Латинская Америка: коронавирус и новый политический ландшафт // *Латинская Америка*. – 2020. – №10. – С. 39–53.
- Kosevich, E.Yu. "Latin America: the coronavirus and the new political landscape." *Latinskaya Amerika* 10 (2020): 39–53. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0011330-2>. [In Russian]
- Кузнецов, Д.А. Траектории регионального развития Латинской Америки в XXI веке // *Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика*. – 2020. – №2. – С. 44–70.
- Kuznetsov, D.A. "Latin America in the 21st Century: Regional Development Trajectories." *Moscow University Bulletin of World Politics* 2 (2020): 44–70. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2020-12-2-44-70>. [In Russian]
- Лебедева, М.М. Современные мегатренды мировой политики // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2019. – №9. – С. 29–37.
- Lebedeva, M.M. "Modern Megatrends of World Politics." *World Economy and International Relations* 9 (2019): 29–37. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-9-29-37>. [In Russian]
- Пятаков, А.Н. PROSUR – новый механизм южноамериканской (дез)интеграции? // *Латинская Америка*. – 2020. – №7. – С. 15–36.
- Pyatakov, A.N. "PROSUR – a new South American (des)integration mechanism?" *Latinskaya Amerika* 7 (2020): 15–36. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0009859-3>. [In Russian]
- Яковлева, Н.М. Электоральный суперцикл в Латинской Америке: политические тренды // *Перспективы. Электронный журнал*. – 2018. – №13. – С. 69–80.
- Yakovleva, N.M. "Super cycle of elections in Latin America: Political trends." *Perspektivy. Elektronnyj zhurnal* 13 (2018): 69–80. [In Russian]
- Arévalo Parra, Juan Camilo. "Mercosur and the Brazilian Regional Strategic Vision, 2003–2010." *Revista CIFE: Lecturas de Economía Social* 22, no. 36 (2020): 99–126. <https://doi.org/10.15332/22484914/5439>.
- Caetano, Gerardo, and Nicolas Pose. "La debilidad de los regionalismos latinoamericanos frente a los escenarios actuales. Notas para el debate." *Documentos de Trabajo* 41 (2020).

1 Malamud 2010.

2 Carmo, "Bolsonaro vs Fernández."

3 Van Klaveren 2020.

Costa Vaz, Alcides, and Tiago Soares Nogara. "Evolution and axes of contemporary Brazilian foreign policy." In *Anuario Internacional CIDOB 2020*, edited by Francesc Fàbregues, and Oriol Farrés, 248–256. Barcelona: CIDOB, 2020. https://www.cidob.org/es/publicaciones/serie_de_publicacion/anuario_internacional_cidob/anuario_internacional_cidob_2020_nueva_epoca_perfil_de_pais_alemania.

Fernández, Elías. "Presidencialismo y federalismo: articulación nación-provincias a propósito del aislamiento social, preventivo y obligatorio." In *El tiempo que vivimos. COVID 19 y su impacto en nuestras sociedades*, coordinated by V. Gastón Mutti, 108–114. Santa Fe: Editorial de la Universidad Nacional de Rosario, 2020. <http://grupomontevideo.org/sitio/wp-content/uploads/2020/09/El-tiempo-que-vivimos-final-3.pdf>.

Jéifets, Lázar, and Kseniya Konoválova. "Historical logic of Argentine-Brazilian Relations: On the Confrontation between Jair Bolsonaro and Alberto Fernandez." *Iberoamérica 2* (2021): 192–213. <https://doi.org/10.37656/s20768400-2021-2-09>.

Malamud, Andres. "Presidential diplomacy and the institutional pillars of Mercosur: an empirical examination." *Relaciones Internacionales* 15 (2010): 113–138.

Quitral, Máximo, and Jorge Riquelme. "The Latin-American integration in crisis. Some keys of context." *Aldea Mundo. Revista sobre Fronteras e Integración Regional* 25, no. 49 (2020): 21–32.

Van Klaveren, Alberto. "The crisis of multilateralism and Latin America." *Ánasis Carolina* 10 (2020). https://doi.org/10.33960/AC_10.2020.

Artículo de investigación

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-84-98>

Controversias argentino-brasileñas como factor de desintegración en América del Sur

© A.D. Shcherbakova, 2022

Anna D. Shcherbakova, PhD (Política), Investigador Principal del Centro de Estudios Políticos, Instituto de Latinoamérica afiliado a la Academia de Ciencias de Rusia; Docente, Facultad de Política Mundial, Universidad Estatal de Moscú M.V. Lomonosov, Moscú (Rusia)
Para la correspondencia: 115035, Rusia, Moscú, calle Bolshaya Ordynka, 21/16

E-mail: anna_scherbakova@list.ru.

Recibido: 31.01.2022

Revisado: 27.02.2022

Aceptado: 06.03.2022

Para citar: Shcherbakova A.D. Controversias argentino-brasileñas como factor de desintegración en América del Sur. *Cuadernos Iberoamericanos* 10, no. 1 (2022): 84–98. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-10-1-84-98>.

→ Resumen

A principios del siglo XXI, las relaciones internacionales en América del Sur continúan desarrollándose en un paradigma de regionalización, que se manifiesta en el surgimiento en el continente de muchas asociaciones estatales o públicas que se conectan entre sí, no solo geográficamente, sino también funcionalmente. Paralelamente, la naturaleza de los vínculos regionales se ve afectada directa o indirectamente

por las tendencias de fragmentación y polarización resultantes de la crisis del multilateralismo latinoamericano y la heterogeneidad política establecida por los resultados del próximo ciclo electoral. En este contexto, y teniendo en cuenta el grado de influencia de esos países en los asuntos regionales, merece especial atención el análisis del estado actual de las relaciones entre Argentina y Brasil, caracterizadas por posiciones polares en una amplia gama de temas. El autor eligió un método sistemático para analizar las relaciones internacionales como la principal herramienta metodológica para investigar la situación actual de la política exterior. Esto, a su vez, permitió al autor de este artículo considerar a América del Sur como un subsistema regional, en el marco del cual los sistemas y regímenes políticos que ya compiten, incluso al elegir un vector de desarrollo subregional. En la etapa actual el artículo destaca las contradicciones argentino-brasileñas alimentan y fortalecen la heterogeneidad política e ideológica de todo el continente sudamericano. Además, el autor cita como ejemplo una visión diferente de formatos y vectores de desarrollo, asociaciones de integración y organizaciones subregionales existentes en América del Sur. Según el autor, las acciones de los gobiernos de Alberto Fernández y Jair Bolsonaro dificultan la implementación de todas las medidas necesarias y los objetivos estratégicos formulados, y también complican la determinación de la trayectoria de mayor desarrollo para los estados de América Latina.

→ Palabras clave

Relaciones argentino-brasileñas, integración regional, desintegración, polarización, ideologización, UNASUR, Mercosur

Financiamiento: El artículo ha sido realizado con el apoyo financiero de la Fundación Rusa de Investigación Fundamental (RFBR) en el marco de subvención N° 20-014-00023A, denominado "Transformación de modelos regionales de las Relaciones Internacionales en el hemisferio Occidental."

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Международные отношения • Relaciones internacionales

Исследовательская статья

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-99-112>

Тенденции и перспективы развития эквадорско-перуанских отношений

© В.К. Медина Гонсалес, Э. Орельяна Солано, 2022

Медина Гонсалес Винисио Ксавьер, к.ист.н., ассистент кафедры теории и истории международных отношений РУДН, Москва (Россия)
Для корреспонденции: 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Орельяна Солано Эдисон, магистр Бизнес-технологического университета Гуаякиля, Гуаякиль (Эквадор)
Для корреспонденции: 090507, Эквадор, Гуаякиль, ул. Урдеса Централь и Игерас, 813

E-mail:
xaviermedinagonza1988@gmail.com
(корреспондирующий автор)

E-mail: edisillo2005@yahoo.es

Статья поступила в редакцию: 06.12.2021

Доработана после рецензирования: 28.12.2021

Принята к публикации: 10.03.2022

Для цитирования: Медина Гонсалес В.К., Орельяна Солано Э. Тенденции и перспективы развития эквадорско-перуанских отношений. *Иberoамериканские тетради*. 2022, 10(1): 99–112. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-99-112>.

→ Аннотация

В статье рассматриваются ключевые тенденции и перспективы развития эквадорско-перуанских отношений, которые представляют особый интерес в области международного сотрудничества как для Эквадора, так и для Перу. Целью статьи является рассмотрение тенденций и перспектив сотрудничества в различных областях между Перу и Эквадором. В соответствии с целью были поставлены задачи: выявить особенности совместной координации обеспечения стабильности на приграничных территориях, в том числе мероприятий по пресечению незаконной торговли несанкционированными товарами, оружием и наркотиками; рассмотреть эквадорско-перуанские экономические отношения, в том числе развитие торговых отношений; выявить ключевые аспекты развития эквадорско-перуанских отношений в области культуры, образования и туризма, а также экологического сотрудничества и поддержки коренных народов. В работе были применены методы анализа, синтеза, обобщения, классификации, статистический и графический методы. В результате проведенного исследования авторы пришли к следующим выводам. Отношения Эквадора и Перу активно развиваются в сфере торговли и поддержки стабильности на спорных террито-

риях. В сфере культуры, туризма, образования и экологии эквадорско-перуанские отношения развиты недостаточно и требуют активизации ряда мер, предложенных авторами: совершенствование нормативно-правовой базы в области взаимоотношений по данным направлениям; повышение финансовой поддержки сотрудничества в области культуры, образования, туризма и экологии; более активная пропаганда важности отношений между Эквадором и Перу, особенно среди молодежи; привлечение к активному сотрудничеству представителей общественных организаций и бизнеса. Также важным фактором становится активизация деятельности представителей Эквадора в области привлечения прямых иностранных инвестиций из Перу для осуществления на территории страны проектов в различных отраслях экономики.

→ Ключевые слова

Эквадор, Перу, экономическое сотрудничество, Латинская Америка, торговые отношения, устойчивое развитие

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Research article

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-99-112>

Trends and prospects for the development of Ecuadorian-Peruvian relations

© Vinicio Xavier Medina González, Edison Orellana Solano, 2022

Vinicio Xavier Medina González, PhD (History), Teaching Assistant, Department of theory and history of international relations, RUDN University, Moscow (Russia)
For correspondence: 117198, Russia, Moscow, Miklukho-Maklaya St., 6
Edison Orellana Solano, Master's Student, Universidad Tecnológica Empresarial de Guayaquil, Guayaquil (Ecuador)
For correspondence: 090507, Ecuador, Guayaquil, Urdesa Central and Higueras St., 813

E-mail:
xaviermedinagonza1988@gmail.com
(corresponding author)

E-mail: edisillo2005@yahoo.es

Received: 06.12.2021

Revised: 28.12.2021

Accepted: 10.03.2022

For citation: Medina González, Vinicio Xavier, Edison Orellana Solano. Trends and prospects for the development of Ecuadorian-Peruvian relations. *Cuadernos Iberoamericanos* 10, no. 1 (2022): 99–112.
<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-99-112>.

→ Abstract

The article examines key trends and prospects for the development of Ecuadorian-Peruvian relations, which are of particular interest in the sphere of international cooperation for both Ecuador and Peru. The purpose is to examine the trends of cooperation in various areas between Peru and Ecuador. In accordance with the main goal, the following objectives were set: to identify the features of joint coordination of stability in the border areas, including activities to curb illegal trade of weapons and drugs; to examine Ecuadorian-Peruvian economic relations, including development of trade relations; to identify key aspects of the development of Ecuadorian-Peruvian relations in culture, education and tourism, as well as environmental cooperation and support for indigenous peoples. In the areas of culture, tourism, education and the environment, Ecuadorian-Peruvian relations are quite underdeveloped and require activation of a number of measures proposed by the authors: improvement of the legal and regulatory framework in the field of above mentioned relations; increased financial support for cooperation in culture, education, tourism and the environment; increased promotion of the importance of relations between Ecuador and Peru, especially among youth; attraction to more active cooperation of public representatives organizations and businesses. Another important factor is the enhanced activity of Ecuadorian representatives in attracting foreign direct investment from Peru for the implementation of projects in different sectors of the economy in the country.

→ Keywords

Ecuador, Peru, economic cooperation, Latin America, trade relations, sustainable development

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the authors.

В условиях повышения интереса к региональному сотрудничеству между странами латиноамериканского континента в последние годы вопросы взаимоотношений отдельных стран требуют более детальной проработки. Так, например, для Эквадора сотрудничество с соседними государствами является крайне важным в различных направлениях: экономическом, культурном, технологическом, экологическом, социальном и иных. Особую роль для Эквадора играет выстраивание взаимовыгодных отношений с Перу. Долгое время эквадорско-перуанские отношения были омрачены рядом конфликтов (в том числе военными конфликтами 1941–1942 гг., 1981 г., 1995 г.)¹. Мирный договор между странами был подписан лишь 26 октября 1998 г. Несмотря на расширение дипломатических, экономических, культурных отношений, в этой области есть ряд проблем, препятствующих их более активному развитию².

Несмотря на то, что укрепление эквадорско-перуанских отношений актуально как для Эквадора, так и для Перу, научных работ в этой области немного. Отдельным аспектам форм сотрудничества двух стран в области решения различных вопросов в своих трудах уделили внимание такие авторы, как: А. Акоста³, Р. Лаландер и М. Лембке⁴. Среди

1 Fee 2019, 57–70.

2 Ibid.

3 Цитируя автора по: Lang and Mokrani 2013, 61–68.

4 Lalander and Lembke 2018, 636–654.

российских исследователей, которые так или иначе затрагивали тематику сотрудничества латиноамериканских государств, можно назвать А.Ю. Борзову¹, З.В. Ивановского², Б.Ф. Мартынова³, Б.И. Некрасова, М.П. Павлову, А.А. Шинкаренко⁴ и других.

Совместная координация обеспечения стабильности на приграничных территориях. Перу и Эквадор являются теми странами Латинской Америки, где отмечается уникальное как географическое, так и биоразнообразие, а также проживает наибольший процент коренного населения – племен индейцев. Для Эквадора Перу является стратегическим партнером, так как Эквадор граничит только с двумя латиноамериканскими странами (помимо Перу еще с Колумбией). Общая граница между Перу и Эквадором составляет более 1,5 тыс. км. Перу, в отличие от Эквадора, имеет общую границу с пятью странами – Эквадором, Колумбией, Боливией, Бразилией, Чили. Отношения между соседними странами, в том числе дипломатические, торговые, экономические, культурные, являются приоритетными для действующего перуанского правительства.

Военный конфликт, разразившийся между Эквадором и Перу в 1995 г. по поводу спорных приграничных территорий, удалось урегулировать в 1998 г. подписанием мирного договора. С даты, прописанной в договоре, Перу получило большую часть спорной территории (Tiwinza), кроме почти 100 га земли, переданной Эквадору. С этого времени две страны придерживаются положений, прописанных в данном договоре, и осуществляют координацию проекта приграничной интеграции, которая поддерживается на международном уровне. Таким образом, в связи с историческими особенностями развития отношений между Эквадором и Перу важным становится недопущение подобных инцидентов в будущем. С этой целью ведется постоянная деятельность по минимизации негативных тенденций в политическом и социальном секторах, пропагандируется стабильность в отношениях, их развитие на основе взаимовыгодного сотрудничества и добрососедства⁵.

В настоящее время страны придерживаются специально разработанных национальных планов развития спорных территорий, где важным вектором является, в том числе, стимулирование частных инвестиций для развития социальной инфраструктуры территорий. Так, с момента подписания мирного договора между Перу и Эквадором было инвестировано 7 млрд долл. в развитие приграничного региона (инвестиции в большей степени были направлены на развитие здравоохранения и электрификации, предотвращение незаконного оборота наркотиков, поддержку малого и среднего бизнеса, в том числе представителей племен).

Представители Эквадора и Перу регулярно проводят встречи на высшем уровне по поводу развития спорных территорий; проводятся заседания действующей двусторонней пограничной комиссии и пр. В рамках совместной координации обеспечения стабильности на приграничных территориях соседние страны работают над усилением совместных действий по разминированию приграничных районов. К сегодняшнему дню по данному вопросу проведено более 20 совещаний национальных органов и ведомств двух стран. В декабре 2020 г. эквадорские и перуанские представители приняли участие в Оттавской конференции по запрещению применения противопехотных мин. Также в настоящее время идет работа по созданию совместного хранилища фотоматериалов деятельности по разминированию территорий⁶.

Важно подчеркнуть, что разрешение такого конфликта и выход двусторонних отношений между Эквадором и Перу на новый уровень сотрудничества может стать при-

1 Борзова, Павлова 2019, 47–60.

2 Ивановский 2020, 71–84.

3 Мартынов 2019.

4 Шинкаренко 2018, 262–279.

5 Fee 2019, 57–70.

6 Ивановский 2017.

мером для государств, в том числе латиноамериканских, у которых также имеется проблема спорных территорий (Аргентина – Чили, Аргентина – Парагвай, Боливия – Чили, Колумбия – Венесуэла и др.). Пример рассматриваемых стран еще раз подчеркивает возможность развития конфликтов даже между соседними странами с общей культурой, языком, религиозными предпочтениями. В этой связи необходимо предпринимать максимальные меры по предотвращению подобных конфликтов в будущем.

Отметим интересную особенность, как сегодня преподносится история конфликта в Эквадоре и Перу. Время от времени в эквадорских и перуанских СМИ или выступлениях ключевых лиц в правительствах появляются высказывания о территориальном споре. В Эквадоре при изучении границ страны в школьной и вузовской программах спор выступает центральным вопросом (в некоторых образовательных учреждениях даже существует курс «История границ»). В Перу система образования не ставит ключевой акцент на территориальных спорах с Эквадором. Однако нередко от высокопоставленных лиц в Перу звучат высказывания о воинственности и экспансионизме Эквадора. Среди простых граждан как в Эквадоре, так и в Перу доминирует мнение, что их страны потеряли территорию в ходе ряда уступок национальных правительств. Однако, отдадим должное, предвзятые и агрессивные настроения постепенно снижаются как среди населения, так и среди представителей власти.

Эквадорско-перуанские экономические отношения. С момента подписания мирного договора между двумя странами наметился интерес к экономическому сотрудничеству. Тем не менее приходится констатировать тот факт, что оно развивалось достаточно медленно. Так, к примеру, за 20 последних лет из Перу в Эквадор поступило всего 508 млн долл. прямых инвестиций (в среднем 23 млн долларов в год). В основном прямые иностранные инвестиции из Перу в Эквадор направлялись в пищевую промышленность, а также производство строительных материалов (см. табл. 1). Для сравнения: Эквадор за рассматриваемый временной период направил в Перу инвестиций более чем на 2,2 млрд долл. (в среднем 100 млн долл. в год). Но этого тоже, на наш взгляд, недостаточно, и объемы прямых иностранных инвестиций между двумя странами должны быть увеличены в будущем.

→ Таблица 1

Основные направления инвестиций между Эквадором и Перу

Инвестиции из Эквадора в Перу	Инвестиции из Перу в Эквадор
- банковское дело и финансы - производство пластмасс - строительная отрасль - рыболовство - текстильная промышленность	- пищевая промышленность (молочная, сахарная, сбалансированные продукты питания, напитки) - строительная отрасль (производство цемента)

Источник: составлено авторами по материалам: Торговые отношения Перу и Эквадора сегодня [Электронный ресурс] // Эквадор сегодня: новости Эквадора. URL: <https://rusecuador.ru/ecuador-novedades/economia/21054-torgovye-otnosheniya-peru-i-ekvadora-segodnya.html> (дата обращения: 01.12.2021).

Столь неравномерное распределение прямых иностранных инвестиций между Эквадором и Перу можно объяснить в первую очередь тем, что в эквадорском законодательстве регулярно производились изменения по условиям привлечения таких инвестиций. Так, к примеру, за последние 15 лет в стране было проведено более 20 реформ

в области налогообложения. Таким образом, можно констатировать тот факт, что долгое время Эквадор не был благоприятной страной для иностранных инвесторов. В этой связи важной становится активизация деятельности представителей Эквадора по привлечению прямых иностранных инвестиций, в том числе из соседнего государства, для осуществления на территории страны проектов в различных отраслях экономики.

Особенности торгового сотрудничества между Эквадором и Перу. Важно отметить, что в Латинской Америке долгое время прослеживается тенденция кооперации в рамках интеграционных союзов, в том числе таких крупных, как Союз южноамериканских наций (УНАСУР), Андское сообщество (зона свободной торговли), MERCOSUR (южноамериканский торгово-экономический блок) и др. В перечисленных выше союзах и сообществах принимают участие также Перу и Эквадор. Особое значение в развитии торгового сотрудничества двух стран играют MERCOSUR и Андское сообщество.

До подписания мирного договора в 1998 г. товарооборот между Эквадором и Перу составлял не более 0,1 млрд долл. В 1998 г. он увеличился до 0,5 млрд долл. Наибольший прогресс в торговых отношениях между Эквадором и Перу наблюдался с 2011 г. В настоящее время Перу является четвертым торговым партнером Эквадора на американском континенте (первые места занимают США, Панама и Чили). Из мировых импортеров эквадорских товаров можно выделить США, Китай, Панаму, Россию и Чили (Перу занимает только десятое место), первые места занимают Китай, США и Канада. Из латиноамериканских стран больше всего Перу экспортирует в Чили. Эквадор не входит в десятку ключевых импортеров товаров из Перу. В 2020 г. экспорт из Эквадора в Перу составил 2,07% от всего объема экспорта из Эквадора в регионе, а импорт из Перу – 3,6%¹ (см. Таблицу 2).

→ Таблица 2

Основные направления экспорта эквадорских и перуанских товаров в 2020 г.

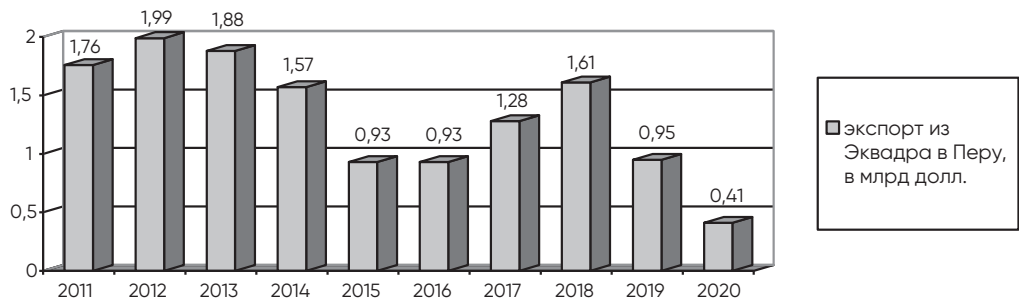
Основные направления экспорта товаров из Эквадора	Доля в структуре экспорта	Объем экспорта, в млрд долл.	Основные направления экспорта товаров из Перу	Доля в структуре экспорта	Объем экспорта, в млрд долл.
США	23%	4,78	Китай	28%	10,9
Китай	15,7%	3,19	США	16,1%	6,24
Панама	12%	2,43	Канада	6,17%	2,39
Россия	4,54%	0,91	Республика Корея	5,84%	2,26
Чили	3,99%	0,80	Япония	4,44%	1,72
Колумбия	3,9%	0,78	Нидерланды	3,66%	1,42
Нидерланды	2,79%	0,56	Швейцария	3,54%	1,37
Испания	2,64%	0,53	Индия	2,83%	1,1
Италия	2,53%	0,51	Испания	2,8%	1,08
Перу	2,07%	0,41	Чили	2,72%	1,05

Источник: составлено авторами по материалам: Trend Economy [Электронный ресурс] // Годовая статистика международной торговли. URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/Ecuador/TOTAL> (дата обращения: 01.12.2021).

В 2020 г. объемы экспорта из Эквадора в соседнее государство составили 0,41 млрд долл. (самый низкий показатель с 2011 г.) (см. График 1).

¹ Trend Economy [Электронный ресурс] // Годовая статистика международной торговли. URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/Ecuador/TOTAL> (дата обращения: 01.12.2021).

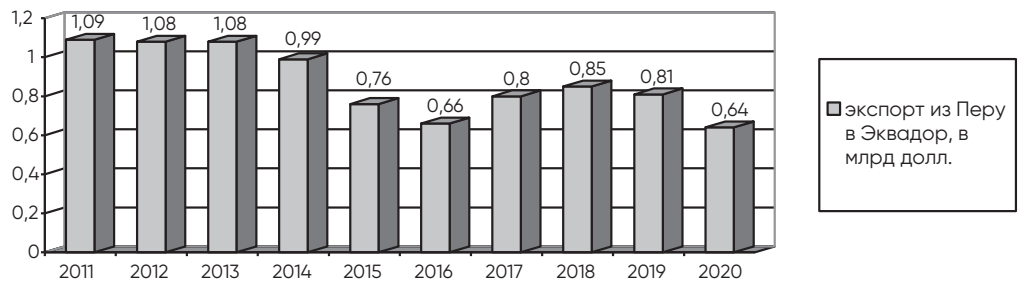
→ График 1
Динамика экспорта из Эквадора в Перу в 2011-2020 гг.

Источник: составлено авторами по материалам: Торговые отношения Перу и Эквадора сегодня [Электронный ресурс] // Эквадор сегодня: новости Эквадора. URL: <https://rusecuador.ru/ecuador-novedades/economia/21054-torgovye-otnosheniya-peru-i-ekvadora-segodnya.html> (дата обращения: 01.12.2021).

Перу экспортировало в Эквадор в 2020 г. больше товаров, чем импортировало из Эквадора – на 0,64 млрд долл. По сравнению с предыдущими годами этот показатель снизился приблизительно на 0,2 млрд долл. (см. График 2). В 2011-2013 гг. объемы экспорта исследуемых стран в соседнюю страну были практически одинаковы.

→ График 2
Динамика экспорта из Перу в Эквадор в 2011-2020 гг.

Источник: составлено авторами по материалам: Торговые отношения Перу и Эквадора сегодня [Электронный ресурс] // Эквадор сегодня: новости Эквадора. URL: <https://rusecuador.ru/ecuador-novedades/economia/21054-torgovye-otnosheniya-peru-i-ekvadora-segodnya.html> (дата обращения: 01.12.2021).

В основном экспорт из Эквадора в Перу состоит из нефти и нефтепродуктов, досок, кормов, минералов, пищевых продуктов (в частности, рыбных консервов), а экспорт из Перу в Эквадор – в большей степени из сельскохозяйственной продукции (см. Таблицу 3).

→ Таблица 3

Ключевые категории экспорта эквадорских и перуанских товаров в 2020 г.

Экспорт эквадорских товаров в Перу	Экспорт перуанских товаров в Эквадор
ДСП (39,62 млн долл.)	Сельскохозяйственная продукция (122,46 млн долл.)
Сбалансированные корма для животных (37,71 млн долл.)	Инсектициды и другие средства для фумигации (25,33 млн долл.)
Коллекторные руды и концентраты (29,93 млн долл.)	Медная проволока (19,25 млн долл.)
Радиаторы, котлы, печи (29,65 млн долл.)	Мука (17,7 млн долл.)
Масла (24,26 млн долл.)	Пластиковые изделия (16,52 млн долл.)
Рыбные консервы (18,21 млн долл.)	Пищевые добавки (15,65 млн долл.)
Пластиковые пластины и листы (9,64 млн долл.)	Бензин и газ (14,5 млн долл.)
Хлебобулочные и кондитерские изделия (8,27 млн долл.)	Кондитерские изделия (13,69 млн долл.)
Креветки (7,98 млн долл.)	Отруби (13,07 млн долл.)
Нефтепродукты (7,22 млн долл.)	Лекарства (12,12 млн долл.)

Источник: составлено авторами по материалам: Торговые отношения Перу и Эквадора сегодня [Электронный ресурс] // Эквадор сегодня: новости Эквадора. URL: <https://rusecuador.ru/ecuador-novedades/economia/21054-torgovye-otnosheniya-peru-i-ekvadora-segodnya.html> (дата обращения: 01.12.2021).

Следует отметить, что хотя торговые отношения между двумя странами развиваются в последнее десятилетие достаточно динамично, однако торговый баланс, например, для Эквадора на протяжении этих лет остается нестабильным, хотя и положительным (исключение составил кризисный 2020 г., когда из-за последствий пандемии упал спрос на эквадорские нефтепродукты со стороны Перу) (см. Таблицу 4).

→ Таблица 4

Торговый баланс Эквадора с Перу в 2011–2020 гг.

год	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Торговый баланс, в млн долл.	670,3	903,9	799,1	581,8	170,4	265,6	475,0	764,0	141,9	-228,8

Источник: составлено авторами по материалам: Торговые отношения Перу и Эквадора сегодня [Электронный ресурс] // Эквадор сегодня: новости Эквадора. URL: <https://rusecuador.ru/ecuador-novedades/economia/21054-torgovye-otnosheniya-peru-i-ekvadora-segodnya.html> (дата обращения: 01.12.2021).

Рассматривая перспективы торгового сотрудничества между Эквадором и Перу, можно сделать вывод, что во многом рост объемов торговли будет зависеть от следующих факторов: социально-экономические кризисы, в том числе вызванные дальнейшим течением пандемии нового коронавируса; снижение цен на сельскохозяйственную продукцию из Эквадора (в основном рис и муку), на которую есть спрос в Перу, но заказы ограничены из-за достаточно высокой стоимости; развитие торговли органической продукцией, спрос на которую растет в последние годы, однако ни в Перу, ни в Эквадоре рынок экологических товаров практически не развит.

Развитие эквадорско-перуанских отношений в области культуры, образования и туризма. С периода подписания мирного договора и выхода дипломатических, экономиче-

ских, культурных отношений на иной уровень между двумя странами развивается сотрудничество в области культуры, образования и туризма. Однако, по нашим оценкам, это сотрудничество на сегодняшний день недостаточно проработано. К настоящему времени удалось достичь некоторого взаимодействия в области туризма, а именно наладить транспортные маршруты (автобусные, автомобильные и воздушные) и ослабить визовые ограничения для туристов, сочетающих в туристической поездке сразу две страны. К примеру, среди российских туристов популярным является маршрут «Перу–Эквадор–Галапагосские острова».

До пандемии нового коронавируса ежегодно Перу с туристическими целями посещало приблизительно 250 тыс. эквадорцев. Для сравнения: в 2019 г. в страну въехало более 5,2 млн туристов из различных стран мира. В свою очередь, Эквадор посещало ежегодно около 150 тыс. перуанцев и около 1 млн туристов из различных стран мира. Таким образом, можно сделать вывод о том, что доля перуанцев в структуре туризма Эквадора была значительней, чем туристов из Эквадора в структуре туризма Перу.

В настоящее время, как и во всем мире, туристическая отрасль в двух странах серьезно пострадала. Так, с мая 2020 г. туристическая отрасль Эквадора понесла убытки в размере 2,5 млрд долл. (количество прибывающих в страну туристов сократилось за первое полугодие 2021 г. почти на 80% по сравнению с аналогичным периодом в 2019 г.). Более 3 тыс. предприятий туристической сферы были закрыты с началом пандемии – это предприятия ресторанного и гостиничного бизнеса, транспортные компании¹. Туризм в Перу также является одной из пострадавших отраслей экономики страны. По данным Министерства туризма Перу, в 2020 г. по сравнению с предыдущим годом туристический поток упал более чем на 70% (до 1,2 млн чел.). За последний год, например, туристические потоки только из России сократились на 95%².

В этой связи важна консолидация усилий Перу и Эквадора как в рамках двусторонних отношений в области туризма, так и в рамках региональных и международных объединений (в том числе во Всемирной организации туризма).

В сфере культуры и спорта сотрудничество между Эквадором и Перу в большей степени развивается в рамках отдельных интеграционных объединений всех латиноамериканских стран. Важным этапом в усилении сотрудничества в данной области стало предложение в 2019 г. бывшего президента Эквадора Л. Морено провести Чемпионат мира по футболу в 2030 г. совместно Колумбии и Эквадору. Эта инициатива была активно поддержана представителями данных стран. В сфере образования следует отметить, что сотрудничество между Эквадором и Перу осуществляется в сфере академического обмена студентами и, в меньшей степени, представителями профессорско-преподавательского состава. В Эквадоре большим спросом пользуются такие вузы, как Технический университет Лохи (Universidad Técnica Particular de Loja), Политехнический университет Салезиана, Университет Сан-Франциско-де-Кито, Университет Куэнки (Universidad de Cuenca), Университет Асуай (Universidad del Azuay), Университет Гуаякиля и другие. В Перу более всего котируются у иностранцев, в том числе у эквадорских студентов, Национальный университет Сан-Маркос (МНСМ), Университет Каэтано Эредиа, Перуанский университет прикладных наук, Университет Лимы, Национальный аграрный университет Ла Молина, Университет ESAN, Континентальный университет. На наш взгляд, особую роль в развитии эквадорско-перуанских отношений в сфере куль-

1 Эквадор остается вне региональной стратегии по восстановлению туризма [Электронный ресурс] // Эквадор сегодня: Новости Эквадора. URL: <https://rusecuador.ru/ekvador-turisticheskij/20773-ekvador-ostaetsya-vne-regionalnoj-strategii-po-vosstanovleniyu-turizma.html> (дата обращения: 02.12.2021).

2 Туроператоры ждут роста спроса на туры в Перу после открытия авиасообщения [Электронный ресурс] // InterFax. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/82064/> (дата обращения: 02.12.2021).

туры, туризма и образования должны играть посольства и консульства. Так, на сегодняшний день Эквадор имеет посольство в столице Перу г. Лима и консульства в городах Пьюра и Тумбесе. Посольство Перу на эквадорской территории, в свою очередь, расположено в г. Кито. Консульства функционируют в городах Гуаякиль, Лоха, Мачала, Макар. Культурные мероприятия и различные мероприятия, посвященные развитию образования и туризма и проводимые при посольствах и консульствах, могут способствовать усилению сотрудничества в данных областях между Перу и Эквадором.

Экологическое сотрудничество и поддержка коренных народов. Особым направлением в области экологического сотрудничества и поддержки коренных народов является в первую очередь участие представителей Перу и Эквадора в программах по сохранению культурного наследия племен. Так, среди всех стран Латинской Америки именно в этих двух государствах доля индейцев наиболее высока (25% и 22% соответственно). Сохранение их уникальной культуры, с одной стороны, и интеграция в образовательное и экономическое пространство, с другой стороны, являются важнейшими задачами для эквадорского и перуанского правительств. Следует отметить, что и в Перу, и в Эквадоре коренное население сталкивается с аналогичными проблемами: дискриминация представителей племен в сфере образования, экономической и политической жизни, на рынке труда.

В области экологического сотрудничества Перу и Эквадор осуществляют деятельность по сохранению уникальных природных зон в рамках Договора о сотрудничестве в бассейне реки Амазонки (ОДСА), который был подписан в 1978 г. рядом латиноамериканских стран¹ и дополнен в последующие годы². Так, договор подписали Боливия, Бразилия, Колумбия, Эквадор, Гайана, Перу, Суринам и Венесуэла. Ключевыми задачами Договора стали: участие в действиях, направленных на защиту и устойчивое использование водных, лесных и иных ресурсов бассейна реки Амазонки; решение социальных, экономических, экологических и иных проблем уязвимых групп населения, проживающих на территории бассейна реки Амазонки и ведущих племенной образ жизни; балансирование регионального развития и минимизация асимметрии в области социально-экономического развития между странами, подписавшими Договор.

В рамках работы Координационного совета по вопросам амазонского сотрудничества (КСАС) действуют шесть специальных комиссий: по вопросам здравоохранения, по вопросам окружающей среды, по делам индейцев, по вопросам транспорта и инфраструктуры, по вопросам туризма, по вопросам науки и технологий. В рамках развития экологического сотрудничества и поддержки коренных народов важное значение имеет работа двух комиссий – по вопросам окружающей среды³ и по делам индейцев⁴.

Следует отметить, что в развитии территорий бассейна Амазонки важную роль играют отдельные конфедерации индейцев Эквадора (Конфедерация коренных народов Эквадора) и Перу (Национальная Конфедерация общин Перу)⁵. Их задача – препятствовать расточительному использованию природных богатств и способствовать сохранению уникального биоразнообразия региона⁶.

Подчеркнем, что в контексте развития взаимоотношений между Эквадором и Перу в данных областях важным становится не только сотрудничество в рамках Договора ама-

1 Некрасов 2020.

2 "Reglamento de la reunión de cancilleres del tratado de cooperación Amazónica," OTCA, accessed December 3, 2021, <http://otca.org/wp-content/uploads/2020/07/VIII-Reuni%C3%B3n-de-Ministros-de-Relaciones-Exteriores-Acta-Resol-Declaraci%C3%B3n.pdf>.

3 "Comisión Especial de Medio Ambiente de la Amazonia," OTCA, accessed December 3, 2021, <http://www.otca-oficial.info/library/details/38>.

4 "Comisión Especial de Asuntos Indígenas de la Amazonia," OTCA, accessed December 3, 2021, <http://www.otca-oficial.info/library/details/40>.

5 Lang and Mokrani 2013, 61–86.

6 Шинкаренко 2018, 103–116.

зонского сотрудничества, но и заключение двусторонних договоров, которые бы простимулировали решение вопросов, остро стоящих как перед Эквадором, так и перед Перу.

Сотрудничество Перу и Эквадора по вопросам наркоторговли и незаконного вывоза товаров. Власти Перу и Эквадора ведут также взаимодействие в области ограничения распространения наркотиков. Следует отметить, что Перу является одним из крупнейших производителей кокаина для мирового «черного рынка». Данный наркотик вывозится нелегально из Перу, в том числе и в Эквадор¹. Такая ситуация сложилась особенно остро после прекращения военных действий в 1998 г., когда между странами хлынул поток контрабандистов и наркоторговцев. В Эквадор наркотики из соседней страны вывозятся через джунгли Амазонии. В Эквадоре, а именно в тихоокеанском порту Гуякиль, наркотики загружаются в морские контейнеры и отправляются далее по всему миру.

В настоящее время в Перу реализуется национальная стратегия по борьбе с наркотиками, рассчитанная на 2017–2021 гг. В рамках этой стратегии страна поддерживает и развивает различные инициативы по углублению международного сотрудничества в сфере борьбы с наркотиками. Эти инициативы реализуются в том числе и в формате двусторонних контактов, в большей степени с Боливией, Бразилией, Чили, Колумбией и Эквадором. На региональном и субрегиональном уровне регулярно проводятся двусторонние и многосторонние рабочие встречи, конференции, семинары, учения спецподразделений².

В Эквадоре ситуация с наркоторговлей сегодня настолько остра, что президент страны Г. Лассо объявил эту проблему «врагом Эквадора» и ввел особый режим для борьбы с ней. В одном из своих выступлений он подчеркнул, что «за последние годы страна стала не только транзитной зоной, но и страной-потребителем наркотиков. Из-за этого в Эквадоре растет количество убийств, ограблений, грабежей»³.

Между странами развит нелегальный рынок торговли, в том числе сельскохозяйственной продукцией. Например, злободневен вопрос о вывозе животных (в большей степени свиней и кур), которые нелегально провозятся в Эквадор через границу без санитарного контроля и уплаты налоговых пошлин, нанося таким образом огромный урон животноводческому сектору приграничных территорий. Основными путями контрабанды являются сельские районы Chacras и Carcabon пограничного с Перу кантона Arenillas.

Острая проблема стоит перед Эквадором и Перу в вопросе незаконного оборота оружия. В октябре 2021 г. военная разведка Эквадора выявила незаконные каналы транспортировки оружия. Ключевыми покупателями этого оружия сегодня являются колумбийские боевики, а также члены эквадорских банд. Большая часть оружия идет из Чили и дальше транзитом через Эквадор распространяется как внутри страны, так и в пограничные страны, в том числе в Колумбию, а также Перу. Как результат, в последние годы наблюдается повышенный уровень преступности как на территории Эквадора, так и на территории Перу. Очевидно, что это подрывает безопасность стран, а также препятствует развитию многих отраслей, в большей степени туризма. Сегодня подобные проблемы решаются с привлечением представителей силовых ведомств Перу, Эквадора и Колумбии. Силовики соседних стран проводят совместные рейды, обмениваются информацией о каналах распространения, разрабатывают операции по поимке как оружия, так и торговцев-контрабандистов. Таким образом, данный вопрос решается совместно с представителями соответствующих органов.

Рассмотрев особенности развития эквадорско-перуанских отношений, нами был сделан вывод, что они в большей степени развиваются в сферах торговли и под-

1 Шашин, Левашин 2019, 96–101.

2 Ibid.

3 Наркоторговля довела Эквадор до чрезвычайного положения [Электронный ресурс] // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2021/10/19/chooseecuador/> (дата обращения: 03.12.2021).

держки стабильности на спорных территориях в рамках заключенного между Эквадором и Перу в 1998 г. мирного договора. В основном решения проблем спорных территорий касаются разминирования, а также противодействия незаконному вывозу оружия и контрабанде наркотиков из Перу в Эквадор. Острая проблема перед соседними государствами стоит в области экономических отношений, а именно повышения роли Перу в этом сотрудничестве, в том числе в области прямых инвестиций. Сотрудничество в сферах культуры, образования, туризма и экологическое сотрудничество не столь развиты, хотя имеют достаточный потенциал для дальнейшего развития. С этой целью необходимо совершенствовать нормативно-правовую базу в области взаимоотношений по перечисленным направлениям; повышать финансовую поддержку мероприятий по развитию сотрудничества в области культуры, образования, туризма и экологии; усиливать пропаганду эквадорско-перуанских отношений, в том числе среди молодого поколения; привлекать к более активному участию в сотрудничестве двух стран представителей бизнеса и общественных организаций.

Развитие эквадорско-перуанских отношений во всех рассмотренных областях будет зависеть также и от серьезности последствий продолжающейся пандемии нового коронавируса, которая нанесла серьезный экономический и социальный ущерб как Эквадору, так и Перу. Представляется важным максимальное устранение этих последствий, что будет являться фактором более активного развития экономических, торговых, социальных и иных взаимоотношений между государствами.

Усиление сотрудничества по различным направлениям представляется крайне важным для Эквадора и Перу как соседних стран, которые исторически и культурно тесно связаны и нуждаются в дальнейших, более тесных, взаимоотношениях в целях решения самых разнообразных проблем.

Положения и выводы данной работы могут быть полезны при дальнейших исследованиях эквадорско-перуанского сотрудничества, в том числе в сфере экономики, торговли, культуры, туризма и образования.

→ Список литературы / References

Борзова, А.Ю., Павлова, М.П. Сотрудничество стран Латинской Америки и Карибского бассейна по поддержанию устойчивого развития региона // *Латинская Америка*. – 2019. – №8. – С. 47–60. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0005579-5>.

Borzova, A.Yu., Pavlova, M.P. "Latin American and Caribbean cooperation to support the sustainable development of the region." *Latin America* 8 (2019): 47–60. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0005579-5>. [In Russian]

Ивановский, З.В. Латинская Америка в конце десятилетия. Социальные проблемы, политические сдвиги и новые вызовы // *Свободная мысль*. – 2020. – №2 (1680). – С. 71–84.

Iwanowski, Z.V. "Latin America at the end of the decade. Social problems, political changes, and new challenges." *Svobodnaya mysl'* 2 (2020): 71–84. [In Russian]

Мартынов, Б.Ф. *История международных отношений стран Латинской Америки и Карибского бассейна (XX – начало XXI в.)*. – М.: Аспект Пресс, 2019. – 320 с.

Martynov, B.F. *The history of international relations of the Latin American and Caribbean countries (20th – beginning of 21st century)*. Moscow: Aspekt Press, 2019. [In Russian]

Некрасов, Б.И. Эволюция сотрудничества южноамериканских стран в бассейне реки Амазонки: от создания Договора об амазонской кооперации до подписания «Летисийского пакта» // *Вестник РУДН. Международные отношения*. – 2020. – №4. – С. 805–822. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-202020-4-805-822>.

Nekrasov, B.I. "The evolution of the cooperation between South American countries in the Amazon Basin: from the development of the Amazon cooperation treaty to the signing of the Leticia Pact for the Amazon." *Vestnik RUDN. International Relations* 4 (2020): 805–822. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-202020-4-805-822>. [In Russian]

Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности / Отв. ред. З.В. Ивановский. – М.: ИЛА РАН, 2017. – 452 с.

Iwanowski, Z.V., ed. *Political conflicts in Latin America: challenges for stability and new opportunities*. Moscow: ILA RAS, 2017. [In Russian]

Шашин, Д.Г., Левовшин, С.А. Наркоситуация в Республике Перу и российско-перуанское сотрудничество в борьбе с незаконным оборотом наркотиков // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. – 2019. – №4 (37). – С. 96–101.

Shashin, D.G., Levoshin, S.A. "Drug situation in the Republic of Peru and Russian-Peruvian cooperation in the fight against drug trafficking." *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* 4 (2019): 96–101. [In Russian]

Шинкаренко, А.А. Между неоэкстрактивизмом и «зеленой» геополитикой: особенности «эко-территориального сдвига» в Латинской Америке // *PolitBook*. – 2018. – №4. – С. 103–116.

Shinkarenko, A.A. "Neoextractivism and 'green' geopolitics in Latin America." *PolitBook* 4 (2018): 103–116. [In Russian]

Fee, Stephen C. "Peacekeeping on the Ecuador-Peru border: The military observer mission – Ecuador/Peru." In *The Savage Wars of Peace*, edited by John T. Fishel, 57–70. New York: Routledge, 2019. <https://doi.org/10.4324/9780429314445>.

Lalander, Rickard, and Magnus Lembke. "The Andean Catch-22: Ethnicity, Class and Resource Governance in Bolivia and Ecuador." *Globalizations* 15, no. 5 (2018): 636–654. <https://doi.org/10.1080/14747731.2018.1453189>.

Lang, Mariam, and Dunia Mokrani, eds. *Beyond development. Alternative visions from Latin America*. Amsterdam: Transnational Institute, Rosa Luxemburg Foundation, 2013.

Artículo de investigación

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-99-112>

Tendencias y perspectivas de las relaciones entre Ecuador y Perú

© Vinicio Xavier Medina González, Edison Orellana Solano, 2022

Vinicio Xavier Medina González, PhD (Historiador), Asistente de Cátedra de Teoría e Historia de Relaciones Internacionales, Universidad RUDN, Moscú (Rusia)

Para la correspondencia: 117198, Rusia, Moscú, calle Miklukho-Maklaya, 6

Edison Orellana Solano, Estudiante de Maestría de la Universidad Tecnológica Empresarial de Guayaquil, Guayaquil (Ecuador)

Para la correspondencia: 090507, Ecuador, Guayaquil, calle Urdesa Central e Higuera, 813

E-mail:

xaviermedinagonza1988@gmail.com
(para la correspondencia del autor)

E-mail: edisillo2005@yahoo.es

Recibido: 06.12.2021

Revisado: 28.12.2021

Aceptado: 10.03.2022

Para citar: Medina González, Vinicio Xavier, Edison Orellana Solano. Tendencias y perspectivas de las relaciones entre Ecuador y Perú. *Cuadernos Iberoamericanos* 10, no. 1 (2022): 99–112. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-99-112>.

→ Resumen

El artículo analiza las tendencias y perspectivas clave para el desarrollo de las relaciones entre Ecuador y Perú, que son de particular interés en el campo de la cooperación internacional tanto para Ecuador como para Perú. El objetivo del artículo es investigar las tendencias y perspectivas de cooperación en diversos campos entre ambos países. El objetivo es determinar las características de la coordinación conjunta de la estabilidad en los territorios fronterizos, incluidas las medidas para detener el tráfico ilícito de bienes, armas y drogas no autorizados; examinar las relaciones económicas entre ambos estados, incluido el desarrollo de las relaciones comerciales; identificar aspectos clave del desarrollo de las relaciones entre el Ecuador y el Perú en las esferas de la cultura, la educación y el turismo, así como la cooperación y el apoyo ambiental a los pueblos indígenas. En el trabajo se aplicaron métodos de análisis, síntesis, generalización, clasificación, métodos estadísticos y gráficos. Como resultado del estudio, los autores llegaron a las siguientes conclusiones: las relaciones entre Ecuador y Perú se están desarrollando activamente en el campo del comercio y el apoyo a la estabilidad en los territorios en disputa. En el ámbito cultural, de turismo, la educación y el medio ambiente, las relaciones entre el Ecuador y el Perú no están suficientemente desarrolladas y exigen que se intensifiquen varias de las medidas propuestas por los autores: mejorar el marco jurídico y normativo en relación con estas áreas; aumentar el apoyo financiero para promover la cooperación en las esferas de la cultura, la educación, el turismo y el medio ambiente; fortalecer la promoción de la importancia de las relaciones entre el Ecuador y el Perú, especialmente entre los jóvenes; y aumentar la cooperación entre las organizaciones sociales y las empresas. También es importante el fortalecimiento de las actividades de los representantes del Ecuador en el campo de atraer inversiones extranjeras directas del Perú para llevar a cabo proyectos en diversos sectores de la economía en el país.

→ Palabras clave

Ecuador, Perú, cooperación económica, América Latina, relaciones comerciales, desarrollo sostenible

Declaración de divulgación: Los autores declaran que no existe ningún potencial conflicto de interés

Международные отношения • Relaciones internacionales

Исследовательская статья

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-113-128>

Гендерное неравенство в Латинской Америке

© С.М. Ребрей, 2022

Ребрей Софья Михайловна, к.экон.н., доцент кафедры мировой экономики МГИМО МИД России, Москва (Россия) E-mail: s.rebrei@inno.mgimo.ru
Для корреспонденции: 119454, Москва, просп. Вернадского, 76

Статья поступила в редакцию: 25.01.2022

Доработана после рецензирования: 27.02.2022

Принята к публикации: 09.03.2022

Для цитирования: Ребрей С.М. Гендерное неравенство в Латинской Америке. *Иberoамериканские тетради*. 2022, 10(1): 113–128. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-113-128>.

→ Аннотация

Статья посвящена измерению уровня гендерного равенства в странах Латинской Америки на основе статистики международных (ВЭФ, ОЭСР, МОТ, ЮНЕСКО) и региональных (ЭКЛАК ООН) организаций и национальных статистических служб, а также различных индексов гендерного неравенства (GGI, SIGI). Гендерное равенство рассматривается в качестве одной из целей устойчивого развития, а гендерное неравенство – как тормоз на его пути. Исследование проведено в рамках институционального подхода, так как институты представляют собой формальные и неформальные ограничения, принятые в обществе, и обуславливают масштабы и факторы гендерного неравенства. Особое внимание уделяется осевым институтам, играющим первостепенную роль в создании, формировании и реализации человеческого капитала, а именно институтам семьи и рынка труда, образования и науки, государственного и корпоративного управления. Исследование показывает, что среди развивающихся экономик Латинская Америка демонстрирует весьма высокие показатели гендерного равенства как результат высокой степени феминизации рынков труда. Однако преобладание традиционного разделения труда в институте семьи нивелирует бонусы от участия женщин в оплачиваемом труде и усугубляет проблему двойного бремени: женщины оказываются зажаты в тисках, где с одной стороны – оплачиваемый труд, а с другой – неоплачиваемый домашний труд, в котором участвуют преимущественно женщины. Наиболее значимым фактором, позитивно влияющим на повышение гендерного равенства, видится доля женщин в управлении,

тогда как уровень социально-экономического развития страны без специализированной политики, направленной на стимулирование гендерного равенства, не приводит к повышению последнего.

→ Ключевые слова

Гендер, гендерное равенство, Латинская Америка, гендерный разрыв в оплате труда, гендерная статистика

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциально-го конфликта интересов.

Research article

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-113-128>

Gender equality in Latin America

© S.M. Rebrey, 2022

Sofia M. Rebrey, PhD (Economics), Associate Professor, World Economy Department, MGIMO University, Moscow (Russia)
For correspondence: 119454, Russia, Moscow, Vernadskogo Ave., 76

E-mail: s.rebrei@inno.mgimo.ru

Received: 25.01.2022

Revised: 27.02.2022

Accepted: 09.03.2022

For citation: Rebrey S.M. Gender equality in Latin America. *Cuadernos Iberoamericanos* 10, no. 1 (2022): 113–128.
<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-113-128>.

→ Abstract

The article concerns measuring gender equality in Latin American countries based on statistics from international (WEF, OECD, ILO, UNESCO) and regional (UNECLAC) organizations and national statistical services, as well as various gender inequality indices (GGI, SIGI). Gender equality is seen as one of the goals of sustainable development, and gender inequality – as a brake on its path. The study is conducted within institutional approach, since institutions are formal and informal restrictions accepted in society and determine the scale and factors of gender inequality. Particular attention is paid to axial institutions that play a primary role in creation, formation and implementation of human capital, namely the institutions of the family and the labor market, education and science, state and corporate governance. The study shows that, among emerging economies, Latin America has very high levels of gender equality as a result of a high degree of feminization of labor markets among other factors. However, the predominance of traditional division of labor in institution of the family levels out

the bonuses from participation of women in paid work and exacerbates the problem of a double burden: women are caught in a vise, where, on the one hand, there is a paid work, and, on the other, an unpaid domestic work, which falls mainly on women. The most significant factor that positively affects the increase in gender equality is the share of women in government, while the level of socio-economic development of the country without a specialized policy aimed at stimulating gender equality does not lead to an increase in the latter.

→ Keywords

Gender, gender equality, Latin America, gender pay gap, gender statistics

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

Введение

Гендерное равенство – это необходимая составляющая устойчивого развития, поэтому преодоление гендерного неравенства выделено в пятую цель устойчивого развития¹ и пронизывает остальные цели устойчивого развития². Однако достижение гендерного равенства остается крайне сложной задачей, с которой пока не справилась ни одна страна в мире. По подсчетам Всемирного экономического форума, при сохранении нынешних темпов повышения гендерного равенства человечество сможет достичь гендерного паритета более чем через 200 лет³. Пионерами и лидерами на пути к гендерному равенству выступают развитые экономики во главе со странами Северной Европы. Они начали реализовывать политику, ориентированную на поиск гендерного баланса, еще во второй половине XX в. и достигли немалых успехов: мужчины активно участвуют в домашнем труде и уходе за детьми, часто берут отпуск по уходу за ребенком, чем обеспечивают более равный доступ женщин к рынкам труда. Хотя проблему гендерного разрыва в заработной плате пока не удалось разрешить полностью, горизонтальная и вертикальная сегрегация на рынке труда ослабевает, а новое поколение, выращенное в эгалитарных семьях, не придерживается стереотипов о подчиненном положении и ограниченных способностях женщин. Тем не менее большинство стран мира еще далеки от решения гендерных проблем. В развивающихся странах часто встречаются варварские практики, калечащие девочек и женщин (женское обрезание), феминцид, насилие, детские браки и прочее. Кроме того, пандемия коронавируса обострила проблемы домашнего насилия в условиях изоляции⁴ и феминизации бедности⁵.

Институционализация гендерных исследований, начавшаяся в 1970-х гг. в США, Великобритании и Франции, привела к созданию гендерных отделов в большинстве международных экономических организаций, что является важным, а в некоторых ре-

1 "Sustainable Development Goals," United Nations, accessed December 17, 2021, <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/>.

2 Ребрей 2021.

3 "Global Gender Gap Report," World Economic Forum, accessed January 16, 2022, <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2021>.

4 "The Shadow Pandemic: Violence against women during COVID-19," United Nations Women, accessed January 18, 2022, <https://www.unwomen.org/en/news/in-focus/in-focus-gender-equality-in-covid-19-response/violence-against-women-during-covid-19>.

5 "From insights to action: Gender equality in the wake of COVID-19," United Nations Women, accessed January 17, 2022, <https://www.unwomen.org/en/digital-library/publications/2020/09/gender-equality-in-the-wake-of-covid-19>.

гионах основным инструментом борьбы с гендерным неравенством. Международные экономические организации разработали специализированные индексы, которые измеряют масштаб гендерного неравенства, стремятся повысить долю проектов официальной помощи развитию, ориентированных на достижение гендерного равенства, проводят научные исследования в разных странах и регионах мира под эгидой отдела ООН-Женщины. Кроме того, многие вузы, особенно в развитых странах, открывают факультеты и научно-исследовательские центры, посвященные гендерным исследованиям.

Латинская Америка обладает весьма высокими показателями гендерного равенства. Например, Всемирный экономический форум ставит регион на третье место после развитых регионов (Западной Европы и Северной Америки), впереди Восточной Европы, Азии и Африки за счет высокой доли женщин в политике (на посту президента и в палате парламента), а также равенства в доступе к образованию и системам здравоохранения¹. Однако глобальные гендерные индексы способны лишь поверхностно оценить уровень гендерного неравенства и сфокусированы на наиболее вопиющих случаях нарушения прав женщин (например, женском обрезании, детских браках и др.²). Кроме того, факторы гендерного неравенства всегда окрашены национальной спецификой, которая зиждется на уникальной институциональной среде, сложившейся в результате принятых в стране или регионе традиций, норм и обычаев. Поэтому региональные и страновые исследования являются важным направлением гендерных исследований и компонентой борьбы с гендерным неравенством³.

Методы

Исследование проводится в рамках институционального подхода, так как именно институты несут формальные и неформальные ограничения, поддерживающие гендерное неравенство⁴. Основную роль играют осевые институты – это институты семьи и рынка труда, образования и науки, корпоративного и государственного управления. Чтобы измерить гендерное неравенство в осевых институтах, необходимо использовать специализированную статистику. Гендерная статистика – это не просто данные, дезагрегированные по полу. Хотя дезагрегация по полу уже показывает различия между мужской и женской моделью⁵. Для оценки проблем гендерного неравенства важно подсветить «слепые» места, которые игнорируются в классической экономической теории, характеризующейся дуалистическим подходом и делением жизни на частную и общественную. Одним из новых методов измерения неравенства и бедности и борьбы с гендерной асимметрией стали временные затраты, собираемые ООН и национальными статистическими службами при помощи дневников времени⁶. Факторы, влияющие на гендерное распределение времени, обычно являются комплексным набором норм и традиций, определяющим уровень свобод и возможностей, доступных или недоступных женщинам и мужчинам.

Индекс SIGI (Social Institutions and Gender Index), нацеленный на измерение уровня гендерной дискриминации в социальных институтах и разработанный ОЭСР в 2007 г., выступает примером попытки комплексного подхода к измерению факторов гендерного неравенства. Индекс включает пять категорий: семейные нормы, физическая неприкосновенность, гражданские права и свободы, феномен пропавших женщин

1 "Global Gender Gap Report."

2 "SIGI 2019 Global Report," OECD, accessed January 17, 2022, <https://www.oecd.org/publications/sigi-2019-global-report-bc56d212-en.htm>.

3 Donald et al. 2020; Kabeer 1999.

4 Basu 2021; North 2012.

5 Addis and Joxhe 2016.

6 "United Nations Statistics Division Time use data portal," United Nations, accessed December 15, 2021, <https://unstats.un.org/unsd/gender/timeuse/index.html>.

(аборты по половому признаку вследствие устойчивого предпочтения сыновей) и права собственности. В основе индекса лежит экспертная оценка законодательной системы и ее способности обеспечивать гендерное равенство и гарантировать права женщин. Страны делятся на пять категорий, где 0 баллов получают страны, в которых женщины обладают теми же правами и возможностью принятия решений, что и мужчины, без исключений, а религиозные практики и традиционные нормы не ограничивают права женщин; и 1 балл, где женщины не защищены от дискриминации на законодательном уровне. Где это возможно, включается эмпирический показатель. Например, детские браки эмпирически измеряются как доля девочек от 15 до 19 лет, которые когда-либо были в браке, разведены, овдовели или проживали в неформальном союзе¹. Эти и другие составляющие индекса SIGI использованы в исследовании.

Гендерное неравенство в институтах труда измеряется на основе статистики, предоставленной Международной организацией труда, и включает такие показатели, как доля женского экономически активного населения, структура женской занятости, доля женщин в разных видах деятельности по кодификатору ISCO-08, гендерный разрыв в зарплатах в разных видах деятельности по кодификатору ISCO-08, а также с помощью оценки социальных институтов индекса SIGI.

Гендерное неравенство в образовании измеряется на основе данных ЮНЕСКО и таких показателей, как уровень грамотности среди женского населения, охват третичным образованием. Результаты тестирования PISA позволяют сравнить успеваемость мальчиков и девочек по чтению, математике и наукам. В отношении измерения гендерного равенства в институтах образования наиболее показательным результатом является гендерный разрыв успеваемости в математике. Только в странах с самым высоким уровнем распространения эгалитарных ценностей, где девочки с детства не слышат о том, что они хуже в математике, чем мальчики, наблюдается обратный гендерный разрыв.

Желательно также посмотреть на половую структуру основных направлений обучения в университетах, на вопрос наличия ярко выраженного гендерного дисбаланса и наличия «женских» и «мужских» специальностей. К первым обычно относят гуманитарные науки, а ко вторым – технические (STEM).

Гендерное неравенство в науке является логичным продолжением гендерного неравенства в образовании и измеряется как доля кандидатов наук (PhD) или научных сотрудников среди женщин и мужчин, а также доля женщин на руководящих позициях в вузах.

Гендерное неравенство в институтах управления обычно измеряется как доля женщин на руководящих позициях. Однако кодификатор ISCO-08 делит профессии на довольно крупные категории и к высшей относит не только руководителей высшего звена, но и среднего, а также чиновников и законодателей. Следовательно, выделить категорию только руководителей высшего звена не представляется возможным. Поэтому для оценки места женщин в институтах управления также зачастую смотрят на долю женщин в палате парламента, кабинете министров и на число лет, в течение которых женщина занимала позицию президента или премьер-министра (например, разработанный ВЭФ Global Gender Gap Index).

Гендерное неравенство в корпоративном управлении также оценивается как доля женщин на позиции менеджеров высшего и среднего звена.

Отдельного внимания заслуживает институционализация гендерных исследований и их результатов в экономической политике, которая оценивается через наличие специализированных организаций (министерств или департаментов), посвященных поиску ген-

1 "World Marriage Data 2017," United Nations, accessed December 16, 2021, https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/marriage/Metadata_World-Marriage-Data-2017.pdf.

дерного баланса, наличие договоренностей и обязательств на высшем уровне, обязующих правительства стран повышать уровень гендерного равенства, собирать специальную статистику, проводить гендерную экспертизу социально-экономической политики и прочее. Важную роль тут также играет наличие влиятельных научно-исследовательских центров, концентрирующихся на проблемах гендерного неравенства, распространенность результатов гендерных исследований в академическом и общественно-политическом дискурсе.

Результаты

В Латинской Америке институционализация гендерной повестки приходится на конец 1970-х гг. Вторая Всемирная конференция Международного года женщин была проведена под эгидой ООН в Мексике, и спустя два года, в 1977 г., – первая Региональная Конференция, посвященная интеграции женщин в экономическое и социальное развитие Латинской Америки. Эта конференция послужила толчком для институционализации гендерной повестки и обязательств правительств. Экономическая комиссия для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК) ООН инициировала подписание Регионального плана действий по интеграции женщин в латиноамериканское экономическое и социальное развитие. Этот план представлял собой «первую дорожную карту в сторону признания женского вклада в общество и освещения факторов, препятствующих гендерному равенству»¹. В результате конференция начала проводиться регулярно раз в три года, став постоянной площадкой для разработки и обсуждения гендерной повестки на региональном уровне. Последняя конференция, проведенная в 2020 г. в Сантьяго, была посвящена поискам гендерного подхода к решению проблем, вызванных пандемией. На предпоследней конференции, в 2017 г., была выработана Монтевидейская стратегия, согласно которой выделено четыре структурные проблемы: социально-экономическое неравенство и бедность; дискриминационные, насильственные и патриархальные культурные модели и преобладание культуры привилегий; половое разделение труда и несправедливая социальная организация ухода; концентрация власти и иерархических отношений в публичной сфере. Для преодоления этих вызовов Стратегия предусматривает 74 меры по 10 направлениям реализации: 1. Нормативная база; 2. Институциональная архитектура; 3. Участие; 4. Создание и укрепление потенциала; 5. Финансирование; 6. Связь; 7. Технология; 8. Сотрудничество; 9. Информационные системы; 10. Мониторинг, оценка и отчетность.

Таким образом, институционализация гендерной повестки на региональном уровне стала результатом политической воли и скоординированных мер стран-участниц, феминистских общественных движений и поддержки ООН (ECLAC 2017).

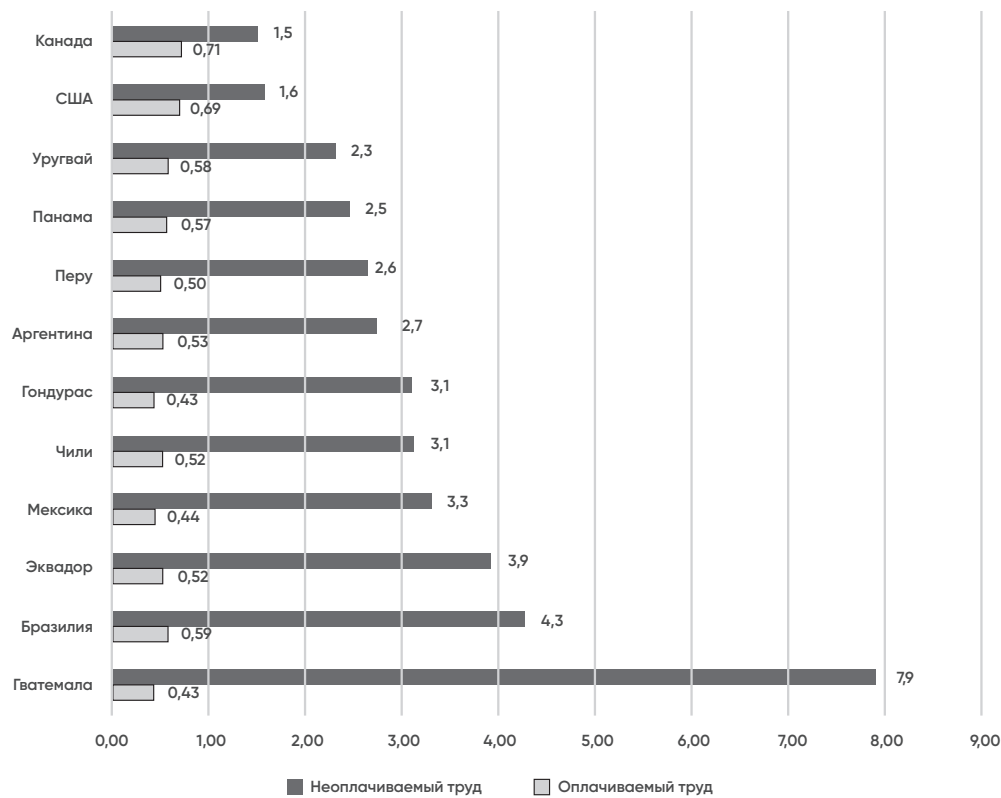
Институт семьи. Институт семьи во многом определяет уровень гендерного неравенства в экономике по ряду причин. Во-первых, именно в семье происходит первичная социализация и усвоение норм гендерного распределения труда. Во-вторых, принятые нормы гендерного распределения труда определяют степень вовлеченности мужчин в неоплачиваемый домашний труд и, соответственно, возможности женщин участвовать в оплачиваемом труде. Чем более сбалансировано распределение между супругами обязанностей по ведению домашнего хозяйства и уходу за детьми и другими членами семьи, тем больше времени и сил женщины могут уделять оплачиваемому труду.

Согласно данным ООН (График 1), женщины Латинской Америки тратят гораздо больше времени на неоплачиваемый домашний труд, чем мужчины, по сравнению с женщинами в развитых экономиках. С другой стороны, гендерный разрыв во времени,

1 "40 years of the regional gender agenda," Regional Conference on women in Latin America and the Caribbean, accessed December 20, 2021, <https://www.cepal.org/en/publications/40334-40-years-regional-gender-agenda>.

посвященном оплачиваемому труду, очень близок к уровню развитых экономик. Причем в некоторых странах, например, в Бразилии, большой разрыв во времени, уделяемом домашнему неоплачиваемому труду, сопровождается сокращением разрыва во времени, уделяемом оплачиваемому труду. Такие данные свидетельствуют о том, что в странах Латинской Америки сохраняются традиционное распределение обязанностей в семье на мужчину-добытчика и женщину-хранительницу очага, несмотря на то что большинство женщин совмещают роль добытчицы и хранительницы, в результате чего формируется феномен двойной нагрузки у женщин.

→ График 1
Гендерный разрыв во времени, посвященном оплачиваемому и неоплачиваемому труду

Источник: составлено по данным: "United Nations Statistics Division Time use data portal," United Nations, accessed January 10, 2022, <https://unstats.un.org/unsd/gender/timeuse/index.html>.

Распространение традиционных норм в семьях подтверждается весьма высокой долей детских браков. Так, по данным ОЭСР, около трети девушек (порядке убывания) в возрасте от 15 до 19 лет находятся в браке (или разведены/овдовели) в таких латиноамериканских странах, как Никарагуа, Доминиканская Республика, Гондурас, Эквадор, Гватемала, Эль Сальвадор, 12-19% в Мексике, Венесуэле, Бразилии, Парагвае,

Аргентине, Перу, Боливии, Уругвае. По данным ЮНИСЕФ, в Никарагуа 41% женщин в возрасте 20–24 лет вышли замуж до совершеннолетия, из них 10% в возрасте младше 15 лет¹.

В большинстве стран региона женщины обладают такими же правами, как и мужчины, в вопросах развода и наследства, но есть и исключения. Во многих странах есть традиционные и законодательные практики, ущемляющие интересы женщин при разводе и в опеке (Доминиканская Республика, Эквадор, Куба, Чили). В некоторых странах отдельные группы женщин лишены права на развод, например, коренное население в Парагвае, Коста-Рике. А в Мексике женщины в целом не обладают теми же правами на развод, что и мужчины.

О проблеме гендерного неравенства в институте семьи также свидетельствует высокий уровень домашнего насилия во многих странах региона. Так, по данным ОЭСР, более трети женщин в браке когда-либо подвергались сексуальному или физическому насилию со стороны партнера в таких странах, как Эквадор, Колумбия, Коста-Рика, Бразилия, Перу и другие². В условиях кризиса, вызванного коронавирусом, проблема насилия резко усугубилась³. Однако отношение к домашнему насилию в регионе негативное: малая доля женщин оправдывает насилие в отношении женщин, даже в случаях, если у жены подгорела еда, она спорит с мужем, уходит из дома без его разрешения, игнорирует нужды детей или отказывается от сексуальных отношений.

Наиболее уязвимой группой населения выступают коренные женщины, которые составляют внушительную долю в разных странах. Например, в Перу их доля достигает 24%. Они активно участвуют в оплачиваемом труде, в частности, в производстве продуктов питания и сельском хозяйстве, чем обеспечивают продовольственную безопасность, охрану биоразнообразия и исконных территорий, но почти не допускаются до позиций принятия решений⁴. Более того, остро стоит проблема насилия и исчезновения коренных женщин⁵.

Последние исследования показывают, что повышается доля домохозяйств, во главе которых стоит женщина, причем не за счет матерей-одиночек (что ведет к феминизации бедности), а за счет замужних женщин. В определенной степени это может быть связано с изменениями в опросниках: вместо слова мужского рода «jefe» предлагаются более гендерно нейтральные варианты: «jefe/jefa» (мужской род/женский род), «jefa/jefe» (женский род/мужской род) или «pessoa responsável» (ответственное лицо). Особенно ярко смена формулировок повлияла на статистику Бразилии и Уругвая: число домохозяйств, возглавляемых женщинами, возросло более чем в 20 раз после изменения обращения⁶.

Важным институциональным фактором, способным регулировать гендерный баланс в распределении домашнего труда, выступает отпуск по уходу за ребенком. В странах, наиболее приблизившихся к гендерному балансу (в регионе Северной Европы), еще во второй половине XX в. были введены незаменимый отцовский отпуск по уходу за детьми и даже штрафы за его неиспользование. В результате в этих странах мужчины, берущие отпуск по уходу за ребенком, стали нормой. И их участие в распределении домашнего труда сохраняется на высоком уровне. В Латинской Америке, несмотря на активное участие женщин на рынках труда, отпуск по уходу за ребенком предоставляется преимущественно женщинам и составляет в среднем несколько месяцев для жен-

1 "The State of the World's Children 2014," UNICEF, accessed December 26, 2021, <https://www.unicef.org/media/89221/file/SOWC%202014.pdf>.

2 "SIGI 2019 Global Report."

3 Valencia Londoño et al. 2021.

4 Lindsay Bigda, and Silene Ramirez, "Peru: What Does the Country Lose if Indigenous Women Lack Access to Land?," Rights +Resources, accessed December 27, 2021, <https://rightsandresources.org/blog/peru-country-lose-indigenous-women-lack-access-land/>.

5 Lynn Marie Stephen, "Latin American women are disappearing and dying under lockdown," *The Conversation*, August 24, 2020, <https://theconversation.com/latin-american-women-are-disappearing-and-dying-under-lockdown-14379>.

6 Liu 2017.

щин и несколько дней для мужчин¹. В странах Карибского бассейна отцовского отпуска практически нет. Исключения составляют Багамы, где мужчины могут получить 7 дней неоплачиваемого отпуска, и Каймановы острова, где отцовский отпуск по уходу за ребенком могут получить занятые в госсекторе.

В Колумбии домашний труд женщин включен в национальные счета (согласно Закону 1,413)². Также применяются отдельные инициативы по борьбе с феминизацией бедности среди пожилых, например, пенсионная реформа в Чили³.

Институты труда. Участие на рынке труда является самым «слабым местом» в борьбе за гендерное равенство в регионе, согласно индексу глобальных гендерных разрывов (GGI). Это логичное следствие гендерного неравенства в институте семьи. Ярко выраженный гендерный дисбаланс в распределении домашних обязанностей и ограничение прав и возможностей женщин на законодательном уровне способствуют созданию неравных условий на рынке труда. Кроме того, в большинстве стран региона отсутствует законодательство, защищающее женщин от дискриминации по половому признаку на работе. Исключениями здесь выступают Мексика, Парагвай, Перу и ряд островов Карибского бассейна. В этих странах законодательная система нацелена на создание равных, недискриминационных условий для женщин на работе, включая доступ к различным профессиям и возможность открыть собственный бизнес; женщины защищены от увольнения во время беременности и отпуска по уходу за ребенком, предоставляется отпуск по уходу за ребенком не только женщинам, но и мужчинам. В Бразилии законодательная система также нацелена на обеспечение гендерного равенства, но традиции и стереотипы затрудняют работу женщин в традиционно мужских сферах, в том числе в ведении бизнеса.

Согласно данным Международной организации труда (МОТ)⁴, высокая доля (65–85% в 2013–2020 гг.) экономически активного населения⁵ среди женщин трудоспособного возраста характерна для малых островов Карибского бассейна и Латинской Америки, а среди материковых государств этот показатель превышает 50% только для Боливии (59,6% в 2020 г.), Парагвая (57,3%), Перу (56,9%) и Уругвая (54,1%). Самая низкая доля работающих женщин (40–44%) наблюдается (в порядке убывания) в Чили, Венесуэле и Мексике. Феномен Мексики – низкую долю работающих женщин и большое количество часов, которое женщины уделяют оплачиваемому труду, – можно объяснить большим сектором неформальной экономики и активной вовлеченностью в него женщин: по данным МОТ, почти 40% женщин работают в неформальном секторе. Концентрация женщин в неформальном секторе повышает уровень гендерного неравенства, ставя женщин в более уязвимое положение по сравнению с занятыми в формальном секторе и защищенными трудовым законодательством женщинами. Также женская занятость в неформальном секторе усугубляет проблему феминизации бедности, особенно в пожилом возрасте, так как женщины, занятые в неформальном секторе, не будут получать пенсию. Кроме того, занятость в неформальном секторе не дает право отпуск по уходу за ребенком. В целом условия труда в неформальном секторе обычно хуже и могут быть опасны для здоровья.

Что касается формальной занятости, важно посмотреть, какой уровень профессиональной квалификации и категорию специальностей обычно занимают женщины. Согласно

1 "Gender Equality Plans in Latin America and the Caribbean: Road Maps for Development," Gender Equality Observatory for Latin America and the Caribbean, accessed December 14, 2021, https://www.cepal.org/sites/default/files/events/files/gender_equality_plans_in_latina_merica_and_the_caribbean_road_maps_for_development.pdf.

2 "Speech H.E. Ambassador Miguel Camilo Ruiz Deputy Permanent Representative of Colombia to the United Nations," United Nations, accessed December 15, 2021, <https://www.un.org/womenwatch/daw/csw/csw56/general-discussions/member-states/Colombia%20-%20E.PDF>.

3 "Gender Equality Plans in Latin America."

4 "Labour statistics on women," ILOSTAT, accessed December 26, 2021, <https://ilostat.ilo.org/topics/women/#>.

5 То есть работающих женщин и находящихся в поиске работы.

классификации ISCO-08¹, женщины в регионе преимущественно заняты в сфере торговли и услуг (около 30–40%), на неквалифицированных позициях (около 20%) (Таблица 1). На категории выше среднего уровня квалификации приходится около 15%, хотя есть и исключения. Например, в Чили 20% занятых женщин являются специалистами высшего уровня квалификации. Женщины в Чили составляют почти треть (27,9%) руководителей высшего и среднего звена. Особенно резко (в 1,5 раза) их число возросло в 2019 г. и составило 79,6 млн чел.

→ Таблица 1
Структура профессий и специальностей женщин в странах региона Латинской Америки по кодификатору ISCO-08, 2020 г., в %

Род занятий по кодификатору ISCO-08	Аргентина	Боливия	Чили	Мексика	Парагвай	Уругвай
Военнослужащие	0%	0%	0%	0%	0%	0%
Законодатели, крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена	2%	1%	2%	3%	4%	2%
Специалисты высшего уровня квалификации	11%	11%	20%	13%	12%	17%
Специалисты среднего уровня квалификации, чиновники	8%	4%	16%	9%	8%	7%
Служащие офисные и по обслуживанию клиентов	9%	3%	7%	11%	6%	16%
Работники сферы торговли и услуг	21%	35%	27%	29%	27%	31%
Квалифицированные работники сельского, лесного хозяйства и рыбоводства	0%	29%	1%	2%	15%	2%
Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом	2%	8%	5%	7%	6%	4%
Квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы	2%	0%	1%	5%	1%	2%
Неквалифицированные рабочие всех отраслей	15%	8%	20%	21%	22%	20%
Другое	30%	0%	0%	0%	0%	0%

Источник: составлено по данным: “Labour statistics on women,” ILOSTAT, accessed December 25, 2021, <https://ilostat.ilo.org/topics/women/#>.

Гендерный разрыв в зарплате (Таблица 2) выступает одной из ключевых характеристик гендерного неравенства. Неравные условия труда, вертикальная и горизонтальная сегрегация на рынке труда являются ключевыми факторами финансово зависимого положения женщин (что также способствует домашнему насилию) и феминизации бедности. Согласно оценкам ВЭФ, Латинская Америка занимает низкие позиции в рейтинге равенства зарплат (120-е места)². Если обратиться к более детальной структуре гендерного разрыва зарплат, очевидно, что его размер увеличивается по мере понижения квалификации. Хотя в Бразилии наблюдается обратная динамика.

Среди неквалифицированных рабочих часто встречается обратный гендерный разрыв в зарплатах. Кроме того, такие страны, как Гондурас, Белиз, Сальвадор, Коста-Рика, также отличаются часто встречающимися обратными гендерными разрывами. Впрочем, это свидетельствует не о гендерном равенстве или сверхвысоком положении женщин, а скорее о сверхбольшом неформальном и нелегальном секторе экономики.

122 1 “ISCO-08 Structure, index correspondence with ISCO-88,” ISCO, accessed December 24, 2021, <https://www.ilo.org/public/english/bureau/stat/isco/isco08/>.
2 “Global Gender Gap Report.”

→ Таблица 2

Гендерный разрыв в зарплатах по кодификатору ISCO-08

	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Аргентина	24,4	20,3	0,4	-2,4	4,3	11,1	8,8	39,3	-3,9
Белиз	0,0	-0,5	7,7	-7,6	11,7	-13,0	-3,2	30,2	-7,8
Бразилия	32,7	28,9	18,9	13,0	25,6	15,8	15,0	23,8	-17,3
Коста Рика	-3,4	15,2	2,4	-5,3	10,7	26,3	13,1	4,7	-24,2
Эквадор	23,2	44,2	-13,6	-15,7	0,5	8,7	29,9	31,8	-2,8
Сальвадор	20,5	-4,9	3,2	-6,3	7,7	34,1	27,1	17,1	21,5
Гайана	17,4	10,5	11,0	-17,5	10,5	7,7	12,8	17,1	10,1
Гондурас	-22,1	-65,1	0,3	-32,7	-91,3	20,4	-77,9	-4,3	-53,6
Мексика	11,6	16,2	-0,5	-1,3	27,2	37,2	42,6	20,1	-7,9
Панама	6,8	16,8	-20,1	18,9	23,1	45,7	25,3	-13,5	-1,9
Парагвай	22,3	2,4	10,8	-1,8	16,7	-3,7	13,9	2,0	1,4

Источник: составлено по данным: "Gender wage gap by occupation," ILOSTAT Explorer, accessed December 20, 2021, https://www.ilo.org/shinyapps/bulkexplorer25/?lang=en&segment=indicator&id=EAR_GGAP_OCU_RT_A.

* Примечание:

1.	Законодатели, крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена
2.	Специалисты высшего уровня квалификации
3.	Специалисты среднего уровня квалификации, чиновники
4.	Служащие офисные и по обслуживанию клиентов
5.	Работники сферы торговли и услуг
6.	Квалифицированные работники сельского, лесного хозяйства и рыбоводства
7.	Квалифицированные рабочие, занятые ручным трудом
8.	Квалифицированные рабочие, использующие машины и механизмы
9.	Неквалифицированные рабочие всех отраслей

Институты образования и науки. Ликвидация женской неграмотности – это первый шаг на пути к гендерному равенству. Большинство стран Латинской Америки полностью обеспечивают население школьным образованием, за исключением наиболее бедных стран. Согласно данным ЮНЕСКО, уровень грамотности среди молодежи (15-24 лет) в среднем по региону составляет 98,6%. Большинство стран находится на уровне 99-100%; Гаити, Белиз, Никарагуа и Пуэрто-Рико (в порядке возрастания) – 83-92%. Уровень грамотности по гендерному паритету показывает небольшой (0,004) обратный разрыв в уровне грамотности, что означает, что уровень грамотности в регионе среди девочек чуть выше, чем у мальчиков. На заре развития гендерных исследований гендерный разрыв в образовании считался одним из основных факторов гендерного разрыва в доходах населения, однако опыт Латинской Америки показывает, что полный доступ женщин к образованию не обеспечивает установление гендерного равенства на рынках труда. Тем более что и в третичном образовании также наблюдается обратный гендерный разрыв: 60% женщин в возрасте 16–24 лет обучаются, тогда как среди мужчин эта доля составляет 46,7%¹.

Тем не менее обратный разрыв в образовании не затрагивает высшую школу: в аспирантуру чаще поступают и защищают диссертации мужчины, также женщины составляют около 40% преподавателей высшей школы. В наиболее экономически разви-

1 "Education data," UNICEF, accessed December 15, 2021, <https://data.unicef.org/resources/dataset/education-data/>.

123

тых странах региона женщины составляют существенную долю научных сотрудников: в Аргентине 49%, в Чили 39%. Стоит отметить, что высокая доля женщин в науке зачастую свидетельствует не о гендерном равенстве в науке, а о низких зарплатах. Этот тезис подтверждает тот факт, что женщины в Аргентине и Чили составляют не менее половины научных сотрудников университетов и государственных научно-исследовательских центров, а в бизнесе, где зарплаты выше, их доля не превышает 30%¹.

В целом прирост женщин в науке в большинстве своем обеспечивается за счет «традиционных» для женщин сфер, социальных и медицинских наук, тогда как в технических специальностях преобладают мужчины. Более того, по данным ЮНЕСКО, число женщин, получивших образование в сфере IT, сокращается с 2000 г.² Женщины составляют менее трети (27%) среди деканов университетов Латинской Америки³. Рост участия женщин в науке пока не привел к повышению гендерного равенства в институтах науки. Помимо стереотипов и неравномерно распределенной нагрузки по домашнему неоплачиваемому труду, препятствием на пути к гендерному равенству выступают низкое финансирование исследований и недостаточная правовая база⁴.

Институты управления (государственные и корпоративные). Гендерный паритет в институтах государственного управления играет важную роль в достижении гендерного равенства. Когда женщины представлены во власти, гораздо проще проводить политику, удовлетворяющую интересам женщин. И Латинская Америка здесь обгоняет даже развитые экономики (График 2). Женщины нередко избираются в качестве лидера нации (Аргентина, Чили, Бразилия, Перу, Гайана), занимают почти половину министерских должностей (Перу, Колумбия, Чили, Мексика) и мест в палате парламента (Аргентина, Боливия, Эквадор, Мексика). Тем не менее для реализации гендерно-ориентированной политики, то есть такой политики, которая бы удовлетворяла запросы обоих полов, в том числе женщин, необходимо развитие гендерных исследований, которые бы фиксировали запросы и проблемы экономики и общества и могли предложить адекватные меры. А это, в свою очередь, зиждется на повышении гендерного равенства в институтах науки. Однако в отсутствие сильных и влиятельных гендерных научно-исследовательских центров и ориентированности на повышение гендерного равенства женский пол президента не является достаточным условием для обеспечения устойчивого повышения гендерного равенства. В Латинской Америке сочетание женщин во власти с отсутствием гендерно-ориентированного подхода называют «гендерным популизмом»⁵. Было бы преувеличением сказать, что ориентация на гендерное равенство в правительственных кругах отсутствует. Приоритизация этого вопроса выражается в наличии специализированных министерств, посвященных проблемам женщин или гендерного неравенства, как ответ на активизирующееся феминистское общественное движение⁶.

1 "OECD.Stat," OECD, accessed December 20, 2021, <https://stats.oecd.org>.

2 Emilie Sweigart, "What Has Changed for Latin American Women in STEM?," *Americas Quarterly*, October 21, 2020, <https://americasquarterly.org/article/what-has-changed-for-latin-american-women-in-stem/>.

3 Alessandro Bello, and María Elina Estébanez, "An unbalanced equation: increasing participation of women in STEM in LAC," UNESCO, accessed February 25, 2022, <http://forocilac.org/wp-content/uploads/2022/02/PolicyPapers-CILAC-Gender-ENG-VFEB22.pdf>.

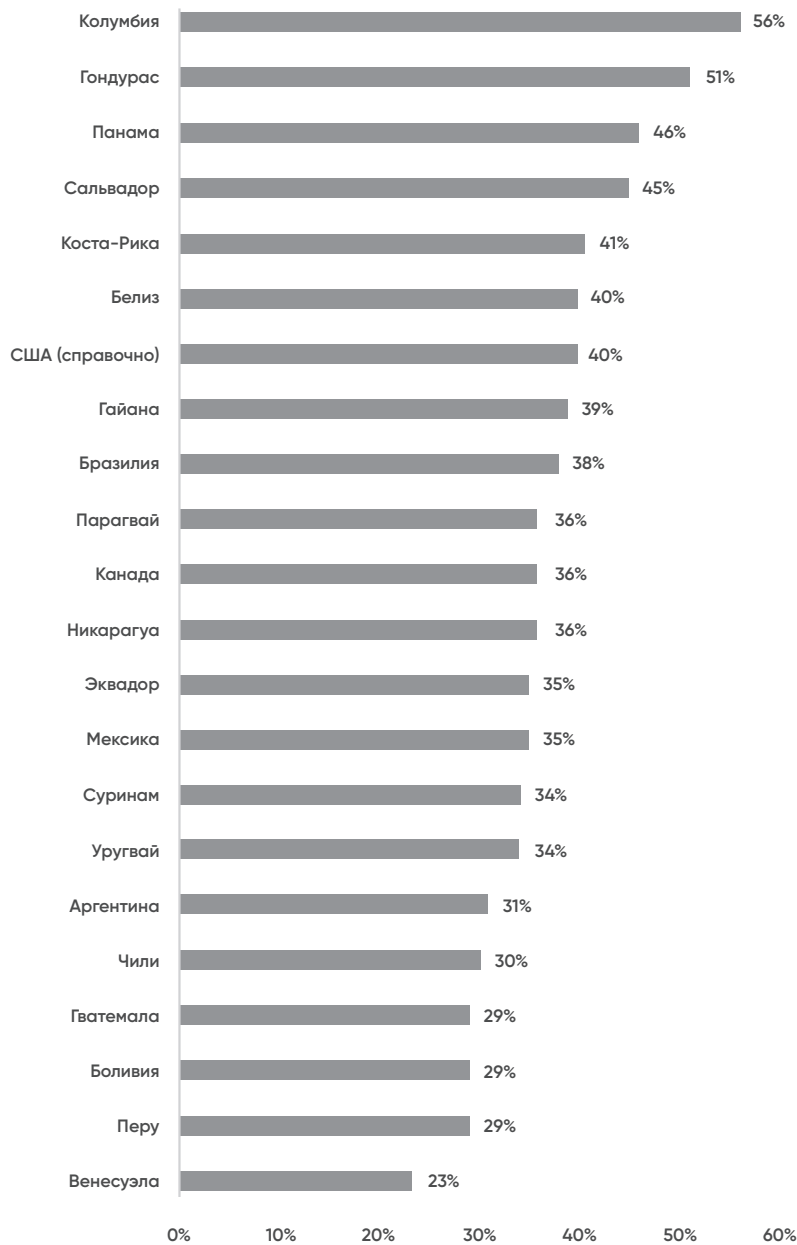
4 López-Aguirre 2019.

5 Kampwirth 2010.

6 "Women: the new political force in Latin America," openDemocracy, accessed January 15, 2022, <https://www.opendemocracy.net/en/democraciaabierta/mujeres-nueva-fuerza-politica-de-america-latina-en/>.

→ График 2

Доля женщин среди законодателей, крупных чиновников и руководителей высшего и среднего звена в странах Южной и Северной Америки (и США справочно) на последний доступный год, в %

Источник: составлено по данным: "Employment by sex and occupation," ILOSTAT Explorer, accessed December 15, 2021, https://www.ilo.org/shinyapps/bulkexplorer3/?lang=en&segment=indicator&id=EMP_2EMP_SEX_OCU_NB_A.

Согласно классификации ISCO–08, в первую категорию входят законодатели, крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена. В таком варианте классификации женщины в Латинской Америке занимают около трети руководящих позиций, находясь на уровне Канады и немного отставая от США. Колумбия выступает ярким примером гендерного паритета в институтах управления, так как женщины на руководящих позициях составляют более половины – 56%. Тем не менее отсутствие более подробной статистики, включая регулярные и весьма подробные отчеты региональной комиссии ЭКЛАК, свидетельствует не только о наличии серьезной проблемы, но и об отсутствии шагов по ее решению.

Заключение

Регион Латинской Америки встал на путь повышения гендерного равенства уже в 1970–х гг. в результате активизации феминистских общественно–политических движений и поддержки ООН. Это привело к повышению доли женщин в экономически активном населении и феминизации рынков труда. Однако гендерный разрыв в зарплатах остается достаточно высоким, особенно в неформальном секторе и на низкоквалифицированных позициях, в результате сильного гендерного дисбаланса в распределении домашнего труда и ухода за детьми. Короткий материнский и сверхкороткий отцовский отпуск по уходу за ребенком является одним из важных факторов консервации традиционного деления гендерных ролей в латиноамериканских семьях.

Тем не менее образование характеризуется весьма высокими показателями гендерного равенства. Девочки имеют полный доступ к образованию, в некоторых странах наблюдается даже обратный гендерный разрыв. Однако также наблюдается гендерная сегрегация в направлениях обучения с ярко выраженным делением на гуманитарные женские и технические мужские специальности. В рамках ЦУР особое внимание уделяется роли женщин в специальностях STEM как наиболее перспективном направлении развития занятости в условиях четвертой промышленной революции. ЭКЛАК и другие научно–исследовательские центры уделяют особое внимание вопросам повышения участия женщин Латинской Америки в STEM, однако эмпирические данные показывают снижение доли женщин, занятых в этом секторе в 2000–2015 гг. В науке также сохраняется «гендерный окрас» дисциплин, и женщины слабо представлены на руководящих постах. Однако в целом доля женщин в науке весьма высока, особенно в государственных научно–исследовательских организациях, где их доля составляет половину.

Слабая представленность женщин в руководстве в целом характерна для региона Латинской Америки, за исключением Колумбии, где женщины составляют более половины руководства. Это отражается и на мерах гендерной политики, таких как включение в Колумбии женского неоплачиваемого домашнего труда в национальные счета. Таким образом, наблюдаются высокая связь между долей женщин в управлении и уровнем гендерного равенства и слабая связь между уровнем социально–экономического развития страны и гендерным равенством.

→ Список литературы / References

- Ребрей, С.М. Гендерное равенство: взаимосвязи с другими целями устойчивого развития и официальная помощь развитию // *Мировое и национальное хозяйство*. – 2021. – №4. – <https://mirec.mgimo.ru/2021/2021-04/gender-equality-sgp>.
- Rebrey, S.M. "Gender Equality: Interlinkages within SDGs and Official Development Assistance." *World and National Economy* 4 (2021). – <https://mirec.mgimo.ru/2021/2021-04/gender-equality-sgp>. [In Russian]
- Addis, Elisabetta, and Majlinda Joxhe. "Gender gaps in social capital: a theoretical interpretation of evidence from Italy." *Feminist Economics* 23, no. 2 (October 2016): 146–171. <https://doi.org/10.1080/13545701.2016.1227463>.
- Basu, Bharati. "Do institutional norms affect behavioral preferences: a view from gender bias in the intra-household expenditure allocation in Iran." *Economic Modelling* 97 (April 2021): 118–134. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2020.12.024>.
- Donald, Aletheia et al. "Measuring women's agency." *Feminist Economics* 26, no. 3 (January 2020): 200–226. <https://doi.org/10.1080/13545701.2019.1683757>.
- Kabeer, Naila. "Resources, agency, achievements: reflections on the measurement of women's empowerment." *Development and Change* 30, no. 3 (July 1999): 435–464. <https://doi.org/10.1111/1467-7660.00125>.
- Kampwirth, Karen, ed. *Gender and populism in Latin America: passionate politics*. State College: Pennsylvania State University Press, 2010.
- Liu, Chia, Albert Esteve, and Rocio Treviño. "Female-headed households and living conditions in Latin America." *World Development* 90 (February 2017): 311–328. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2016.10.008>.
- López-Aguirre, Camilo. "Women in Latin American science: gender parity in the twenty-first century and prospects for a post-war Colombia." *Tapuya: Latin American Science, Technology and Society* 2, no. 1 (July 2019): 356–377. <https://doi.org/10.1080/25729861.2019.1621538>.
- North, Douglass C. *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511808678>.
- Valencia Londoño, Paula Andrea, Martha Elisa Nateras González, Constanza Bruno Solera, and Phoenix Storm Paz. "The exacerbation of violence against women as a form of discrimination in the period of the COVID-19 pandemic." *Heliyon* 7, no. 3 (March 2021). <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e06491>.

Artículo de investigación

<https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-113-128>

Desigualdad de género en América Latina

© S.M. Rebrey, 2022

Sofía M. Rebrey, PhD (Economía), Profesor Adjunto del Departamento de Economía Mundial, Universidad MGIMO, Moscú (Rusia)
Para la correspondencia: 119454, Rusia, Moscú, calle Prospekt Vernadskogo, 76

E-mail: s.rebrei@inno.mgimo.ru

Recibido: 25.01.2022

Revisado: 27.02.2022

Aceptado: 09.03.2022

Para citar: Rebrey S.M. Desigualdad de género en América Latina. *Cuadernos Iberoamericanos* 10, no. 1 (2022): 113–128. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2022-10-1-113-128>.

→ Resumen

El artículo está dedicado a medir el nivel de igualdad de género en los países de América Latina a partir de estadísticas de organismos internacionales (FEE, OCDE, OIT, UNESCO) y regionales (CEPAL de la ONU) y servicios nacionales de estadística, así como diversos índices de desigualdad de género (GGI, SIGI). La igualdad de género es vista como uno de los objetivos del desarrollo sostenible y la desigualdad de género como un freno en su camino. El estudio se lleva a cabo dentro de un enfoque institucional, ya que las instituciones son restricciones formales e informales aceptadas en la sociedad y determinan la escala y los factores de desigualdad de género. Se presta especial atención a las instituciones fundamentales que desempeñan un papel principal en la creación, formación e implementación del capital humano, a saber, el núcleo familiar, el mercado laboral, la educación, la ciencia, el gobierno corporativo y estatal. El estudio muestra que, entre las economías emergentes, América Latina tiene niveles muy altos de igualdad de género como resultado del alto grado de feminización de los mercados laborales. Sin embargo, el predominio de la tradicional división del trabajo en el núcleo familiar nivela las bonificaciones de la participación de la mujer en el trabajo remunerado y agudiza el problema de una doble carga: por un lado, las mujeres se encuentran atrapadas en las garras del trabajo remunerado, por el otro lado el trabajo doméstico no remunerado recae principalmente en ellas. El factor más significativo que incide positivamente en el aumento de la igualdad de género es la participación de mujeres como dirigentes. No habrá un aumento de este factor mientras no haya una política especializada dirigida a estimular la igualdad de género dentro del nivel de desarrollo socioeconómico del país.

→ Palabras clave

Género, igualdad de género, América Latina, brecha salarial de género, estadísticas de género

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

• Для авторов

Уважаемые коллеги! Подробная информация о журнале, требованиях к предоставляемым материалам, о редакционной политике и этических принципах доступна на официальном сайте по адресу: www.iberpapers.org. Рекомендуем внимательно ознакомиться с разделом «Прием статей». При оформлении списка литературы обязательно указывайте DOI цитируемых материалов. Подать рукопись статьи на рассмотрение можно через специальную форму на сайте.

Приветствуется указание идентификаторов автора: ПИНЦ Author ID, Scopus Author ID, Researcher ID, ORCID.

Точка зрения авторов, материалы которых публикуются в журнале «Ибероамериканские тетради», может не совпадать с мнением редакции.

→ ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ТЕТРАДИ

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Зарегистрирован

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-78906 от 7 августа 2020 г.

Адрес редакции:

119454, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76

Тел./факс: +7 (495) 225-33-13

E-mail: submissions@iberpapers.org

Оформить подписку на журнал «Ибероамериканские тетради» можно в почтовом отделении по каталогу «Пресса России».

Подписано в печать 20.03.2022

Формат: 108×70/16. Оффсетная печать. Цена свободная

Объем: 8,18 уч.-изд. л. Тираж: 200 экз. Заказ № 669.

Издательство ИМИ МГИМО МИД России

119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России

119454, Москва, пр. Вернадского, 76

• Para los autores

¡Estimados colegas!

La información detallada sobre la revista, los lineamientos para los autores, la política editorial y los principios de la ética e integridad académicas están disponibles a través del siguiente enlace: www.iberpapers.org. Recomendamos examinar la sección sobre el envío de los documentos. Al dar formato a la lista de referencias, por favor, indiquen el DOI de los materiales citados. Como parte del envío de un manuscrito para que sea considerado para su publicación, se debe completar un formulario especial que se encuentra en el sitio web oficial de la revista.

Se recomienda a los autores a proporcionar la siguiente información: el ID del autor del Índice de Citación Científica de Rusia, el ID del autor del Scopus, el ID del investigador, ORCID.

El punto de vista de los autores cuyos materiales se publican en la revista «Cuadernos Iberoamericanos» puede no coincidir con la opinión de los editores de la revista.

→ CUADERNOS IBEROAMERICANOS

Fundador:

Instituto Estatal de Relaciones Internacionales de Moscú adjunto al Ministerio de Asuntos Exteriores de la Federación de Rusia (Universidad MGIMO)

Registrado

por el Servicio Federal de Supervisión de las Telecomunicaciones, Tecnologías de la Información y Medios de Comunicación (Roskomnadzor).

Certificado de Registro de Medios de Comunicación ПИ No. FS77-78906 de agosto 7, 2020

Datos de contacto del equipo de redacción:

76, Prospect Vernadskogo, Moscú Rusia, 119454

Tel/Fax: +7 (495) 225-33-13

E-mail: submissions@iberpapers.org

Puede suscribirse a la revista *Cuadernos Iberoamericanos* en la oficina de correos utilizando el catálogo «Prensa de Rusia».

Firmado para imprimir el 20.03.2022

Formato: 108×70/16. Impresión offset. Prensa libre

Volumen: 8,18 pliegos editoriales. Tiraje: 200 ejemplares

Publicado por el Instituto de Estudios Internacionales de la Universidad MGIMO

76, Prospect Vernadskogo, Moscú, Rusia, 119454

Imprimido en el Departamento de la impresión instantánea y equipamiento de multiplicación de la Universidad MGIMO

76, Prospect Vernadskogo, Moscú, Rusia, 119454

• For authors

Dear colleagues! Detailed information on the journal, guidelines for authors, editorial policy and principles of academic ethics and integrity is available at the following link: www.iberpapers.org. We recommend examining the submission section of the website. When formatting the reference list please indicate DOI of the cited materials. In order to submit a manuscript to be considered for publication please fill in a special form on the official website of the journal.

Authors are encouraged to supply the following indicators: Author ID of the Russian Science Citation Index, Scopus Author ID, Researcher ID, ORCID.

The authors' opinion may be not consistent with the opinion of the editorial staff.

→ IBEROAMERICAN PAPERS

Founder:

Federal State Autonomous Institution of Higher Education "Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation"

Registered

by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor).

Mass Media Registration Certificate ПИ No. FS77–78906 of August 7, 2020.

Contacts of the Editorial Staff:

76, Prospect Vernadskogo, Moscow,
Russia, 119454

Ph./fax: +7 (495) 225–33–13

E-mail: submissions@iberpapers.org

You can subscribe to *Cuadernos Iberoamericanos* at your post office using the «Press of Russia» catalogue.

Signed to print on March 20, 2022

Format: 108×70/16. Offset printing. Free price

Volume: 8,18 printer's sheets. Circulation: 200 copies

Published by the Institute for International Studies,
MGIMO University

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Printed in the Department

of Instant Printing and Multiplying Equipment,
MGIMO University

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119454

Иван Кривушин → Ivan Krivushin

Борис Мартынов → Boris Martynov

Винисио Ксавиер Медина Гонсалес →
Vinicio Xavier Medina González

Людмила Окунева → Liudmila Okuneva

Эдисон Орельяна Солано → Edison Orellana Solano

Софья Ребрей → Sofia Rebrey

Максим Сигачев → Maksim Sigachev

Юлия Тимофеева → Yulia Timofeeva

Анна Щербакова → Anna Shcherbakova

Петр Яковлев → Petr Yakovlev

Наиля Яковлева → Nailya Yakovleva

ISSN 2658521-9

